

*Посвящается памяти
д.э.н., профессора
Виктора Георгиевича
Растянникова
(1928–2015)*

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ В СТРАНАХ ВОСТОКА:

**ТЕНДЕНЦИИ,
НЕРАВНОМЕРНОСТЬ,
НЕРАВЕНСТВО
СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ**

Коллективная монография

Книга 2

Москва
ИВ РАН
2020

УДК 330.34
ББК 65.2/4
Э40

Ответственный редактор и составитель
к.э.н. И.В. Дерюгина

Рецензенты:
д.э.н. В.А. Исаев, д.и.н. А.И. Яковлев

*Утверждено к печати
Редакционно-издательским советом
Института востоковедения РАН*

Э40 Экономический рост в странах Востока: тенденции, неравномерность, неравенство социального развития: Коллективная монография. В 2-х кн. Кн. 2 / Отв. ред. и сост. И.В. Дерюгина; Институт востоковедения РАН. – М.: ИВРАН, 2020. – 288 с.

ISBN 978-5-89282-974-8
DOI: 10.31696/978-5-89282-9748

Коллективная монография посвящена проблемам социально-экономического развития в странах Востока, быстрые темпы экономического роста в которых создают иллюзию всеобщего преуспевания. В монографии исследуются структурные характеристики и модели современного экономического роста, уделяется повышенное внимание условиям и факторам его неравномерности. Проводится как пространственный (межрегиональный, межстрановой), так и динамический анализ. Изучена острейшая проблема стран Востока – социальное неравенство, на основе современных концепций оценен уровень расслоения общества в различных странах. Проанализированы тенденции экономического роста в Китае, Индонезии, Пакистане, Турции, Египте, странах Персидского залива.

Книга представляет интерес для широкого круга читателей, занимающихся современными проблемами экономики стран Востока, преподавателей, студентов, аспирантов по специальности Международная экономика.

ISBN 978-5-89282-974-8
ББК 65.2/4

© Коллектив авторов, 2020
© ФГБУН ИВ РАН, 2020
© Растяникова Е.В., дизайн обложки, 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

**ECONOMIC GROWTH
IN THE EAST:**

**TRENDS,
UNEVENNESS,
INEQUALITY
IN SOCIAL DEVELOPMENT**

Collective Monograph

Book 2

Moscow
IOS RAS
2020

UDC 330.34

Edited and compiled by
Dr. I.V. Deryugina

Reviewers:
D.Sc. (Econ.) V.A. Isaev, D.Sc. (History) A.I. Yakovlev,

*Approved for printing Editorial and Publishing Council
Institute of Oriental Studies RAS*

Economic Growth in the East: Trends, Unevenness, Inequality in Social Development: Collective monograph. In 2 books. Book 2. Ed. and compiled by I.V. Deryugina; Institute of Oriental Studies RAS. – M.: IOS RAS, 2020. – 288 pp.

ISBN 978-5-89282-974-8

DOI: 10.31696/978-5-89282-9748

The collective monograph is devoted to the problems of socio-economic development in the Eastern countries, where rapid economic growth creates the illusion of universal prosperity. The monograph explores the structural characteristics and models of modern economic growth, paying special attention to the conditions and factors of its unevenness. Both spatial (inter-regional, inter-country) and dynamic analysis is carried out. The most acute problem of the Eastern countries-social inequality – has been studied. Based on modern concepts, the level of stratification of society in different countries is estimated. Economic growth trends in China, Indonesia, Pakistan, Turkey, Egypt, and the Persian Gulf countries are analyzed.

The book is of interest to a wide range of readers who are engaged in modern problems of the economy of the Eastern countries.

ISBN 978-5-89282-974-8

© Group of authors, 2020

© IOS RAS, 2020

© E.V. Rastyannikova, design cover art, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к Книге 2.....	9
Глава III. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО– ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН АЗИИ И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ	15
§3.1. Исламское государство: сплав девиантной идеи и криминализированной экономики.....	15
§3.2. Структурные проблемы экономической диверсификации в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива	40
§3.3. Зеленая экономика как инновационное направление развития Марокко	56
§3.4. Китай: модель экономического роста, основанного на инновациях	72
§3.5. Новые подходы к построению общества «сяокан» в Китае	94
§3.6. Финансовые системы Китая и Индии: особенности и проблемы развития.....	105
§3.7. Сельское хозяйство Китая – слабое звено в инновационной модели развития.....	119
§3.8. Экономический рост в современной Индонезии: итоги, факторы, эффективность.....	132
§3.9. Региональное и социальное неравенство в развитии Арабской Республики Египет в начале XXI в.	145
§3.10. Современные тенденции развития Арабской Республики Египет.....	173
§3.11. Современные социально–экономические вызовы в Пакистане на фоне эпидемии COVID–19.....	187

ГЛАВА IV. ТРАНСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ.....	203
§4.1. Международный транспорт Японии в условиях глобализации	203
§4.2. Российско-китайское транспортное сотрудничество: разность потенциалов как фактор риска.....	214
ПОСЛЕСЛОВИЕ	234
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	237
Приложение к §3.9.....	237
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	248
SUMMARY	271
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	283

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ 2

Вторая книга коллективной монографии посвящена тенденциям и моделям экономического роста в странах Азии и Северной Африки. С начала XXI в. ошутимо стали проявляться изменения соотношения сил в мировой экономике. Неравномерность и противоречивость социально-экономического развития отдельных стран и регионов нарастали с такой быстротой, что привели к кардинальным сдвигам в мировом порядке конца XX в.

В настоящее время наибольший интерес представляет собой парадокс экономического роста в Китае. Поэтому в работе рассмотрены различные аспекты этой актуальной темы. Во-первых, проанализированы и уточнены тренды, детерминанты и последствия долговременного развития страны в глобальном контексте. В результате показано, что: а) Китаю удалось совершить беспрецедентно быстрый и крупный по своим масштабам рывок в экономическом и социальном развитии не только в результате проведения широкого комплекса рыночных реформ (при сохранении командных позиций государства) и значительного увеличения нормы вложений в физический и человеческий капитал, но и вследствие активного использования внешних факторов и развития инновационного потенциала; б) форсированный экономический рост Китая был вызван не только экстенсивными, но и в немалой мере интенсивными факторами, роль которых оказалась, хотя и ниже, чем в развитых государствах, но существенно выше, чем в среднем по другим развивающимся странам; в) экономический прогресс страны сопровождался возникновением и обострением серьезных финансовых, экологических и социальных проблем, неотложное решение которых стало важнейшим императивом успешного продолжения Китаем догоняющего (перегоняющего) развития. Во-вторых, изучена смена моделей экономического роста в Китае на протяжении последних 40 лет, описана

перспективная экономическая модель, основанная на инновациях и определены условия ее реализации. С другой стороны показано, что слабейшим звеном в экономике Китая продолжает оставаться сельское хозяйство. Несмотря на достигнутые огромные успехи в области самообеспечения продовольствием – страна является мировым лидером по производству большой номенклатуры продуктов питания, показатели экономической эффективности не соответствуют эффективности промышленного производства, что формирует отраслевую неравномерность. И, наконец, подняты вопросы современного понимания социальной справедливости, приемлемого уровня контроля социального поведения личности с точки зрения руководства Китая, подчеркнуто, что предпринимаемые им меры уничтожают старый социальный порядок, и хотя китайская новая модель, основанная на инновациях, опирается на достижения научно-технического прогресса, ее гуманистическая составляющая и универсальность вызывают сомнения.

С точки зрения изучения закономерностей экономического развития Ближнего Востока затронута такая острая тема, как Исламский халифат, ставший самостоятельным и нелегальным образованием на захваченной военным путем части территорий Сирии и Ирака. Он предстает в работе как казусное явление и прямое следствие иностранной интервенции против Ирака, которая спровоцировала консолидацию религиозных экстремистских сил и их стремление институционально оформиться в виде государства. Созданный джихадистами феномен оказался ожидаемо провальным и лишенным необходимых признаков полноценного государства. Его экономическая функция была во многом несостоятельной, социальная воспринималась как ущербная, а демократия в общепринятом смысле слова вообще отсутствовала. Повседневная практика халифата носила все черты криминальной активности, отвечающей интересам лишь наиболее непримиримой группы фанатиков. Последствия соседства с ними быстро дали о себе знать и на сопредельных территориях – образованием здесь конкурирующих с официальными структурами власти криминальных

формирований, положивших начало многочисленным злоупотреблениям, насилию и экономическим преступлениям. Несмотря на то, что Халифат, как воплощение деструктивной идеи, уничтожен, корни его остаются, и сохраняется опасность возникновения новой подобной угрозы в лице сил, готовых дезавуировать ислам, как одну из ведущих мировых религий.

Продолжая тему экономического развития стран Ближнего Востока, исследуются проблемы диверсификации отраслевой структуры экономики в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива. Поскольку зависящая от экспорта нефти модель экономического роста испытывает все большие трудности в условиях глобальной трансформации рынка энергетических ресурсов, их положение остается сложным, вызывая необходимость ускорения перестройки отраслевых структур хозяйства. Все эти проблемы еще сильнее проявились в условиях последнего кризиса, связанного с падением цен на нефть под влиянием пандемии COVID–19. Текущий кризис подорвал функционирование ряда секторов сферы услуг, прежде всего, туризма. В рамках стратегий диверсификации отраслевой структуры страны ССАГПЗ на сегодня, несмотря на определенные успехи в диверсификации, поставлены перед вызовом переноса центра тяжести в диверсификации на группу производственных отраслей и на внедрение инновационных технологий.

В монографии подняты вопросы зеленой экономики на примере Марокко. Инновации являются неотъемлемым условием зеленого развития. С целью стимулирования внедрения инноваций в такие сектора марокканской экономики как возобновляемая энергетика, водное хозяйство, устойчивое сельское хозяйство, переработка отходов в стране разработан ряд организационных, регуляторных и финансовых механизмов. Государство играет ведущую роль в инновационном развитии, однако страна стоит перед необходимостью развития государственно-частного партнерства.

Арабская Республика Египет – самое крупное государство арабского мира, играющее важную роль в экономических процессах на Ближнем Востоке и в Северной Африке, исследована в монографии с двух сторон. Во-первых, комплексно проанализирована структура экономики Египта, проведён анализ социального неравенства, предложена классификация регионов Египта по уровню развития инфраструктуры и человеческого капитала. Во-вторых, определено направление социально-экономического развития Египта после арабской весны 2011 г. и описаны кризисы, связанные с быстрыми темпами роста населения.

Борьба с пандемией COVID–19 выявила новые линии разлома в экономической и социально-политической жизни стран Азии. В частности, в монографии изучены социально-экономические вызовы, с которыми столкнулось руководство и население Пакистана, где в добавление к энергетическому кризису 2015–2019 гг. весной 2019 г. возник кризис платежного баланса, а уже через год страну накрыл COVID–19. Череда вызовов лишь подчеркнула слабое управление федерального правительства; несовершенную систему здравоохранения, финансируемую по остаточному принципу, социальную недисциплинированность населения; но одновременно проявила замирение борьбы политических партий, что бывало в истории страны только в периоды наивысших угроз национальной безопасности.

Высокие темпы экономического роста в странах Юго-Восточной Азии, сопровождавшиеся сокращением социальных проблем, реальным улучшением продовольственной безопасности, представляют собой еще одну «загадку» неравномерности экономического роста. Поэтому в работе предлагается исследование динамики и реальных итогов социально-экономического развития Индонезии в XXI в. с учетом вклада в этот процесс важнейших факторов – затрат труда, капиталовложений, совокупной факторной производительности. В результате можно сказать, что высокие темпы экономического роста Индонезии сопровождаются

относительно медленной перестройкой ее отраслевой структуры, возрастающим вкладом экстенсивных факторов (особенно капиталовложений), а повышение качества жизни существенно отстает от динамики экономического роста.

Процесс глобализации, охвативший сегодня многие страны мира, тесно связан с развитием международной транспортной инфраструктуры и, в первую очередь, морского транспорта, на долю которого приходится наибольшая часть грузоперевозок. Морское судоходство – важный инструмент этого процесса. Одновременно высокие темпы интеграции международного сотрудничества заставляют искать все новые пути повышения эффективности транспорта, чтобы отвечать требованиям времени. Отсюда появление международных транспортных коридоров и нововведений, опирающихся на последние достижения науки и техники. Самым наглядным проявлением глобализации является свободное перемещение товаров, людей, информации и капиталов через национальные границы. За годы глобализации резко возросли объемы внешнеторговых грузоперевозок. В рамках темы влияния глобализации на транспортный потенциал рассмотрены два вопроса: международный транспорт Японии и перспективы российско-китайского транспортного сотрудничества. Также в рамках российско-китайского транспортного сотрудничества сделана оценка дисбалансов экономических потенциалов России и Китая, проведен сравнительный анализ основных экономических показателей двух стран.

Оценивая события начала XXI в. можно заключить, что мир вступает в новую эпоху, когда международный экономический порядок приобретает иные очертания по сравнению с предыдущими десятилетиями. Многие развивающиеся страны Востока наращивают свою экономическую мощь, а развитые страны Запада вынуждены пересматривать свое отношение к быстрорастущим экономикам. Современный кризис, вызванный эпидемией COVID–19, еще более обнажил слабости мировой экономической системы.

Авторский коллектив:

КНИГА 1

ПРЕДИСЛОВИЕ – Дерюгина И.В.

ГЛАВА I

§1.1 – Дерюгина И.В.

§1.2 – Мельянцев В.А.

§1.3 – Дерюгина И.В.

§1.4 – Растянникова Е.В.

§1.5 – Борисов М.Г.

§1.6 – Белокреницкий В.Я.

§1.7 – Ульченко Н.Ю.

ГЛАВА II

§2.1 – Акимов А.В.

§2.2 – Юрлов Ф.Н.

§2.3 – Цветкова Н.Н.

§2.4 – Стрельцов Д.В.

§2.5 – Лебедева И.П.

ПРИЛОЖЕНИЕ – Дерюгина И.В.

КНИГА 2

ГЛАВА III

§3.1 – Филоник А.О.

§3.2 – Гукасян Г.Л.

§3.3 – Соловьева З.А.

§3.4 – Кандалинцев В.Г.

§3.5 – Максимова Е.И.

§3.6 – Матюнина Л.Х.

§3.7 – Дерюгина И.В.

§3.8 – Бойцов В.В.

§3.9 – Орлов И.А.

§3.10 – Бочаров И.А.

§3.11 – Замараева Н.А.

ГЛАВА IV

§4.1 – Авдаков И.Ю.

§4.2 – Семенова Н.К.

ПРИЛОЖЕНИЕ – Орлов И.А.

ПОСЛЕСЛОВИЕ – Дерюгина И.В.

ГЛАВА III.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОЦИАЛЬНО– ЭКОНОМИЧЕСКОГО И ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ СТРАН АЗИИ И СЕВЕРНОЙ АФРИКИ

§3.1. Исламское государство: сплав девиантной идеи и криминализированной экономики

В ходе и после окончания Второй мировой войны турбулентность и внутри, и вокруг арабского мира значительно усилилась в силу многих причин. Будучи до этого довольно однородным образованием, он быстро дифференцировался по показателям благополучия, выделив группу богатейших нефтеэкспортеров, страны среднего уровня развития и бедную периферию.

С середины прошлого века регион начал обретать особую геополитическую, а затем и экономическую ценность в глазах западного мира, как поставщик углеводородов, а с последней четверти и как серьезный самостоятельный партнер в лице наиболее влиятельных нефтеэкспортеров, способных отстаивать свои интересы и даже определять курс технологического развития в индустриально развитых странах.

В предшествовавшие десятилетия регион временами переживал определенные внутренние разногласия, вызванные, в основном, локальными территориальными претензиями или трениями по поводу воды, которые не сопровождались драматическими последствиями. Исключением стал носивший иную природу иракско-кувейтский конфликт, который в худшем варианте мог бы иметь серьезные последствия для стран Персидского залива.

Наиболее серьезным источником ожесточенных конфликтов и войн становилось все же внешнее воздействие и арабское противодействие, обращенное на наступавшего противника. Это

относится к тройственной агрессии 1956 г. и к целой серии арабо-израильских войн.

После проигранной в 1967 г. войны с Израилем обстановка стала еще более взрывоопасной в силу возникновения палестинского фактора, который стал знаменем борьбы для всех арабов и выступает в качестве запала для волнений на Ближнем Востоке и по сию пору. Достаточно упомянуть недавнюю инициативу Трампа о «сделке века», предполагающей окончательное решение вопроса не в пользу палестинцев и их крайне негативную реакцию на этот демарш.

В ходе войн арабский мир в лице ряда стран понес территориальные потери, часть которых можно квалифицировать, скорее всего, как необратимые. Экономический урон, вызванный масштабными столкновениями, также был ощутимым, не говоря уже о моральном ущербе. Но в целом материальные утраты имели в большей степени локальный характер, так как прямо затрагивали в основном только те страны, которые становились непосредственными участниками вооруженной борьбы. И довольно быстро восстанавливались, в том числе, за счет советской военной и экономической помощи, солидарности, проявленной арабийскими монархиями и из других источников.

Но события этого ряда сохраняются в народной памяти. Они остаются частью общего фона, на котором разворачивается современная политическая история стран региона, замешанная, в том числе и в той или иной мере, на неудачах стратегий роста, сбоях в социально-экономической действительности, упущениях в сфере национальных действий, на политических просчетах, социальной несправедливости и других негативных факторах. В обостренном варианте все они становятся готовой почвой для гражданского неповиновения, способствуют образованию завалов из неверных решений, наслоению разноплановых социальных, экономических и других проблем. Из масштабных дисбалансов и иных несообразностей вырастают нелепые, но опасные инициативы, связанные с возрождением традиционализма, обращением к далеко

отнесенным ценностям общественного бытия, формируются угрозы, провоцируемые или усугубляемые иностранным военным и политически вмешательством, приводящим, как теперь стало понятно, к катастрофам.

Эти события можно рассматривать в качестве своего рода преамбулы, которая предвещает возникновение такого явления, как «Арабская весна». Ее феномен, помимо сказанного, вырос из множества иных обстоятельств, но, в основном, из копившегося внутри арабских наций недовольства авторитаризмом власти, забвением народных интересов, затянувшимися реформами, быстрым падением уровня жизни и сомнением в том, что политика правящих режимов ведет именно к общему благу. Все они в совокупности создали критическую массу протеста, активизировали до поры скрытые внутренние группы недовольных, которые быстро слились с экстремистскими силами, стянувшимися в конфликтные точки и поощряемые ослаблением власти к энергичным действиям во имя своих интересов.

Уходящее десятилетие нанесло арабскому миру, видимо, один из самых тяжелых на фоне всех прежних перипетий новейшей истории ударов, обрушившийся сразу на несколько значимых арабских государств, которые были выбиты из колеи поступательного развития и оказались на обочине естественных процессов, образующих социально-экономическую и общественно-политическую ткань Арабского Востока.

Наиболее явно это произошло в Ираке после американского вторжения, что взорвало обстановку, перекроило всю систему общественно-политического и социального устройства этой крупной и богатой нефтью страны. Естественным результатом этой акции стал разгул анархии, способствовавший сплочению наиболее решительных и мотивированных сил, взявших на вооружении идеологию воинствующего ислама и приступивших к реализации идеи исламского халифата, ставшего своего рода венцом «национал-экстремизма».

Учитывая образ мышления и действий вырвавшихся в авангард фанатичного исламизма лидеров, основными средствами воздействия которых на окружающий мир стали массовое запугивание населения, карательные акции в виде демонстративных коллективных казней и иных расправ с целыми людскими сообществами, создали все основания рассматривать материализовавшуюся форму государственности как чисто криминальный институт, охваченный многими фобиями, превративший насилие в основной инструмент общения с населением и в универсальный метод продвижения своих решений и планов на захваченных территориях.

Избрав такой «эффективный» курс на максимальное сосредоточение в своем распоряжении ресурсов для поддержания халифата как государственной машины, но главное, для финансирования вооруженной борьбы по периметру созданного образования, джихадисты ориентировались на создание своего рода мобилизационной экономики. В рамках ее они стремились максимально использовать имеющиеся ресурсы и аккумулировать все средства для быстрого подавления сопротивления законных властей и завершения процесса создания собственной государственности вопреки любому нажиму, откуда бы он ни последовал.

Экстремисты действовали вполне осознанно, возможно, предвидя, что сопротивление им последует, хотя, установив свою власть над обширными территориями Сирии и Ирака, они, видимо, полагали, что давление на них не будет превышать их возможности противодействовать негативным для них проявлениям. Они выстроили жесткую иерархию власти, выделив в ней сегменты, которые несли полную ответственность за экономическую безопасность квази-образования.

Они определили ключевое звено в хозяйственной системе, поставив во главу угла интенсивную эксплуатацию захваченных нефтяных месторождений, как проверенного средства достижения финансового обеспечения своего формировавшегося режима. Когда опасность существованию исламского государства возросла,

они обратились к практике усиленной эксплуатации ресурсов других отраслей экономики.

Быстрая реакция на изменение ситуации влияла на формулирование ведущего стимула экономической деятельности, что можно объяснить только пониманием боевиками спровоцированных ими реальностей как тотальной войны, при которой перед халифатом вставала необходимость задействовать весь попавший в его руки потенциал.

Но при этом последовательность этапов формирования капитала утратила четкие очертания. Нормальный инвестиционный процесс в зоне действия исламистов был нарушен, чего не могло не произойти в результате, с одной стороны, замедления роста реальных сбережений у населения, истощения источников накопления и сужения каналов внутривоспроизводственного и межотраслевого обмена капиталами, товарами и услугами. С другой стороны, централизованные игиловские финансово-кредитные механизмы придерживали ресурсы, дополнительно ограничивая аккумуляцию средств частным сектором, что не создавало условий для инвестирования и расширения производства силами средних и мелких хозяйств и предприятий. Эта функция относилась фактически полностью к экономическому блоку халифата и сосредоточивалась вокруг финансирования стратегических для него ниш.

В жестко управляемой, но разрегулированной, по понятиям мирного времени и нормальной с точки зрения обеспечения процессов роста, экономике именно халифат замкнул на себя «заботы» о ее развитии. Но этот процесс протекал в тесном русле, поскольку не создавалось значимых производств в промышленности, не строились объекты инфраструктуры, а работа ограничивалась, в лучшем случае, текущими восстановительными мероприятиями в сиюминутных ситуациях. Единственно отлаженным механизмом был конфискационный и распределительный, который, собственно, был построен на системе выжимания налогов, пошлин, разнообразных сборов, пожертвований, выплат за некие госуслуги и т.п.

Нормальные экономические связи в халифате в той или иной части подверглись архаизации. В условиях расчленения рынка товарный обмен кустарно-промышленными и сельскохозяйственными товарами для населения минимизировался, и в силу вступали своего рода полунатуральные отношения, и одно это уже снижало эффективность потуг боевиков создать свой механизм надежной работы экономики на низовом уровне.

Халифат не был особо озабочен сохранением человеческого капитала. Спонтанные перемещения масс людей, психологическое травмирование и высокая смертность существенно ослабляли его в годы правления исламистских сил. Обездоленность усугублялась тем, что не все население на оккупированных территориях было местным. В разных соотношениях оно могло быть представлено перемещенными лицами, которые оказывались в крайне тяжелых условиях, не имели жилья и недвижимости и, естественно, прав собственности и права рассчитывать на какое-то вспомоществование со стороны боевиков, хотя имели место и исключения, о чем ниже. По сути, эта часть населения существовала в весьма жестких условиях и подвергалась неприкрытой эксплуатации при том, что было лишено свободного доступа к системам продовольственного обеспечения, здравоохранения, тем более обучения или призрения.

Ссылаясь на приоритетность поддержания интенсивности боевых действий, руководство халифата оставляло в стороне вопросы борьбы с бедностью и ситуацию в сфере социальных услуг, ограничиваясь весьма скромными действиями на этой площадке.

Обеспечение бесперебойности работы банковской системы, функционирования локальных платежных систем, выдачи заработной платы и множество других ординарных действий, конечно, было организовано, но на этих направлениях довольно активно подвизались выдвигенцы из числа сочувствующих боевикам. Они не могли конкурировать с властными представителями на местах, но, все же выторговывали, под тем или иным видом, права на то, чтобы навязывать свое посредничество жителям и

товаропроизводителям или использовали другие приемы паразитирования.

Уместно отметить, что в рамках исламистского проекта государственного устройства предусматривалось внедрение в хозяйственную практику принципов исламской экономики и шариатской взаимопомощи. Очевидно, что, работая в этом направлении, джихадисты стремились всеми доступными средствами укреплять свое присутствие на экономическом пространстве занятых территорий, играя, в том числе, на религиозных чувствах населения, которому навязывалась исламская банковская практика, как единственно достойный мусульманина способ ведения финансовых операций. Расчеты на результативность популяризации этого начинания строились на том, что всеобъемлющая система исламских платежей, охватывающая все население халифата и не имеющая альтернативы, явочным порядком могла бы привести население к принятию шариатской системы.

Возможно, в исламской системе регулирования производственных отношений исламисты видели способ каким-то образом закрыть бреши в социальной поддержке населения, если они, конечно, рассчитывали на дальнейшее существование в рамках созданного квази-государственного образования. Но и в этом случае с трудом предполагаемая возможность установления хотя бы внешнего подобия справедливости путем узаконения шариатских норм (как стандарта поведения и ориентира для всех форм деятельности на занятых территориях) опровергалась возобновлением давно изжитой традиции распределения благ путем дележа военной добычи среди боевиков, что далеко уводило от представлений о социальной справедливости в современном понимании. Особенно на фоне того, что преобладающая часть социума лишалась или, как минимум, ограничивалась в доступе к социальным даже не благам, а просто помощи.

Между тем, как бы в подтверждение серьезности своих намерений, финансовый блок халифата создал несколько образцов золотого динара. Такая мера, видимо, должна была указывать на

решимость довести проект до конца, параллельно выстраивая структуры исламского финансирования, страхования, халяльного обмена, экспертизы и т.п., как наиболее отвечающих идеологии Исламского государства и представляющих его в более выгодном свете, по крайней мере, в глазах уммы. Однако задуманные планы не успели получить развития в силу неблагоприятно сложившихся для этого обстоятельств. Да и сам факт, что справедливость может достигаться путем насилия и разграбления культурных и материальных ценностей и других демонстративных преступлений не вызывает сомнения в своем кощунстве в свете иных, типичных для ислама, представлений о нравственности, далеко отстоящих от подобных способов установления социальной справедливости и порядка.

Стабилизация макроэкономических показателей и финансового обеспечения властных институтов, в силу значимости входила в сферу ближайших интересов джихадистского руководства, очевидно, ожидавшего, что модель исламской экономики станет подспорьем в их руках. Однако предпринимавшиеся меры в условиях основанной на страхе и регулируемой методами военного времени экономики приносили результат, который давался истощением производительных сил оккупированных территорий. При дальнейшем присутствии на них халифата такая политика вполне могла бы привести и, в общем, в немалом числе случаев и привела к выведению больших сегментов производственных мощностей из хозяйственного оборота.

В целом же, буквально оккупационная политика Исламского государства в любом случае едва ли могла в условиях боевых действий по периметру вырванных из-под суверенитета Сирии и Ирака районов (оказавшихся в окружении значительных пространств, неподконтрольных халифату) строиться на абсолютной уверенности боевиков в реальности поставленных целей и в отсутствии потенциально серьезных рисков, возникающих при освоении захваченных земельных и иных ресурсов. Одно осознание скрытых опасностей, которыми был чреват проект создания

Исламского государства, должно бы было умерить самонадеянность джихадистов и заставить их усомниться в расчетах на то, что нет сил, которые могли бы препятствовать планомерному и накатному осуществлению намеченных ими планов.

Очень вероятно, что в халифате не все и не до конца были уверены в победе, и, возможно, по этой причине презрение к элементарной заинтересованности в сохранении материальной базы развития в ряде занятых районов демонстрировалось достаточно ощутимо, поскольку ставилась задача быстрее выкачать капитал в любой форме из менее надежных районов. Еще одной причиной поверхностной, но от этого не менее разгромной, хозяйственной политики, могла быть хронически острая потребность в средствах ведения войны, которые подлежали мобилизации беспощадными методами. В итоге, халифат преуспел в опустошении отдельных анклавов на завоеванных территориях.

Период сжатия обычной экономики в подвластных районах и превращения ее в исламскую оказался настолько коротким, что не мог подтвердить преимуществ второй по сравнению с первой. К тому же, джихадистское руководство с момента появления на сцене российских ВКС, видимо, признало всю относительность дальнейших возможностей удерживать отвоеванные ранее территории. Успех антиигиловской операции привел к методичному выдавливанию вооруженных формирований из занимаемых ими районов и таким образом способствовал определенному сохранению контролировавшихся исламистами локальных хозяйственных потенциалов от окончательного разрушения. Экономическим же экспериментам исламистов в хозяйственной сфере был положен конец.

Между тем, нелишне подчеркнуть, что Исламское государство стало серьезным феноменом в экономической и политической жизни Ближнего Востока, впрочем, и всего арабского мира и колоссальным испытанием на прочность всей существовавшей в регионе системы организации власти и общества. Чтобы противостоять ей, новое явление, опирающееся на радикальную идею и

подстегиваемое стремлением достичь максимальной выгоды от экспансии в чуждый мир, должно было опираться на основы, гарантирующие реализацию стратегических задач в обстановке хаоса и общего разброда и очень быстро обрести оформленные организационные черты.

Действительно, в сжатые сроки сложились структуры управления, выделилось высшее руководство, появились свои институты и учреждения разного профиля, деятельность которых охватывала все стороны жизни халифата от идеологии до экономики. Процесс управлялся Финансовым советом и Советом по вопросам благотворительности, которые курировали финансовую и экономическую политику халифата и выполнял регуляторную и распределительную функции. Несмотря на колоссальные изъятия и злоупотребления, управление территориями было поставлено со знанием дела, учитывая, что процессом руководили явно опытные кадры, имевшие навыки гражданской и военной службы, возможно, не по своей воле выдвленные из прежней жизни. Общий тон отношений в этой сфере нес на себе жесткий отпечаток именно исламистской практики администрирования, которая обходилась минимальным набором средств для незамедлительного получения требуемых результатов. В любой практически ситуации экономические и социальные учреждения с большей эффективностью работали в пользу боевиков, а не рядового населения. В рамках этого императива сфере хозяйственной деятельности оказывалось особое предпочтение. При важности других органов и систем жизнеобеспечения и безопасности воюющего квази-государства, экономическая сторона вопроса оставалась для него исключительной.

Внедрив новый порядок, Исламское государство явочным же порядком стало серьезным феноменом в экономической и политической жизни Ближнего Востока, впрочем, и всего арабского мира.

Внешне созданные структуры не несли особой угрозы, поскольку воплощали набор естественных функций, которые требуются для поддержания жизнеспособности режима и выстраивания

его политики с точки зрения приоритетности методов жизнеустройства общества.

Однако на практике деятельность этих институтов изначально содержала в себе весьма неоднозначные элементы. В первую очередь, это касалось управления территориальными образованиями, которые подразделялись на две категории, что и определяло их ценность для исламистского режима.

К первым относились районы, в удержании которых под своим контролем джихадисты, возможно, уже изначально сомневались. Именно здесь развернулись наиболее жесткие реквизиции и поборы, направленные на изъятие максимального продукта из уцелевших хозяйств без предоставления им компенсаций либо иной помощи во избежание отягощения бюджета исламистского квази-государства.

Не побуждал к положительным действиям на этой почве и упадок промышленных и аграрных активов, остававшихся в распоряжении населения и домашних хозяйств, база которых была подорвана бегством значительной части рабочих рук и общим обеднением производительных сил в этой части захваченной территории.

Именно здесь применялась практика насильственных действий вплоть до конфискации основного капитала и оборотных средств и других карательных методов. Задача такого подхода состояла в том, чтобы насильственно навязать массовому сознанию вообще и привить понимание хозяйствующим субъектам, в частности, идею, согласно которой они составляют неотъемлемую часть хозяйственного организма халифата, сплотившуюся вокруг исламистского ядра и готовую жертвовать всем во имя сохранения и продвижения исламистских ценностей.

Власть акцентировала чисто командный метод в организации хозяйственной деятельности исключительно в интересах джихадистской администрации, привлекала к трудовой повинности женщин, внедряла нормированное распределение продуктов, увеличивала продолжительность рабочего дня и вводила любые иные

ограничения или налагала обязательства, если такие меры отвечали потребностям квази-государства.

В зоне оккупации сохранялось определенное количество хозяйствующих субъектов, потенциально способных самостоятельно заниматься экономической деятельностью. Однако их работа чаще ограничивалась малозначащими производственными или коммерческими операциями из-за опасения привлечь к себе излишнее внимание. Одно это может хотя бы косвенно указывать на то что частный сектор так или иначе был поставлен в жесткие условия избыточной эксплуатации.

Как видно, задача минимизации ущерба человеческому или физическому капиталу не была в центре внимания халифата, хотя решалась выборочно, поскольку без определенного минимума действий на этом поле он не мог обойтись. Как не могли в то же время не применять методов угнетения большой массы товаропроизводителей и не прибегать к практике урезания доли полученного хозяйством необходимого продукта, которая направлялась в общей массе доходов на формирование бюджета.

Поэтому халифат, в целях интенсификации процесса и избегая излишне обременять казну, жертвовал текущим потреблением на части подконтрольных территорий, по сути, обрекая нищающих товаропроизводителей на дополнительные расходы, требуя, чтобы они использовали собственные накопления на приобретение недостающих факторов производства. Фактически, это означало перевод хозяйств на самообеспечение без особой возможности получить помощь со стороны халифата. В тяжелом же оборудовании не было необходимости, поскольку джихадисты на износ эксплуатировали захваченные промышленные активы и иные трофеи производственного назначения. Да и сама проблема производства товаров широкого потребления боевиков особенно не беспокоила, поскольку поставки велись за счет контрабанды.

Падение эффективности хозяйственной работы в ходе подстраивания ее под нужды боевиков и придания ей исламского характера отмечалось в той или иной степени в разных ареалах на

территории под властью Исламского государства. Однако отмечались определенные различия в том, как была организована такая работа в зависимости от обстоятельств, упитывавшихся боевиками.

Придерживаясь политики обирания товаропроизводителей, боевики, тем не менее, не могли отказаться от сложившихся вне их системы власти и в ходе длительной исторической практики наиболее органичных способов формирования капитала и создания факторов, обеспечивающих работу воспроизводственных механизмов. Накопление капитала и для джихадистов имело определяющее значение и составляло их повседневную задачу.

Оккупационная политика на территориях, где их администрация чувствовала себя уверенно, значительно отличалась от предшествующей. Подход к «работе» с товаропроизводителями разных уровней отличался меньшей суровостью и гораздо большей гибкостью. Послабления были отчетливо видны из того, что контрольно-управляющие органы вели себя с большей оглядкой на сохранение потенциала экономических агентов. В частности, в районы свозились уцелевшее подобранное на стороне оборудование, сельскохозяйственная техника, запасы зерна и другие расходные материалы, причем все имущество распределялось за плату между претендентами.

Одновременно была налажена система кредитования хозяйств разного профиля, активно создавались «халяльные» каналы проводки денежных ресурсов. Отрасли хозяйства, которые гарантированно способствовали преодолению нехватки потребительских товаров и услуг, в первую очередь для боевиков, становились своего рода охранной зоной, в рамках которой поддерживался необходимый порядок. Другими словами, игиловские власти санкционировали защиту сферы нормального функционирования товарно-денежных отношений в этом секторе экономики и жестко реагировали на любые попытки ослабить работу механизмов, предназначенных для аккумуляции сбережений населения и обеспечения воспроизводства материалов, товаров и услуг в

интересах квази-государства и тех территорий, которые продуктивно работали на него. С этой же целью, чтобы добиться большей поддержки со стороны населения, игиловцы довольно широко прибегали к практике наделения нужных категорий экономически активного населения различными пособиями, льготами или бонусам для удовлетворения личных и хозяйственных нужд.

Но и в этой зоне усиленного контроля не обходилось без злоупотреблений и нарушения нового порядка вещей. При внешней лояльности к хозяйственной политике власти боевики, подвергавшиеся риску свои жизни в ходе вооруженной борьбы, собранные со всего мира, имевшие разные происхождение, жизненные установки, опыт и вне боя склонные к анархии, нередко преступали черту дозволенного и проявляли самоуправство в попытках отчуждения собственности физических лиц, игнорируя факт, что эти последние были своего рода собственностью халифата и составной частью его налоговой базы. Такого рода покушения пресекались достаточно жестко, но для «отвязных» людей, угрозы наказания не всегда оказывались действенными, хотя преступления не носили системного характера.

Фискальная организация халифата строилась на принципах шариатского права, что естественным образом перекликалось с их решением внедрять принципы исламской экономики. Финансово подотчетным было все население захваченных территорий. Немусульмане обязывались выплачивать джизью, мирная часть мусульманской общины должна была платить закят. Любые экспортно-импортные операции сопровождалась выплатой ушра, или десятины. Были введены налоги на урожаи, скот, машины. Как отмечалось, действовал налог с трофеев, часть которых распределялась между боевиками, а другая поступала в «общественный» фонд незаконных формирований, но не населению.

В рамках повышения эффективности налоговой деятельности в халифате был осуществлен возврат к оттоманской практике ильтизама, при которой сбор налогов в ряде случаев отдавался на откуп лицам, способным жестко выполнять коллекторские

функции в пользу Исламского государства за часть «выбитой» сверх того выручки.

Неуплата налогов пересекалась решительными методами. Вплоть до конфискации имущества и реализации его на местных рынках. Процесс в целом контролировался в централизованном порядке, т.е. усилиями соответствующих чиновников. Но в помощь им привлекались и активисты из боевиков или коллаборанты из числа жителей, поощрявшиеся призывами к доносительству и наущничеству. При такой поставке дела причастность к процессу лиц из неформального пространства, руководствовавшихся, скорее всего, корыстными побуждениями, явно не могла гарантировать исполнительность работающих на джихадистов сборщиков, что увеличивало потенциальную возможности манипулирования с налоговыми начислениями и со сборами.

Бюджет халифата строился на доходах от добычи нефти на захваченных месторождениях, которая интенсивно сбывалась по различным каналам через разветвленную сеть посредников. Накопления обеспечивались и пожертвованиями от сочувствующих фондов и лиц, средствами от разграбления материальных и иных активов, данью от покровительствуемых групп «комбатантов», контрабанды оружия, наркотиков, торговли художественными ценностями и памятниками национальной культуры и истории, людьми, детьми и финансировались через иные нелегальные каналы.

Другими словами, на протяжении существования исламского государства его казна регулярно пополнялась вымороченными разными путями деньгами. Они давали головке движения свободу маневра при обустройстве того, что называлось исламским государством.

Имеющиеся факты дают определенные основания считать, что на короткий временной период на части территорий Сирии и Ирака сложился любопытный феномен. По сути, он представлял собою симбиоз преступного квази-государства с экономикой, которая, будучи подверстанной к его нуждам и потребностям,

превратилась по факту в значительной мере в криминализованный организм. Характерным следствием этого процесса стало то, что соединенные воедино, две его части – сирийский и иракский «филиалы» – породили уродливое целое, масштабировав его до такой степени, что опасность возникшего феномена превратилась прямо или косвенно в угрозу для всего Арабского Востока. И это обстоятельство продолжает серьезно лихорадить ситуацию на северо-востоке Сирии и создает нездоровый фон в неблагополучных государствах региона.

Во всяком случае, этот уникальный, а по многим фактам разрушительный пример объемно показал, в первую очередь, арабскому обществу, какой может быть его судьба перед лицом силы, цель которой состоит не только в том, чтобы удовлетворить амбиции и претензии на власть ее головки, но и добившись этой власти, внедриться в финансовые, сырьевые и иные ресурсные потоки, развернуть их в свою сторону и занять место прежних элит под прикрытием борьбы за чистоту ислама.

«Военно-теневая» экономика стала невероятной для современного арабского мира моделью развития, ориентированной на реанимацию пережиточной формы исламского правления в виде халифата с его ретроградными задачами и институтами хозяйственной деятельности. Эти последние в виде облагороженной и институализированной исламской финансовой и налоговой модели имеют свою историю уже в новейшее время, но не могут полностью утвердиться даже в более чем располагающей среде Арабского Востока и особенно Аравийского полуострова конкурировать на равных в западном мире. Даже в самой Аравии исламский банкинг, имеющий здесь вполне устойчивые позиции, не занял среди кредитно-финансовых учреждений места, на которое мог бы, предположительно, рассчитывать.

В свете сказанного очевидно, что то, что произошло на Арабском Востоке в исполнении халифата было не только военно-политической демонстрацией и своего рода смотром экстремистских сил и средств или опытом государственного строительства с

негодной практикой, но и финансово-экономический экспериментом с неудачным концом, тем не менее, нашедшим отклик и сторонников в среде сочувствующих в неблагополучных районах арабского мира, куда исламисты наладили, своего рода, «экспорт» преступности и элементов анархии и архаизации отношений в хозяйственной сфере, в быту и на других направлениях и даже едва ли не по всему свету, где местные неформалы поддерживали связи с боевиками.

Другими словами, токсичный эффект халифата не остался вещью в себе. Он серьезно расстроил всю хозяйственную деятельность в оккупированных областях. И очень больно и самым непосредственным образом ударил по благополучию Сирии и Ирака. Заостренность на военных действиях и увлеченность силовыми решениями хозяйственных проблем и для самих боевиков создали очень существенные дисбалансы в их воспроизводственной системе, которые, может быть, и были бы как-то нивелированы самими джихадистами, если бы у них было время для этого. В ожидании такого времени они спешили обеспечить свою базу существования и поэтому действовали преимущественно волонтаристски, вне рамок права, вызывая отторжение у населения, работающего нередко только для получения средств к жизни.

Практика Исламского государства в период его расцвета подала пример примыкающим к его границам территориям. Здесь, учитывая общий созданный войной хаос и ослабление влияния центральной власти, происламистские активисты в целом ряде случаев легко заимствовали одиозные образчики поведения у джихадистов, не полностью, конечно, но все же изрядно перенимая их образ действий.

Вне контроля центрального правительства и в условиях развала внутреннего рынка в публичном пространстве отдельных ареалов возникли местные «самодеятельные» силы, проникшиеся в той или иной степени психологией боевиков. Они организовались с оружием вокруг местных авторитетов, появились полевые командиры со своими отрядами и даже крепкие хозяйственники,

из числа тех, кого называют «мунтафин»- выгодополучатели, которые вместе с соответствующими интересантами стали устанавливать свои законы и нормы производственных и иных отношений в изолированных социумах. Этот процесс имел двоякое значение: с одной стороны, он свидетельствовал об укреплении неофициальной власти на периферии, а с другой, был следствием падения авторитета и возможностей власти центральной.

На местах мгновенно материализовались такие явления, как контрабанда продовольствия и других средств первой необходимости, появились ячейки организованной преступности из быстро деклассировавшихся лиц, выросли бедность и нищета, насилие стало привычной темой повседневной жизни. В новоявленных группировках нередко фиксировались случаи контактов с боевикам, контакты же с законной властью в лице правящего режима становились формальными, что фактически сделало локальные группировки не только своего рода демпфирующим звеном между стратегически противостоящими сторонами, но в отдельных случаях посредниками между властью и игиловским сообществом.

Разложение власти и выход на поверхность противостоящих ей или замещающих ее конкурирующих групп создали серьезный контагиозный эффект, который способен длительно сохраняться и оставлять за собой серьезный экономический и социальный след. Такие распространенные явления, как коррупция, спекуляция, контрабанда и другие, имеют устойчивый характер и в разной степени могут сохраняться и после вытеснения халифата с захваченных территорий. Злоупотребления могут совершаться и пользующимися служебным положением функционерами вновь утвердившейся законной администрации, и иными чиновниками разных уровней, которые имеют ресурс, позволяющий им реализовывать возникающие по обстоятельствам преимущества своего статуса.

И это все отнюдь не новое приобретение, а известная арабскому миру практика и по довоенным временам. И здесь кроется

одна из причин того, что быстро нашлись предприимчивые «контакты», которые объединили свои возможности с наработанным в смежной области опытом экстремистов и легко подчинили общественное сознание на своей стороне, за годы войны смирившееся со злом, как с неизбежностью, и видевшее в нем лишь ухудшенную копию многих эпизодов теневой деятельности, борьба с которой даже законной властью десятилетиями велась без видимого успеха.

С исчезновением халифата коррупционные проявления, возможно, и стали менее вызывающими. Но едва ли стоит сомневаться, что негативный стиль жизни местной бизнес-среды, хозяйствующих субъектов и населения вообще и характер общения всех участников процесса между собой и с властью явно имеет шансы на существование и в будущем.

Возникший из этого симбиоза своего рода санитарный пояс сдерживал влияние исламистов в каких-то конкретных случаях, однако явно не мог служить абсолютной преградой для коррупции, черного рынка, незаконного оборота запрещенных или дефицитных товаров, и в свою очередь, стал рассадником незаконных операций.

Такому развитию событий во многом способствовало ослабление самого сирийского государства, падение авторитета власти, общий разрушительный дух войны, который делает как бы необязательным соблюдение законности, развязывает руки тем, кто имеет выход на рынок, независимо от специализации последнего, природы и качества операций.

В зоне действия официальной власти и сейчас еще не удастся в полной мере гарантированно поддерживать необходимый порядок и экономическую чистоту хозяйственной работы. Причины этого многочисленны и известны. Они составляют некую константу, которая имеет все шансы сохраниться надолго и определять поведение власти и населения именно в том ключе, который обусловлен сложившимися обстоятельствами. Оба «партнера» действуют в условиях фактически военного времени, а

значит, сильного товарно-продуктового дефицита, огромной разpolзшейся инфляции, падения эффективности государственных и хозяйственных институтов, колоссального напряжения сил в условиях ведения военных действий при жестком инвестиционном голоде и необходимости принимать меры для восстановления разрушенной инфраструктуры, жилого фонда и экономики в целом. Такое обилие подрывных для экономики факторов создает почву для распространения нелегальной хозяйственной деятельности и влечет многие негативные последствия, среди которых ведущее место занимает коррупция. Осуждение ее становится в определенной степени лейтмотивом в сирийских социальных сетях.

Это явление наложилось на тенденции, которые с достаточной отчетливостью проявлялись и в «довесенной» Сирии. Сирийский автор отмечает, что «коррупция существует всегда, но когда она разрастается до масштабов, позволяющих изымать огромные средства из национального дохода..., то речь идет уже не просто о коррупции как таковой, но о борьбе с гораздо более серьезным явлением, препятствующим развитию национальной экономики»¹.

Этот же автор указывает, что удельный вес коррупции в сирийской экономике оценивается в 20-40% и подчеркивает, что мобилизованные по коррупционным каналам средства могли бы быть достаточными для решения экономических проблем и компенсирования дефицита иностранных инвестиций. О масштабах коррупции в Сирии свидетельствует, например, и такой факт, как участие экономических агентов в аукционных мероприятиях по завышенным требованиям, что обходится их участникам на 40% дороже по сравнению с мировыми показателями².

¹ Кадри Джамиль. Када я иктисадийя. Хауля аль-азма аль-иктисадийя аль-алямийя ва иникасатуха аля Сурия. Димашк 2016 // Экономические проблемы. Мировой экономический кризис и его влияние на Сирию. Дамаск 2016, с. 105

² Кадри Джамиль. Када я иктисадийя. Хауля аль-азма аль-иктисадийя аль-алямийя ва иникасатуха аля Сурия. Димашк 2016 // Экономические проблемы. Мировой экономический кризис и его влияние на Сирию. Дамаск 2016, с. 106

В цитируемой работе также утверждается, что борьба с коррупцией не приносит результатов, поскольку механизмы ее, применявшиеся еще до широкой трансформации этого зла от единичных случаев до образования целой коррумпированной прослойки, устарели, а ее участники за длительное время объединились в сплоченную группировку, и «ныне стоит задача расколоть ее и минимизировать нанесенный урон»³.

Необходимость восполнять урон совершенно очевидна и для Сирии, например, и для Ирака, и в этом заключается первоочередная задача. Но реализация ее, по определению, будет протекать в непростых условиях. Сдерживающий эффект коррупции на разных уровнях ощущался и до пришествия Исламского государства, но она все же сдерживалась относительно благополучным устроением жизни. Общий развал ее, как неизбежное экономическое следствие войны, уже сам по себе провоцировал рост нелегального рынка из-за дефицитов, сокращения доступа к товарам первой необходимости и т.п. в зоне действия центральной власти.

По поводу цифр, характеризующих положение теневой экономики, могут существовать определенные сомнения. Они вызываются состоянием турбулентности, в которой находятся погруженные в гражданскую войну государства. Это обстоятельство является универсальным, определяющим качество всех форм учета хозяйственной деятельности и социальной статистики, что отмечается в отчетах международных и региональных организаций, подчеркивающих ненадежность источников получения информации. МВФ приводит данные по Сирии, охватывающие достаточно большой промежуток времени с 1991 по 2015 гг., которые могут дать определенное представление о масштабах и динамике распространения коррупции в этой стране. Крайние показатели в обозначенном периоде фиксируются на уровне 24 и 19%, что указывает на тенденцию к снижению. Усредненный показатель представлен цифрой 19,6, минимальный равен 15,6, а максимальный – 22,8. По Ираку сведения отсутствуют. В Ливане, для сравнения, ситуация, в целом, выглядит несколько хуже, оставаясь, при некоторых колебаниях в ту или иную

³ Кадри Джамиль. Кадаия иктисадийя. Хауля аль-азма аль-иктисадийя аль-алямийя ва иникасатуха аля Сурия. Димашк 2016 // Экономические проблемы. Мировой экономический кризис и его влияние на Сирию. Дамаск 2016, с. 107

сторону, на уровне 31,7⁴. Вообще довольно сложно вычислить уровень коррупции и теневых отношений даже в обычной обстановке в силу известных причин, но военные условия значительно ухудшают возможности доступа к информации подобного плана и снижают уровень доверия к ней. Учитывая общее положение дел в Сирии, интуитивно представляется, что приведенный цитируемым автором показатель в виде вилки 20-40% (хотя и выглядит не столь уж компактным) более достоверен и корректнее отражает ситуацию в этой стране, поскольку выглядит более приближенным к действительности в свете случившихся потрясений.

Разложение ее, несомненно, было прямой задачей исламистов, вполне способных воспользоваться слабостью институтов власти на сопредельных территориях. Тем более, что оторванное от прежнего образа жизни местное население, к тому же ввергнутое в состояние шока уже одними только разнесенными средствами массовой информации картинами военных преступлений джихадистов, вынуждено было существовать в размытой экономической среде и действовать по обстановке.

Уже изначально хозяйственная практика на подвластных халифату пространствах быстро криминализировалась на фоне разгула игиловского отрицания здравого смысла, демонстрируя доступность, а нередко и эффективность незаконных методов обогащения, принятых к исполнению руководством экономического блока боевиков. Не удивительно, что провоцирующий пример такого рода привел к образованию серой зоны в пограничной полосе с проекцией ее на гораздо большую глубину незахваченной исламистами площади.

Это, безусловно, создавало колоссальный, своего рода, импакт-фактор, угрожающий экономической безопасности подвергшихся атаке Ирака и Сирии, ослабевших от распыления большей части физического капитала и разрушения фундаментальных отраслей производства. Есть и другая сторона дела, связанная с резким ухудшением характеристик человеческого капитала, с

⁴ Leandro Medina and Friedrich Shneider. IMF Working Paper. Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years? African Department 2018, pp. 53,67,72

нарушением возможностей функционирования рынка труда, положения рядовых товаропроизводителей и воспроизводства рабочих рук. Этот компонент производительных сил не находил применения в рамках легального найма и стремился максимально адаптироваться к ситуации, возникшей как следствие образования неформальных ниш в хозяйственной деятельности, и в определенной мере составлял конкуренцию с трудом преодолевающим кризис оставшимся предприятиям госсектора. Это с одной стороны. С другой, даже в таком качестве теневая занятость все-таки помогала разрядить обстановку с рабочими местами и в сфере торговли, и, отчасти, производства, насыщая потребительский рынок, но без обязательств перед центральной властью. И государство вынуждено мириться с этим явлением, не имея средств открыть массовый доступ к законным способам получения дохода.

Чтобы вернуть ситуацию в корректное русло, как минимум, видимо, будет необходимо, с одной стороны, преодолеть наследие времен «социалистической» ориентации, при которой неэффективная работа госсектора плодила посредников, перекупщиков, поставщиков и т.п. категорий псевдо-предпринимателей. Они в связке с госслужбами и были рассадником коррупции, выполняя функцию соединения производства с рынком, институты которого были урезаны и лишены инструментов рационального взаимодействия с экономическими агентами.

Вместе с тем, чтобы в восстановительный период перейти к антикоррупционным программам, государству предстоит решить целый блок проблем для устранения огромных, привнесенных войной в самые разные отрасли и сферы национальной экономики, дисбалансов. Их перечень может быть весьма пространным. И национальным силам Сирии и Ирака, а равно и другим государствам-объектам разрушительных военных действий, предстоит энергично заняться вопросами сплочения созидательных сил и политической мобилизации общества и реформировать отношения власти и народа. Их задачей станет восстановление экономики до уровня конкурентоспособной, экономическими методами

стимулировать мелкое и среднее предпринимательство, как занятие, исторически импонирующее населению и способное возродить у него уверенность в собственные возможности. Власти, видимо, придется по-иному оценивать роль госаппарата, в недрах которого десятилетиями создавались условия для коррупции, усилить акцент на искоренении хозяйственной преступности в наиболее уязвимых сферах и зонах, какими являются финансово-кредитная деятельность, инвестиционная практика, внешнеэкономический сектор и потребительский рынок.

Но вернуться в прежнее состояние после причиненных экономических потерь и полученных психологических травм, видимо, придется нескоро, даже если принимать во внимание жизне-способность, которую уже сейчас проявляют и Сирия, и Ирак, несмотря на колоссальные материальные трудности.

«Наследие» Исламского государства, очевидно, будет долго довлеть над большей частью, если не над всем, Арабским Востоком. Но оно же будет напоминать, что ретроградные идеи и управление криминальными методами, возвращающими к ушедшим в историю схемам экономической и социальной организации общества, не могут служить основой «нового» мира, возникшего как следствие разгула насилия и принуждения.

Попытки построить систему власти с применением силы только на базе исламских представлений о функционировании общества и экономики при пренебрежении современными технологиями и механизмами организации производства и управления двумя этими взаимодействующими организмами, на практике вылились в истощение целых государств, ставших объектами разрушительных экспериментов экстремистских испытателей. На этом фоне единственным значимым результатом (помимо пресечения деятельности халифата), стало то, что в какой-то мере удалось дезавуировать параноидальные идеи сил, которые продержались в рамках собственного исламского квази-государства в течение всего нескольких лет, но, как представляется, не исчерпали своего потенциала. Опасность их возвращения, видимо, остается,

поскольку искоренение созданного ими идеологического и политического потенциала составляет задачу, еще имеющую перспективу. В равной мере и остающаяся привлекательной для маргиналов идея построения государства на религиозных началах не нейтрализована полностью, что, едва ли бескомпромиссно гарантирует от возможности появления подобного очага, инициированного в другом месте, спровоцированного иным поводом или даже ревитализированного по месту первоначального возникновения.

§3.2. Структурные проблемы экономической диверсификации в странах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива

В условиях углубившейся нестабильности мирового рынка нефти, проблем избыточного предложения нефти и обострения конкуренции за долю на рынке нефти между странами ОПЕК и не ОПЕК, включая США, резкое падение цен на нефть в 2014–2016 гг. и отсутствие их устойчивого роста в последние годы поставило страны – экспортеры нефти, включая и страны ССАГПЗ, перед сложным вызовом необходимости ускорения диверсификации источников формирования ВВП. Последние флуктуации глобальной экономики и новый кризис обостряют и вопрос о положительных сторонах, с одной стороны, и недостатках, с другой, присущих осуществляемой в настоящее время модели структурно-отраслевой диверсификации хозяйства данной группы стран. Этот вопрос также предполагает и осмысление перспектив изменения моделей диверсификации в странах ССАГПЗ в более прогрессивном структурно-отраслевом направлении.

Особенность нынешней экономической ситуации в ССАГПЗ заключается в заметном разрыве между приемлемым для решения, как текущих задач национального хозяйства, так и инвестиционных задач развития, уровнем цен на нефть, на который государственные финансы ориентировались в годы высоких цен на нефть, и фактическим уровнем цен в последние годы. Так, на 2020 г. многими аналитическими центрами прогнозировался уровень средней цены на нефть в районе около 60 долл. за баррель, но затем кризис вызванный пандемией, снизил уровень прогнозируемой цены до около 40 долл. за баррель, причем в условиях огромного сокращения добычи по апрельским соглашениям между странами – экспортерами нефти, включая уже и не только страны ОПЕК+, но и США, Канаду, Мексику.

В этой связи проблемы экономической диверсификации в странах ССАГПЗ являются более сложными, чем раньше. Основной задачей выступает задача перестройки отраслевой структуры хозяйства с повышением доли ненефтяных секторов, которая в местных условиях требует значительных инвестиций. При этом одно только улучшение условий ведения бизнеса пока что не решает инвестиционных проблем диверсификации.

Важными направлениями отраслевой диверсификации в странах ССАГПЗ в нынешних условиях также являются приватизация, привлечение иностранного капитала, повышение роли частного сектора в экономике и занятости населения, развитие новых для стран ССАГПЗ и инновационных видов деятельности, которые могут дать экономию и создать дополнительные источники производства добавленной стоимости. Сюда относятся, например, новые виды нефтехимии, машиностроение, электроника, солнечная энергетика, повторное использование очищенной воды. Вместе с тем, сдвиги на этих магистральных направлениях диверсификации, заложенные в стратегии развития стран ССАГПЗ, требуют длительного времени и во многом будут зависеть от наличия инвестиционных ресурсов.

В данных условиях базальтернативным направлением экономической диверсификации в ССАГПЗ выступает также и финансовая диверсификация, перестройка структуры доходов и расходов государственных бюджетов. Власти аравийских монархий приступили к перестройке модели государства, распределяющего «нефтяную ренту», она начала трансформироваться в сторону модели финансовой стабилизации с бездефицитным бюджетом. Об этом свидетельствует заметное повышение цен на топливо, тарифов на электроэнергию, введение налога на добавленную стоимость, повышение роли налогов и сборов в доходах государственных бюджетов и расширение опоры на инструменты государственного долга. Так, например, в Саудовской Аравии за три года с 2015 по 2018 гг. цена на 91-й бензин поднялась на 204% (более, чем в 2 раза), а на 95-й бензин – на 240%, на электроэнергию – на

260%¹. По проектам госбюджетов налоговые доходы в королевстве с 2017 по 2021 гг. должны возрасти с 87 до 201 млрд саудовских риалов (в 2,3 раза)².

Диверсификация финансов в странах ССАГПЗ направлена на перераспределение и возврат в бюджет, на стратегические цели развития, части нефтяной ренты через дифференцированные ставки налогов, обязательных платежей, акцизы и другие инструменты. Дополнительные средства перенаправляются на расширение ненефтяных производственных секторов, на инфраструктуру, развитие человеческого капитала.

Одновременно повышается роль инвестиций в новые отрасли и в частный сектор фонда Public Investment Fund. Доходы, уже полученные от приватизации части акций компании Saudi AR-AMCO в 25,6 млрд долл. будут реинвестированы на цели создания различных источников ненефтяных доходов, включая такие инновационные сферы, как «зеленая экономика», альтернативная энергетика, энергосберегающие технологии.

Перспективы успеха на пути диверсификации экономических и финансовых структур стран ССАГПЗ обусловлены тем, насколько действенным будет сочетание мер финансовой реструктуризации и экономической диверсификации, хотя колебания цен на нефть усложняют процесс диверсификации. Немаловажно, что сегодня аравийские монархии могут «адресно» смягчать социальную напряженность, используя накопленные резервные фонды, постепенно наращивая меры в области структурной перестройки экономики. Указанные проблемы еще сильнее обострились в условиях вспышки пандемии COVID-19, однако кризис пандемии по большому счету только усугубил структурные диспропорции, обусловленные не решенными и естественными проблемами

¹ Inflationary Trends in Saudi Arabia. KPMG in Saudi Arabia. August 2019, p.22.

² Kingdom of Saudi Arabia Budget Report. KPMG. Al Fozan & Partners Certified Public Accountants. December 2019, p. 11.

медленной реализации императивов углубления диверсификации зависимых от экспорта нефти экономик ССАГПЗ.

Отчасти в условиях кризиса, вызванного пандемией, более глубоко проявилась уязвимость диверсификации хозяйства стран – экспортеров нефти через сферу услуг, прежде всего потому, что значительное место было отведено развитию туристических услуг и коммерческих услуг, связанных с массовыми мероприятиями, таких как выставки, спортивные мероприятия мирового масштаба. Характерный пример – неопределенность из-за пандемии в отношении Всемирной выставки Дубай «Экспо-2020», от которой зависит множество проектов экономического развития и диверсификации в Дубае (ОАЭ). В Дубае по состоянию на конец 2019 г. расходы на инфраструктурные проекты в рамках Всемирной выставки составили 40 млрд долл., включая затраты на строительство Выставочного центра, строительство новой линии метро. Специальное исследование, подготовленное по заказу властей Дубая, показало, что Экспо 2020 создает для ОАЭ добавленную стоимость в 10,3 млрд долл. или 37,7 млрд дирхам ОАЭ (AED) за период 2013–2020 гг. и должно создать стоимость еще на 16,9 млрд долл. в период с 2020 по 2030 гг. Помимо этого, анализ выгод, которые дает мероприятие, включает возможность преобразования территории выставки (4,4 кв. км) в полноценный урбанизированный район. Однако сейчас, в условиях кризиса, на проекте отражается негативное влияние пандемии на туризм, коммерческую и транспортно-логистические сферы. Тем не менее, сфера инновационных услуг, включая и новейшие формы финансовых услуг (финансовые технологии), остается весьма перспективной для стран ССАГПЗ, так как они имеют глобальный международный характер и могут быть привлечены в страну за счет инвестиций в данную инфраструктуру. В ССАГПЗ активно создаются все необходимые элементы инфраструктуры инновационного финансового сектора: электронные банковские услуги, применение блокчейн технологий, развитие криптовалют. С опережением в этих аспектах продвинулись ОАЭ, в том числе эмират ОАЭ Дубай.

В условиях падения цен на нефть и сокращения доходов от экспорта в странах ССАГПЗ инструменты долгового финансирования и приватизации активов вполне могут выступить источником капитала для реализации стратегических программ экономической диверсификации, в частности, привлечению капитала через рынки ценных бумаг отводится значительная роль при реализации выдвинутой руководством Саудовской Аравии программы «Видение Саудовской Аравии 2030», включая упомянутое публичное размещение части акций компании Saudi ARAMCO, средства от которого направляются на реализацию «Видения 2030». За 2019 г. через размещение ценных бумаг странами ССАГПЗ было мобилизовано более 100 млрд долл.³.

Курс на углубление диверсификации экономик стран ССАГПЗ в значительной части основан на попытке привлечь иностранные инвестиции и отчасти привлечь местный капитал. В обзоре МБРР подчеркиваются сдвиги на этом направлении в аравийских монархиях. Так, в Индексе удобства ведения бизнеса ОАЭ сохраняют весьма высокие места, занимая наивысшее место среди стран Ближнего Востока и Северной Африки и 20 место в мире. До 43 места в мире в этом индексе поднялся Бахрейн. Эти параметры, несомненно, важны для экономической диверсификации аравийских монархий, ибо государственно-частное партнерство является перспективным направлением диверсификации, а в данной группе стран вовлечение частных инвестиций в развитие проектов позволяет создать дополнительные возможности для расширения экономической и производственной базы. Так, к 2020 г. на Бахрейне были приняты законы о конкуренции, о коммерческой информации, что призвано повысить привлекательность Бахрейна как коммерческого центра мирового значения. В ОАЭ также недавно (в 2019 г.) приняты два важных блока нормативного регулирования для улучшения деловой среды – разрешена 100%-ная иностранная собственность зарегистрированным в ОАЭ компаниям,

³ Gulf Business. 30.12.2019

что касается 122 видов деятельности в 13 отраслях. Улучшена вся система налогообложения иностранных инвестиций. Сходные акты о позволении 100% иностранного владения компаниями приняты и в Катаре. В Саудовской Аравии приняты акты, регулирующие конкурентную среду рынка. В Омане введен в действие прогрессивный с точки зрения рыночной экономики новый закон о коммерческих компаниях.

В Саудовской Аравии также были упрощены процедуры лицензирования предприятий, количество требуемых документов при лицензировании сокращено с 12 до 2-х, что, наряду с другими послаблениями, должно стимулировать бизнес. Очень важно, что прогресс в диверсификации ненефтяных секторов хозяйства благодаря подобным мерам наблюдается, что видно по количеству вновь выданных лицензий для бизнеса: в 2019 г. в Саудовской Аравии 61 лицензия была выдана в сфере строительства, 51 в сфере информатики и телекоммуникаций и 45 выдано в сфере промышленного производства⁴. Однако немалая ставка в Саудовской Аравии до пандемии была сделана на туризм: разрешено получать визу он-лайн или по прибытии гражданам из 49 стран, что повысило количество посетителей королевства на 24 тыс. человек в первые же 10 дней после ввода в действие нового разрешения⁵.

В странах ССАГПЗ намечается поворот к развитию отраслей, связанных с инновационными технологиями и «зеленой экономикой», «зеленой энергетикой», что отвечает курсу стран ССАГПЗ на диверсификацию, так как эти проекты, являясь окупаемыми, дают возможность снизить нагрузку на природную среду в тяжелых природно-климатических условиях ССАГПЗ (замена генерации электроэнергии на базе сжигания нефти и газа на

⁴ Gulf Economic Update. Economic Diversification for Sustainable and Resilient GCC. A World Bank Group for Gulf Cooperation Council Economies. Issue 5, Dec. 2019. P. 25

⁵ Gulf Economic Update. Economic Diversification for Sustainable and Resilient GCC. A World Bank Group for Gulf Cooperation Council Economies. Issue 5, Dec. 2019. P. 25-26

солнечную, ветровую). При этом замедляется темп истощения нефтяных запасов, что актуально еще и с точки зрения снижения мирового спроса на нефть.

Атомная энергетика также выбрана как направление диверсификации аравийских монархий. В январе 2019 г. в Саудовской Аравии было подтверждено, что реализация Национальной программы атомной энергетики начнется со строительства двух атомных реакторов общей мощностью около 3–4 ГВт. Это будут, отчасти, экспериментальные мощности, которые создадут основу для дальнейшего развития АЭС. Королевство намерено развивать сотрудничество в сфере атомной энергетики с США, российским «Росатомом», южнокорейскими, французскими, китайскими компаниями⁶. Атомный сектор должен иметь локализацию в Саудовской Аравии в размере 25%–30%. В стране есть собственная сырьевая база для АЭС, открытые запасы урановой руды оцениваются примерно в 60 тыс. тонн, разведка продолжается. При этом королевство придерживается курса на нераспространение ядерного оружия на Ближнем Востоке.

Программа развития атомной энергетики в ОАЭ началась со строительства 4 атомных реакторов в Бараке с помощью южнокорейского консорциума, стоимость проекта, который должен в самое ближайшее время обеспечить генерацию на АЭС 5,6 ГВт электроэнергии, составляет 20 млрд долл.⁷.

В общем значительные альтернативные издержки использования нефти в виде топлива для электростанций подтолкнули диверсификацию в энергетике ССАГПЗ, но пока в нее вложено недостаточно: с 2006 по 2018 гг. суммарные инвестиции стран – членов Совета в возобновляемую энергетику составили 10,1 млрд долл., однако суммарная мощность на начало 2020 г. достигла лишь 867 МВт. На ОАЭ приходится 70% введенных мощностей,

⁶ The Saudi Nuclear Energy Project. King Abdallah Petroleum Studies and Research Center (KAPSARK). January 2020. Pp. 2-6

⁷ World Nuclear Association. United Arab Emirates. <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-t-z/united-arab-emirates.aspx>

еще 17% на Саудовскую Аравию и 10% на Кувейт. Лидер в данной сфере – ОАЭ, запланировали доведение мощностей возобновляемой энергетики до 40%, но только к 2050 г. Новые проекты возобновляемой энергетики осуществляются во всех странах ССАГПЗ. Вообще в странах ССАГПЗ предприняты амбициозные инновационные проекты с внедрением возобновляемой энергетики, новых технологий, такие как города футуристического типа Масдар в ОАЭ, город с минимальным выбросом углекислого газа, и город будущего Неом в Саудовской Аравии. Масдар также является инкубатором новых технологий, там же размещен технологический университет. Сходное назначение имеют Город науки и технологий им. Короля Абдаллы в Саудовской Аравии, Центр коммерческих инноваций в Каиаре, наукоград в Омане.

Среди инноваций в ССАГПЗ большая ставка делается, в частности, на развитие цифровой экономики. Так, в ОАЭ заявлена стратегическая цель создать 1 млн рабочих мест в сфере цифровой экономики к 2025 г. Данная сфера включает такие направления, как телемедицина, использование медицинских роботов, управление водо- и энергопотреблением, «облачный» рынок, электронное правительство и прочие⁸.

Развитие инновационных проектов несколько не снижает актуальности нефтехимических производственных кластеров, основанных на естественном преимуществе природно-ресурсной базы в ССАГПЗ. Отрасль использует нефтегазовое сырье, но относится к ненефтяной части экономики, к обрабатывающей промышленности, и имеет возможность дальнейшего расширения ассортимента продукции и своих ниш на мировых рынках. Саудовская корпорация SABIC (Saudi Basic Industries Corp.) занимает 4-е место среди крупнейших в мире нефтехимических корпораций, поставляя значительную часть продукции как на европейский, так и азиатский рынки.

⁸ UAE Economy. United Arab Emirates. Ministry of Economy. Issue 31, 2018, p. 15-16.

Использование дешевого нефтехимического сырья дает возможности получения прибыли в нефтехимии ССАГПЗ, что привлекает и частный капитал, делая нефтехимию одним из ключевых направлений в деле успешной диверсификации в «постнефтяную эру», способным заместить экспорт нефти. В Саудовской Аравии в 2018 г. нефтехимия создала добавленную стоимость на 46 млрд долл. или 5,8% ВВП страны, в т.ч. косвенный (мультипликативный) вклад отрасли в рост производства оценивался в 16,3 млрд долл., в силу предъявления нефтехимией спроса на факторы производства и услуги внутри Саудовской Аравии.

В ОАЭ в 2018 г. нефтехимия создала добавленную стоимость на 10,9 млрд долл. или 2,6% ВВП страны, в том числе косвенный (мультипликативный) вклад отрасли в экономический рост оценивался в 4,3 млрд долл. За счет нефтехимии в ОАЭ создано 92,5 тыс. рабочих мест (1,5% общей занятости в ОАЭ).

В Катаре в 2018 г. нефтехимия создала добавленную стоимость на 11,5 млрд долл. или 6% ВВП страны, в т.ч. косвенный вклад отрасли в рост производства оценивался в 3,1 млрд долл. За счет нефтехимии в Катаре создано 45 тыс. рабочих мест (2,2% общей занятости в Катаре). Следует отметить один из крупнейших по мировым меркам нефтехимический проект в Рас-Лаффане, развиваемый Катаром совместно с CPChem (США).

В Омане в 2018 г. нефтехимия создала добавленную стоимость в 7,5 млрд долл. или 9,4% ВВП страны, в т.ч. косвенный вклад отрасли в рост производства оценивался в 3,0 млрд долл. За счет нефтехимии в Омане создано 81,6 тыс. рабочих мест (3,7% общей занятости в Омане). Крупными производственными комплексами в Омане является комплекс Liwa Plastic Industries, а также совместное предприятие с китайскими инвесторами (прямые инвестиции), созданное ZL EOR Chemicals и Oman Petroleum Development Company. В Кувейте и на Бахрейне нефтехимия также является одной из ключевых отраслей промышленности,

имея сопоставимые показатели добавленной стоимости и занятости⁹.

Надо отметить, что нефтехимия в странах ССАГПЗ проходит этап модернизации с расширением ассортимента выпускаемой продукции, чтобы выпускать не только полуфабрикаты, но и больше конечной нефтехимической продукции, естественно, с более высокой добавленной стоимостью. Наряду с нефтехимией в ССАГПЗ достаточно успешно развиваются такие отрасли промышленности, как связанное с нефтехимией производство удобрений, алюминиевая промышленность, металлургия, производство строительных материалов. В последние годы осуществляется становление новых отраслей, таких как электротехническая, электроника, автомобильная, легкая, пищевая промышленность и другие.

В частности, в ОАЭ диверсификация производственной базы осуществляется через развитие свободных (особых) экономических зон (СЭЗ). С помощью СЭЗ позиции ведущего производителя и экспортера промышленной продукции занял Китай, опыт которого внедряют в ОАЭ. СЭЗ развиваются во всех эмиратах ОАЭ. Приведем примеры только по двум из 7 эмиратов ОАЭ – Абу Даби и Дубаю. Так, в Абу Даби наиболее развиты такие СЭЗ как Abu Dhabi Airport Free Zone (СЭЗ аэропорта), Abu Dhabi Global Market (международный финансовый центр), промышленная зона Khalifa Industrial Zone (KIZAD), зона Twofour54 (для развития медиа индустрии), зона Industrial City of Abudhabi (промышленный город Абу Даби). Развиваются проекты различных новых индустриальных СЭЗ, например, в соответствии со стратегией развития «Видение Абу Даби 2030» одной из новых зон станет СЭЗ Rahayel City, которая войдет в строй в 2020 г.: на площади 12,3 кв. км создается мировой авто «хаб», в котором разместится

⁹ What the Oil Price Slump Means for the GCC's Economic Diversification.
<https://www.gpca.org.ae/2020/04/06/what-the-oil-price-slump-means-for-the-gccs-economic-diversification/>

проектирование и производство автомобилей, нацеленное на экспорт, а также будут развиваться отрасли, поставляющие комплектующие¹⁰.

СЭЗ The Industrial City of Abu Dhabi (ICAD), расположенная вблизи г. Абу Даби на площади 40 кв. км., имеет множество кластеров, отведенных для отраслей как тяжелой, так и легкой промышленности (металлургия, нефтехимия, производство пластмасс, строительных материалов, фармацевтика, производство высокотехнологичной продукции и прочие). В сентябре 2019 г. правительство ОАЭ утвердило Стратегию IV промышленной революции, нацеленную на укрепление позиций ОАЭ в качестве промышленного центра глобального значения¹¹.

Обрабатывающая промышленность остается магистральным направлением экономической диверсификации в арабских монархиях, поскольку является движущей силой повышения производительности труда и позволяет изменить технологическую структуру хозяйства. Рост обрабатывающей промышленности поддерживает и сервисную экономику, развитую в ОАЭ, Бахрейне, отчасти в других монархиях (особенно финансовый и страховой секторы, коммерческий и транспортно-логистический секторы). С 1980 по 2014 гг., по оценкам МВФ, диверсификация товарного экспорта стран-экспортеров нефти Ближнего Востока повысилась на 5%–10%, но темпы этого повышения недостаточны¹². По оценкам, основанным на индексах диверсификации экспорта, у стран ССАГПЗ имеются огромные неиспользованные резервы диверсификации экспорта, особенно в Кувейте, Омане и Саудовской

¹⁰ Гукасян Г.Л., Разин А.Д. «Экономическая модернизация и инфраструктура: опыт Объединенных Арабских Эмиратов». // «Инновации и инвестиции». Научно-аналитический журнал. № 12/ 2019 г. С. 54-60.

¹¹ The United Arab Emirates Government portal. // U.ae/en/about-the-uae/economy

¹² Policy Brief 19-6: Efforts of Oil Exporters in the Middle East and North Africa to Diversify Away from Oil Have Fallen Short. 1/8. Peterson Institute for International Economics. P. 3-4. <https://www.piie.com/system/files/documents/pb19-6.pdf>

Аравии. Несколько лучше положение дел в Катаре, а лидерами в диверсификации экспорта в ССАГПЗ являются ОАЭ и Бахрейн¹³.

Кроме того, страны ССАГПЗ стремятся воздействовать на структуру трудовых ресурсов, которые в значительной части представлены работниками–иммигрантами, с тем чтобы изменить эту структуру в прогрессивную, отвечающую задачам модернизации, сторону. В ССАГПЗ прогресс в сфере экономической диверсификации серьезно тормозится именно из-за недостаточной обеспеченности необходимыми трудовыми ресурсами, способными обеспечить реальный прирост производительности труда в экономике, ибо аравийские монархии отстают по производительности труда не только от новых индустриальных стран Азии, но и от стран, традиционно относимых к группе промышленно развитых (страны Евросоюза, США, Канада, Япония). Без создания необходимой структуры предложения рабочей силы на рынках труда стран ССАГПЗ возможность заметного прогрессивного сдвига в развитии и диверсификации национальных хозяйств стран ССАГПЗ не выглядит реальной.

В этих целях, например, в Саудовской Аравии в 2018 г. сборы с иностранных рабочих были увеличены таким образом, который повлек за собой выезд из страны более 1,8 млн наименее квалифицированных работников. В ОАЭ были введены визы для иностранных работников с разными сроками пребывания, и сроки были увязаны с уровнем квалификации персонала¹⁴.

Соотношение между нефтяным и ненефтяным ВВП аравийских монархий, находящихся на пути реализации стратегии диверсификации «нефтяной экономики», выступает основным индикатором продвижения по этому пути (см. табл. III-2.1).

¹³ Trade and Foreign Investment – Keys to Diversification in the GCC. International Monetary Fund, 2018. p. 21

¹⁴ Gulf Economic Update. Economic Diversification for Sustainable and Resilient GCC. A World Bank Group for Gulf Cooperation Council Economies. Issue 5, Dec. 2019. p. 26-28

Таблица III-2.1. Некоторые показатели экономической диверсификации стран ССАГПЗ

	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Саудовская Аравия, темп роста в нефтяном секторе, %	5,5	6,4	4,9	3,2	0,2	1,3	2,2
Саудовская Аравия, доля нефтяного сектора в ВВП, %	45,2	43,3	42,7	43,2	44,0	42,9	43,2
Саудовская Аравия, гос. долг, % от ВВП	3,0	2,1	1,6	5,8	13,1	17,2	19,0
ОАЭ, темп роста в нефтяном секторе, %	4,3	6,0	6,2	5,1	3,3	2,0	1,3
ОАЭ, доля нефтяного сектора в ВВП, %	32,6	32,0	30,7	30,8	30,6	29,6	30,0
ОАЭ, гос. долг, % от ВВП	17,0	15,8	15,5	18,7	20,2	20,0	19,1
Катар, темп роста в нефтяном секторе, %	9,9	10,4	9,8	8,5	5,3	3,8	3,6
Катар, доля нефтяного сектора в ВВП, %	58,1	55,7	53,2	51,1	49,5	48,4	47,4
Катар, гос. долг, % от ВВП	32,1	30,9	24,9	35,5	46,7	49,8	48,6
Оман, темп роста в нефтяном секторе, %	12,4	7,0	4,7	5,6	5,0	3,3	2,0

Оман, доля нефтяного сектора в ВВП, %	44,9	43,8	42,5	42,4	41,8	40,4	40,8
Оман, гос. долг, % от ВВП	4,9	5,0	4,9	15,5	32,5	46,8	53,4
Кувейт, темп роста в ненефтяном секторе, %	0,6	6,5	4,8	4,2	1,4	9,9	1,3
Кувейт, доля нефтяного сектора в ВВП, %	64,5	62,7	61,0	59,7	60,3	54,2	54,1
Кувейт, гос. долг, % от ВВП	3,6	3,1	3,4	4,7	9,9	20,7	14,7
Бахрейн, темп роста в ненефтяном секторе, %	7,1	3,1	4,7	3,6	4,4	4,9	3,0
Бахрейн, доля нефтяного сектора в ВВП, %	18,9	20,7	20,4	19,8	19,2	18,3	17,7
Бахрейн, гос. долг, % от ВВП	36,2	43,9	44,4	66,0	81,3	88,2	94,7

Источник: World Bank Group. Gulf Economic Update, Issue 5, Dec. 2019, p. 53

При этом колебания на рынке нефти постоянно меняют картину, что затушевывает признаки достижения определенного прогресса в экономической диверсификации, в т.ч., приведенные ранее фактические данные о развитии ненефтяных секторов хозяйства ССАГПЗ. Вместе с тем, ненефтяные сектора хозяйства стран ССАГПЗ, нашедшие свои ниши и рынки сбыта в рамках международного разделения труда, могут начать играть значимую роль на фоне сокращения нефтяной части ВВП.

Таким образом, стратегия диверсификация в экономиках, зависимых от экспорта нефти, характерным примером которых

являются аравийские монархии, должна ускоренно разворачиваться в направлении технологически передовой и отвечающей общемировым реалиям хозяйственной трансформации.

Как вновь подтвердилось в связи с пандемией, параметры экономической диверсификации стран ССАГПЗ отличаются между собой при достаточно сходной общей направленности стратегий диверсификации. Наиболее продвинутой на пути диверсификации среди аравийских монархий является экономическая система ОАЭ, второй экономики арабского мира по величине ВВП. ОАЭ, в отличие от Катара, Кувейта раньше развернулись к стратегии диверсификации, обладая большей территорией и населением, и меньшими, чем в Катаре, доходами от экспорта углеводородов на душу населения.

Многие исследователи и научные центры не видят для стран ССАГПЗ альтернативы уже опробованному пути промышленной диверсификации, который первой прошла Япония, а затем такие страны Азии как Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур. Названные страны использовали растущее глобальное международное разделение труда, передачу технологий и вывоз капитала для развития своих конкурентных преимуществ, даже если первоначально ими не обладали. Отличие от ССАГПЗ НИС Юго-Восточной Азии (ЮВА) в том, что здесь имела собственная дешевая рабочая сила. Отсутствие в ССАГПЗ собственной рабочей силы необходимой численности и квалификации предопределяет капиталоемкий способ экономической диверсификации, с концентрацией на инновационных технологиях и отраслях.

Необходимости и возможность более глубокой реальной диверсификации хозяйства в настоящее время не вызывает сомнений у лидеров аравийских монархий: так, наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бен Салман заявил на пресс-конференции, что достигнуть стратегических целей развития королевство способно при цене нефти в районе 30 долл. за баррель.

И отмечается, что новые подходы к диверсификации саудовской экономики делают ставку на локализацию в стране отраслей возобновляемой энергетики, производства промышленного оборудования, на инвестирование в цифровую инфраструктуру, сферу науки и образования¹⁵.

¹⁵ Robinson D. Saudi Arabia, the oil price war and Newcastle United: What a Premier League club takeover says about energy transition and Vision 2030. OIL & GASUP-STREAMCRUDE. 01.06.2020. <https://www.nsenergybusiness.com/features/saudi-arabia-newcastle-united-oil-future/>

§3.3. Зеленая экономика как инновационное направление развития Марокко

Все более очевидным становится тот факт, что технологический прогресс сам по себе не способен решить порой возникающие или обостряющиеся экологические, социальные и экономические проблемы общества. В 2015 г. на Саммите ООН в докладе «Изменим наш мир – план устойчивого развития до 2030 г.» были сформулированы цели устойчивого развития человечества. В самом общем виде устойчивое развитие определяется как развитие, отвечающее потребностям ныне живущих поколений и не наносящее ущерб возможности будущих поколений людей удовлетворять их собственные потребности. Тем самым подчеркивается важность и взаимозависимость трех компонентов роста – сохранения природной среды, экономического роста и социальной справедливости.

Одним из наиболее важных путей к реализации Целей устойчивого развития выступает озеленение экономики. Программа ООН по окружающей среде определяет зеленую экономику как инструмент, содействующий повышению благосостояния людей и социального равенства и значительно снижающий неблагоприятное воздействие на окружающую среду и риски экологической деградации.

Приверженность концепции устойчивого развития и зеленой экономики является одной из особенностей модели социально-экономического развития Марокко. Это положение зафиксировано в Конституции страны. Наиболее комплексным и всесторонним подходом к вопросам устойчивого развития и зеленой экономики характеризуется Национальная Стратегия устойчивого развития¹. Подготовленная в период 2013–2015-х гг., она была

¹ Projet de Strategie Nationale de Developpement Durable. Rapport Final.
<https://www.greengrowthknowledge.org/sites/default/files/downloads/policy->

в 2016 г. принята правительством страны, с 2017 г. ведется разработка конкретных программ в различных сферах хозяйства. Стратегия рассчитана до 2030 г., причем каждые пять лет планируется промежуточное подведение итогов и оценка реализации Стратегии по ряду показателей.

Документ выделяет несколько основных приоритетов в развитии страны на ближайшее десятилетие, в том числе: организовать руководство хозяйством в соответствии с принципами устойчивого развития; обеспечить озеленение экономики; усовершенствовать использование природных ресурсов; усилить борьбу за предотвращение последствий климатических изменений; уделять особое внимание развитию наиболее отсталых районов страны; создать условия для совершенствования человеческого капитала, сглаживания социального и территориального неравенства; распространять концепцию, идеи и практику устойчивого развития среди населения.

В Стратегии подчеркивается важнейшая роль исследований и разработок в процессе перехода к зеленой экономике. При этом подчеркивается, что направления научных исследований должны координироваться с основными трудностями Марокко (в том числе в сфере экологии, защиты окружающей среды, использования природных ресурсов).

В Марокко присутствуют два основных комплекса проблем, представляющих собой вызовы для дальнейшего социально-экономического развития страны. Первый связан с неблагоприятными последствиями воздействия человека на окружающую среду. Страна испытывает последствия климатических изменений в виде повышения средней температуры воздуха, усиления и учащения неблагоприятных погодных явлений, нарастающий дефицит водных ресурсов. Наблюдаются опустынивание, эрозия и деградация почвенного покрова, загрязнение природных экосистем

database/MOROCCO%29%20Projet%20de%20Strategie%20National%20de%20Developpement%20Durable%202030%20-%20Rapport%20Final%20%28FR%29.pdf
(дата обращения 15.03.2020).

вредными отходами промышленности и сельского хозяйства, снижение биоразнообразия. Другой комплекс проблем носит социальный характер – это высокий уровень безработицы, сохранение бедности (преимущественно в сельской местности), неравномерность регионального развития.

Решение этих вопросов возможно в русле устойчивого зеленого роста, необходимым условием которого является инновационное развитие экономики, поиск, разработка и внедрение новых эффективных технологических решений во всех сферах хозяйства.

За последнее десятилетие в Марокко был принят ряд программных документов, обеспечивающих создание законодательной и организационной среды для стимулирования инновационного развития. Так, в 2009 г. была разработана и принята Инновационная стратегия Марокко, поставившая три основных цели: активизировать потребности экономики в инновациях, развивать сотрудничество в этой сфере государства и частного сектора, обеспечить финансирование инноваций. Одновременно была принята Национальная стратегия развития научно-исследовательской деятельности до 2025 г., призванная усовершенствовать принципы руководства и диверсифицировать источники финансирования в сфере научно-исследовательских разработок, повысить результативность работы научных организаций, способствовать развитию международного сотрудничества в сфере разработки и внедрения инноваций. В документе также была поставлена цель повышения образовательного уровня населения: доля молодежи, получающих среднее образование намечалось увеличить с 44% до 80%, удельный вес лиц с высшим образованием в возрастной категории 19–23 года повысить с 12% до 50% к 2025 г.² В 2011 г. был организован Марокканский инновационный клуб, призванный объединить усилия исследователей, студентов ВУЗов, предпринимателей

² Study on Unlocking the Potential of the Fourth Industrial Revolution in Africa. Country case: Morocco. Technopolis, August 2019. www.4irpotential.africa/wp-content/uploads/2019/10/Morocco-Case-study-Temp.pdf (дата обращения 15.03.2020).

и всех заинтересованных лиц в разработке и осуществлении новых прогрессивных технологий и продуктов.

Одним из комплексных показателей, помогающих оценить уровень инновационного развития стран, является Глобальный Инновационный индекс. Он составляется на основе 82 различных переменных, которые детально характеризуют инновационное развитие государств мира, находящихся на разных уровнях экономического развития. Авторы исследования считают, что успешность экономики связана как с наличием инновационного потенциала, так и условий для его воплощения. Поэтому Индекс рассчитывается как взвешенная сумма оценок двух групп показателей: располагаемые ресурсы и условия для проведения инноваций и развития бизнеса; достигнутые практические результаты осуществления инноваций.

В рейтинге стран по Глобальному Инвестиционному Индексу Марокко находилось в 2019 г. на 74-м месте из 129 государств, учтенных в рейтинге³. Поднявшись на 2 позиции по сравнению с 2018 г., Марокко вышло на 2-е место в Северной Африке (после Туниса, но впереди Египта и Алжира). Сильными сторонами Марокко стали развитие институтов и инфраструктуры, а также технологий, экономики знаний и результатов творческой деятельности. Вместе с тем наблюдалось отставание в области развития бизнеса, внутреннего рынка и человеческого капитала.

Создание и внедрение инновационных проектов базируется, прежде всего, на сфере исследований и разработок. В 2006 г. расходы Марокко на эти цели составляли 0,64% ВВП, в 2010 г. возросли до 0,75% ВВП⁴. К 2025 г., как указывается в программном документе «Реформа образования в Марокко: Видение

³ Global Innovation Index. 2019 Report. <https://www.globalinnovationindex.org/analysis-indicator> (дата обращения 15.03.2020).

⁴ UNESCO Science Report: Towards 2030. Ch. 17. The Arab States. p.440. <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406/PDF/235406eng.pdf.multi>. (дата обращения 18.03.2020).

2015–2030 гг.»⁵, эта цифра должна увеличиться до 1,5% ВВП. Также в нем подчеркивается большое значение научно-технических инновационных исследований в социально-экономическом и культурном развитии страны. Основную роль в этом должны играть национальные инновационные центры, организуемые на основе существующих университетов и научно-исследовательских центров.

По имеющимся на 2011 г. данным, Марокко находилось на втором месте после Туниса среди арабских государств по числу научных исследователей на 1 млн жителей страны (864) и на первом – по удельному весу расходов на общее образование (6,3%). Надо отметить, что более трети научных работников страны специализировались в сфере естественных (33,7%), социальных (26,1%) и гуманитарных (20,4%) наук, а доля инженерно-технических специалистов была явно недостаточна (7,6%)⁶.

В 2001 г. 73% расходов на исследования и разработки финансировалось государством, и только 22% частным сектором (остальное составляло совместное государственно-частное финансирование)⁷. Уже к 2010 г. доля частного сектора возросла до 30%, в будущем планируется дальнейшее сокращение доли государственных расходов в пользу увеличения роли частного сектора. Например, уже сейчас компании, работающие в сфере телекоммуникаций, отчисляют четвертую часть прибыли в специальный фонд, за счет которого финансируется до 80% исследований в данной отрасли.

⁵ A Strategic Vision of Reform 2015-2030. Abstract. <https://www.csefrs.ma/wp-content/uploads/2015/05/Re%CC%81sume%CC%81-vision-Anglais.pdf> (дата обращения 17.03.2020).

⁶ UNESCO Science Report: Towards 2030. Ch. 17. The Arab States. p.441 . <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406/PDF/235406eng.pdf.multi>. (дата обращения 18.03.2020).

⁷ UNESCO Science Report: Towards 2030. Ch. 17. The Arab States. p.441 <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000235406/PDF/235406eng.pdf.multi> (дата обращения 18.03.2020).

Отдельно необходимо остановиться на таком явлении как эко-инновации, имеющие первостепенное значение для активизации зеленого роста и устойчивого развития. Под ними подразумеваются новшества, способствующие экономическому и социальному развитию общества, но одновременно работающие на сохранение окружающей среды и естественных ресурсов. К эко-инновациям относятся как продукты, услуги и технологии, так и организационные модели бизнеса и жизни населения.

Основными сферами применения эко-инноваций, обеспечивающими потенциал зеленого роста, являются:

1. Сберегающее сельское хозяйство, основывающееся на консервирующих технологиях обработки почвы, культивировании менее водоемких культур, снижении агрохимической нагрузки на окружающую среду, противоэрозионных мероприятиях.
2. Управление водными ресурсами, способствующее более эффективному их использованию, рационализация водопользования, очистка и вторичное использование сточных вод.
3. Чистая энергетика, основывающаяся на альтернативных возобновляемых источниках энергии.
4. Переработка и вторичная утилизация материалов, развитие безотходных производств с целью сокращения выбросов отходов в окружающую среду.
5. Зеленое строительство с использованием принципов энергоэффективности; создание «умных» городов.

Несомненно, что руководство процессом «озеленения» экономики должно взять на себя государство. Именно оно способно перераспределять доходы из углеродоемких отраслей в пользу низкоуглеродных, повышать налогообложение тех секторов экономики, в которых наблюдаются наибольшие выбросы отходов и парниковых газов, применяются загрязняющие технологии, снижать налоговую нагрузку на высокотехнологичные «зеленые» компании и предприятия.

Проблема финансирования инновационного развития в Марокко, не располагающего, как, например, государства

Персидского залива или развитые европейские страны, необходимыми объемами средств, стоит достаточно остро. Высокотехнологичные проекты в сферах возобновляемой энергетики, сельского и водного хозяйства являются весьма дорогостоящими. Так, в Марокко в период 2020–2030 гг. необходимые расходы только на программы в водном, лесном и сельском хозяйстве составят как минимум 35 млрд долл., в том числе на «Зеленый план» в аграрной сфере – 10 млрд долл. Еще более, чем в 7,5 млрд долл., оценивается стоимость осуществления программ развития энергетики на основе ВИЭ. Как правило, внедрение эко-инноваций требует долгосрочных инвестиций и не обещает быстрой и значительной прибыли.

Одним из путей решения проблемы финансирования зеленых проектов и инноваций является перераспределение средств, полученных от экологических сборов и налогов, через различные фонды. Очевидно, что переход к зеленому росту подразумевает не только смену приоритетов, но и переориентацию всех финансовых потоков. Инвестиции в малоэффективные и поглощающие большое количество природных ресурсов промышленные технологии, загрязняющие окружающую среду, должны сокращаться и заменяться капиталовложениями в чистую энергетику, энергоэффективные безотходные технологии, природосберегающее сельское хозяйство.

Существует ряд экологических налогов, введение которых способствует озеленению экономики. Это энергетические налоги (energy taxes) на потребление топлива и электроэнергии, платежи за загрязнение (taxes on emission), которыми облагаются эмиссии загрязняющих веществ в атмосферу, выбросы в водные бассейны, платежи за размещение отходов (taxes on waste), в том числе на ряд особо опасных продуктов (шины, батарейки, смазочные масла и т.п.), платежи за пользование природными ресурсами (royalty). В соответствии с их целевой направленностью экологические налоги призваны преимущественно служить покрытию экологических издержек, стимулировать экологическое поведение

производителя и потребителя, а также нести фискальную функцию и способствовать перераспределению средств в бюджете.

В 2010 г. в Марокко был введен т.н. «зеленый налог», а также налог на сырье и производство полуфабрикатов для изготовления изделий из пластмасс. Через посредство Национального Фонда для защиты окружающей среды полученные средства инвестируются в переработку и вторичное использование промышленных отходов. Фонд был организован в 2007 г. с целью перераспределения через госбюджет различных экологических налогов, его объем составлял на тот момент 11,7 млн евро. В марокканских источниках отмечается, что различные виды экологических налогов пока мало распространены, недостаточно используются и внедряются в практику. Основными стимулами для перехода промышленных предприятий на зеленые технологии преимущественно служат предоставляемые государством субсидии и гранты за сокращение выбросов.

С целью стимулирования инновационного предпринимательства и создания стартапов в зеленых отраслях хозяйства в 2017 г. был организован государственный Инновационный Фонд инвестирования. На 2018 г. было запланировано через посредство Фонда выделить финансовые средства в объеме 700 млн мар. дирхамов. По итогам его работы за период с октября 2017 г. по март 2019 г. была оказана поддержка 68 компаниям на сумму более 46 млн мар. дирхамов. Средства выделяются на условиях совместного финансирования после предварительного тщательного изучения бизнес-планов стартапов, при этом основными критериями являются новизна компаний (срок деятельности менее 5 лет) и инновационный подход к решению поставленных задач⁸. Из общего числа компаний, получивших помощь от Инвестиционного фонда,

⁸ Morocco: Innov Invest has financed 68 startups. By Cedric Tossa.
<https://www.kapitalafrik.com/2019/03/18/morocco-innov-invest-has-financed-68-startups-between-2017-and-2019-for-46-3-million-dirhams/> (дата обращения 19.03.2020).

30% работают в информационной сфере, 20% занимаются разработкой и внедрением зеленых технологий.

Правительство страны рассчитывает и на иностранных инвесторов в сфере финансирования, импорта и внедрения инновационных технологий. Для этого создаются условия для улучшения инвестиционного климата в целом, и для иностранного капитала в частности. Так, в 2016 г. были внесены изменения в инвестиционное законодательства, в 2017 г. организовано Марокканское агентство по развитию инвестиций и экспорта, заменившее три ранее действующие в данной области государственные структуры. Это должно заметно упростить и ускорить процесс инвестирования. Практически все высокотехнологичные проекты, в частности, в возобновляемой энергетике, осуществляются с привлечением иностранных партнеров, обладающих не только необходимыми финансами, но и ноу-хау в соответствующих сферах.

Так, например, организованный в целях развития возобновляемой энергетики в 2010 г. Фонд развития энергетики с начальным капиталом 1 млрд долл. финансируется за счет средств марокканского государственного Фонда имени Хассана II (200 млн евро), а также помощи Саудовской Аравии (500 млн евро) и ОАЭ (300 млн евро)⁹. В создании Фонда, заявленной целью которого стало долгосрочное финансирование проектов в энергетической сфере, участвовал МБРР, предоставивший кредиты на сумму 100 млн долл. Несколько ранее (в 2008 г.) была также организована Инвестиционная энергетическая компания с капиталом 1 млн мар. дирхамов, на 71% финансируемая через госбюджет и на 29% за счет Фонда Хассана II (данный Фонд, созданный в 2000 г., использует средства, поступающие от приватизации некоторых предприятий и направляет их на финансирование крупных инфраструктурных проектов, помощь аграрному сектору и пр.).

⁹ Morocco 2012. Renewable Energy Country Profile. www.recreec.org/sites/default/files/morocco_fact_sheet_print.pdf. (дата обращения 28.03.2020).

Зеленая энергетика, использующая возобновляемые источники энергии (ВИЭ), такие как солнечная и ветровая, является одним из наиболее технологически сложных и нуждающихся в инновационных решениях отраслей хозяйства. В 2009 г. в Марокко была принята Новая энергетическая стратегия, обновленная и уточненная в 2016 г., основной целью которой стало увеличение доли зеленой электроэнергии, вырабатываемой на основе ВИЭ, до 42% к 2020 г. и до 52% к 2030 г. Сумма капиталовложений по плану – 13 млрд долл.¹⁰.

В период с 2008 г. и по настоящее время в Марокко была создана законодательная база для развития электроэнергетики на основе ВИЭ, в частности, приняты законы, стимулирующие частные инвестиции в эту отрасль. Также были организованы Агентство по развитию возобновляемой энергетики и энергоэффективности (ADEREE), Марокканское агентство по солнечной энергетике (MASEN), инвестиционные фонды и научно-исследовательские организации (IRESEN – Институт по исследованиям в области солнечной и возобновляемой энергетики), призванные обеспечить становление зеленой энергетики.

С помощью тендеров MASEN привлекает частных инвесторов и коммерческие банки в зеленые энергетические проекты, для чего используются схемы на основе государственных гарантий и льготных кредитов, а также новые финансовые инструменты (green bonds – зеленые облигации с фиксированной доходностью, используемые для финансирования проектов, которые должны приносить обществу конкретные экологические выгоды и быть направлены на развитие деятельности, способствующей экологической устойчивости).

В Марокко успешно применяются прорывные технологии в крупные проекты на основе концентрированной солнечной энергии, а также гибридные решения, использующие фотовольтаику

¹⁰ Energy Policies Beyond IEA Countries. Morocco 2019. https://web-store.iea.org/download/summary/2736?fileName=IDR_Morocco_ES_UK.pdf. (дата обращения 20.03.2020).

(фоточувствительные панели) и тепловые солнечные батареи. Рассматриваются перспективы строительства опреснительных установок на основе ВИЭ, переработка отходов для производства энергии, применение водородных технологий.

Страна обладает хорошими возможностями для строительства солнечных электростанций. Марокко расположено в широтном поясе, где интенсивная солнечная радиация сочетается с минимальной облачностью. Так, средняя годовая сумма солнечной радиации на его территории составляет 2300 кВт·ч/м²/год, что на треть превышает показатель для Южной Европы и сопоставимо с аналогичными цифрами для Южной Калифорнии. Продолжительность солнечного сияния изменяется от 2400 часов в год на севере до 3400 на юге.

В 2010 г. заработал использующий солнечную энергию комплекс в Айн Бени Матхаре мощностью 470 МВт и на 75% профинансированный за счет средств Африканского банка развития.

В феврале 2016 г. была введена в строй первая очередь геотермокомплекса Нур, расположенного в 10 км к северо-востоку от города Уарззат установленной мощностью 160 МВт. В 2018 г. было объявлено о завершении строительства третьей очереди этого комплекса, который станет крупнейшим из подобных в мире (установленной мощностью до 580 МВт). Общая стоимость его сооружения оценивается в 3 млрд долл., в финансировании участвуют Всемирный банк, Африканский банк развития, Европейский инвестиционный банк и другие международные финансовые организации. Комплекс Нур использует технологию концентрации солнечной энергии (КСЭ): расположенные на большой площади зеркала отражают солнечный свет на коллектор, в котором находится теплоноситель; последний при нагревании служит для превращения воды в перегретый пар, приводящий в движение турбины, вырабатывающие электроэнергию. Комплекс может производить энергию в течение 7,5 часов даже без солнечного света, что стало возможным благодаря применяемой инновационной технологии, при

которой в качестве теплоносителя используется расплавленная соль. Планируется сооружение четвертой очереди комплекса¹¹.

В перспективе намечается строительство еще нескольких солнечных электростанций с использованием как технологии КСЭ, так и фотовольтаики, общая установленная мощность которых составит до 2000 МВт. В настоящее время средняя стоимость производства электроэнергии по технологии КСЭ составляет около 20 центов за кВт·ч, при фотовольтаике – примерно в два раза меньше (причем за последние 10 лет она заметно снизилась). Ожидается, что на комплексе Нур стоимость 1 кВт·ч будет около 18 центов.

Одним из минусов гелиостанций КСЭ, помимо технических проблем (в частности, необходимости высокой точности фокусировки зеркал), являются большие площади, которые они занимают. Например, сооружения третьей очереди комплекса Нур занимают 750 га. Однако в Марокко, при наличии обширных пустынных пространств в засушливых районах, это не является серьезной проблемой, поскольку другие возможности их хозяйственного использования практически отсутствуют.

Потенциал ветровой энергетики Марокко специалисты оценивают в 25 тыс. МВт. Протяженная береговая линия Атлантического океана, где постоянно наблюдаются сильные ветры (до 9–11 м/сек на высоте 40 метров), представляет хорошие возможности для сооружения ветровых электростанций.

Первая электростанция мощностью 50 МВт, использующая энергию ветра, была построена в Марокко в 2000 г. вблизи Танжера. За ней последовали еще две – в районе Эссуэйры (установленной мощностью 50 МВт) и Танжера (140 МВт). Заказчиком выступало Национальное агентство электроэнергетики и водоснабжения (ONEE), которое затем осуществляло их эксплуатацию. В 2005 г. была заключена первая сделка между частным

¹¹ Sener to Complete Morocco's Noor Ouarzazate III Solar Plant Soon. By Tarek Bazza. <https://www.moroccoworldnews.com/2018/11/257329/sener-moroccos-noor-ouarzazate-solar-plant/>. (дата обращения 30.03.2020).

инвестором – марокканской компанией Лафарж, занимающейся производством цемента - и испанской фирмой Gamesa, которая оборудовала предприятие в Тетуане ветровыми турбинами общей мощностью 37 МВт¹².

Впоследствии крупнейшей фирмой, специализирующейся на развитии ветровой энергетики, стала Nareva - дочерняя компания находящегося в собственности королевской семьи Национального инвестиционного общества. Принадлежащие ей три ветровые электростанции суммарной мощностью 200 МВт в Акфенире, Фуль эль-Уаде и Хуаме снабжают электроэнергией по соглашениям о купле-продаже государственные марокканские предприятия по добыче фосфатов, производству цемента и др.

Важнейшим совместным проектом Nareva и французской энергетической компании Engie стала вступившая в строй в 2014 г. ветровая электростанция в Тарфайе с установленной мощностью более 300 МВт. Расположенные на площади около 9 тыс. га 131 ветровая турбина способны обеспечить электроэнергией более полутора миллионов домов. Между консорциумом компаний и марокканским Национальным агентством электроэнергетики и водоснабжения был заключен контракт на условиях «строительство-эксплуатация-передача» на 20-летний период¹³.

С 2000 г. до 2015 г. суммарная установленная мощность марокканской ветроэнергетики увеличилась с 54 до 787 МВт. К 2020 г. она должна возрасти до 2000 МВт. Планируется расширение электростанций в Тарфайе, Танжере, Акфенире, Хуаме, а также строительство нескольких новых. Так, в конце 2015 г. ONEE подписало соглашение с группой компаний во главе с Nareva (в нее вошли также итальянская Enel Green Power и немецкая

¹² Major Projects Put Morocco on the Map for Wind Energy. <https://oxfordbusinessgroup.com/analysis/wind-rising-major-projects-have-put-morocco-map-wind-energy>. (дата обращения 30.03.2020).

¹³ Morocco Sets Bold Targets to Boost Renewable Energy Generation Capacity. <https://oxfordbusinessgroup.com/analysis/morocco-sets-bold-targets-boost-renewable-energy-generation-capacity>. (дата обращения 30.03.2020).

Siemens Wind Power), по которому планируется осуществить строительство пяти ветровых электростанций общей установленной мощностью 850 МВт к 2020 г. Необходимо подчеркнуть, что себестоимость электроэнергии по договору ожидается рекордно низкой – около 3 центов за кВт·ч. Среди других иностранных партнеров в развитии ветроэнергетики Марокко следует назвать японскую Mitsui, французскую Alstom, китайскую Xinjiang Goldwind, а также работающие совместно с фирмами из Абу-Даби и Саудовской Аравии национальные компании¹⁴.

Таким образом, в ходе развития марокканской зеленой энергетики применяются разнообразные схемы финансирования проектов, предусматривающие участие как государства, так и частных национальных и иностранных инвесторов. Сотрудничество с иностранными компаниями, специализирующимися на разработке новейших способов производства возобновляемой энергии, позволяют Марокко не только получать необходимые финансовые средства, но и приобщаться к передовым технологиям в этой важнейшей отрасли хозяйства.

Одним из способов содействия правительством инновационному развитию является поощрение организации технологических парков, бизнес-инкубаторов и промышленных парков на основе инициативы частного сектора. Они создаются с целью привлечения иностранных компаний в разработку и внедрение новейших технологий, коммерциализации научных знаний, повышения культуры национального предпринимательства, создания высокотехнологичных рабочих мест для выпускников ВУЗов. В технопарках активно развиваются такие виды деятельности как информационно-коммуникационные технологии, нано- и микроэлектроника, биотехнологии, что в целом положительно влияет на технологический уровень бизнеса и общества.

¹⁴ Morocco Lights the Way for Africa on Renewable Energy. <https://www.theguardian.com/global-development/2016/nov/17/cop22-host-morocco-lights-way-africa-renewable-energy-2020>. (дата обращения 30.03.2020).

С 2001 г. и по настоящее время в Марокко организованы четыре технопарка в Касабланке, Рабате, Танжере и Агадире. Для управления ими создана государственно-частная структура Tech-park. Ее целью является обеспечение благоприятных условий для стартапов и функционирования мелких и средних компаний и предприятий, использующих зеленые и цифровые инновации.

Примером из области эко-инновационного развития может служить проект создания «Зеленого города» имени короля Мохаммеда VI, ядром которого станет одноименный университет. Научные и прикладные исследования, проводимые в университете, будут внедряться в жизнь расположенными в городе компаниями. Проект, стоимость которого оценивается в 4,7 млрд мар. дирхамов, финансируется за счет средств марокканской компании по добыче фосфатов – крупнейшего государственного предприятия страны¹⁵.

В стране существует ряд программ по содействию развития связей науки с производством. Так, Третья инновационная программа Марокканской ассоциации исследователей оказывает помощь средним и мелким компаниям в привлечении выпускников ВУЗов для работы над внедрением в производство новейших технологий. При этом сами фирмы оплачивают от 50% до 60% необходимых расходов. Программа охватывает ежегодно до 30 предприятий, работающих в таких отраслях как металлургия, электротехническая и электронная промышленность, химическое производство, водное хозяйство, охрана окружающей среды, био- и нанотехнологии¹⁶.

Инновационное развитие становится успешным тогда, когда в нем начинает активно и осознанно участвовать население,

¹⁵ Green Technologies a Focus of innovation in Morocco. UNESCO Media services. http://www.unesco.org/new/en/media-services/single-view/news/green_technologies_a_focus_of_innovation_in_morocco/ (дата обращения 03.04.2020).

¹⁶ Green Technologies a Focus of innovation in Morocco. UNESCO Media services. http://www.unesco.org/new/en/media-services/single-view/news/green_technologies_a_focus_of_innovation_in_morocco/ (дата обращения 03.04.2020).

когда идеи устойчивого развития становятся частью менталитета нации. В Марокко есть определенные успехи в этом плане. Приверженность принципам зеленого развития и понимание важности использования зеленых технологий получают распространение среди образованной молодежи. В качестве примера можно привести тот факт, что в ежегодном конкурсе в рамках Всемирной программы эко-инноваций «Cleantech» в 2017 г. Марокко вышло на первое место, представив проект переработки и использования бытовых отходов с использованием специальной цифровой платформы, разработанной группой молодых специалистов. Помимо практической пользы, значение подобных проектов состоит в том, что в нем активно участвует население, мелкие и средние предприниматели, т.е. принципы озеленения экономики не спускаются сверху, а становятся образом жизни всего общества.

Таким образом, Марокко является одним из передовых государств развивающегося мира в области применения принципов устойчивого развития и зеленой экономики. В стране много делается для разработки и практического использования инноваций в различных отраслях хозяйства и повседневной жизни населения. Ключевая роль в этом процессе принадлежит государству. Представляется, что инновационное развитие, в том числе внедрение эко-инноваций, способно помочь в решении некоторых как экологических, так и социально-экономических проблем страны. А главное, помочь найти Марокко свое место в мире в условиях разворачивающейся четвертой промышленной революции.

§3.4. Китай: модель экономического роста, основанного на инновациях

Переход от экстенсивной к интенсивной модели

С начала реформ, начавшихся в 1978 г., в Китае превалировала экстенсивная модель экономического роста. Драйверами выступили дешевизна рабочей силы и ее численность, затем масштабированные инвестиции. Однако после кризиса 2008 г. стала очевидна бесперспективность экстенсивной модели. В промышленности образовался избыток мощностей, которые все менее соответствовали изменениям в мировом хозяйстве и были технологически отсталыми. Произведенные масштабные инвестиции, в которых была задействована «кредитная накачка», привели к росту совокупного долга с 110–120% ВВП в 2000 г. до 280–290% в 2015 г. При этом три четверти его прироста пришлось на корпоративные долги госкомпаний¹. Ситуация усугублялась наличием крупных «плохих» долгов, которые угрожали стабильности банковской системы.

С другой стороны, замедлился рост населения, в структуре населения ощутимо выросла доля старших возрастов. В этих условиях объективно был необходим переход к интенсивному экономическому росту, связанному с повышением добавленной стоимости производимой продукции и внутренним потреблением. Устойчивость такой интенсивный рост мог обрести только благодаря все большей опоре на инновационно-технологическое развитие.

Курс на такое развитие был четко сформулирован в заявлениях председателя Си Цзиньпина, положениях стратегии «Сделано в Китае 2025» и других документах. В частности, заявлены следующие цели:

¹ Мельянцева В.А., Матюнина Л.Х. Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010-е гг.) / Москва. 2019. С. 15.

1. Сделать Китай одной из самых инновационных стран к 2020 г. и ведущим инноватором к 2030 г.

2. Добиться для страны статуса ведущей мировой научно-технической державы к 2049 г. – столетию КНР.

3. Удвоить расходы на НИОКР в ключевых областях информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) с тем, чтобы разработать собственные технологии. В тех случаях, когда это невозможно, приобретать необходимый опыт из-за рубежа².

Исходя из данных целей и мер по их достижению, можно дать характеристику складывающейся модели экономического роста в Поднебесной.

Новая модель экономического роста

Для характеристики новой модели используем схему, представленную на рисунке III-4.1. В ней выделены четыре составляющих (экономический рост, использование технологий, процессы, основа), в которых отображены различные факторы инновационного и экономического развития, объединенные причинно-следственными отношениями (показаны стрелками). Удобно раскрыть содержание схемы идя сверху вниз, т.е. от первой составляющей к четвертой.

Рост ВВП Китая может быть ускорен, во-первых, за счет увеличения числа предприятий, применяющих новые технологии. Наиболее успешны из них так называемые «единороги», стартапы, оценочная стоимость которых за короткое время достигает миллиарда долларов и более. Именно возможность подобных головокружительных показателей делает единорогов символом ускоренного роста. По состоянию на август 2019 г. в Китае насчитывалось 96 единорогов, больше было только в США – 191.

² Brown M. and Singh P. China's Technology Transfer Strategy: How Chinese Investments in Emerging Technology Enable A Strategic Competitor to Access the Crown Jewels of U.S. Innovation / Defense Innovation Unit Experimental, January 2018, p.5.

Рисунок III-4.1. Модель экономического роста, основанного на инновациях

Больше всего единорогов в электронной коммерции (16 единорогов), на втором месте – искусственный интеллект (12), на третьем – автопром и транспорт (9). Далее разместились образовательные технологии (8), аппаратное оборудование (7), здравоохранение (7), мобильная связь (7), цепочка поставок, логистика и дистрибуция (6), розничная торговля (5). На долю «прочих» пришлось 19 единорогов³.

³ Rising Innovation in China. China Innovation Ecosystem. Development Report 2019/ Deloitte China, September 2019, p.12.

Во-вторых, увеличение прироста ВВП может достигаться за счет увеличения числа предприятий, перешедших на продвинутые технологии. Эти технологии не относятся к новым, но они прогрессивны, поскольку позволяют повысить производительность труда на предприятиях большинства отраслей и сделать их более конкурентоспособными.

Для оценки вклада технологий в прирост ВВП часто используется показатель совокупной факторной производительности (СФП). В последние два десятилетия СФП в Китае выросла, по некоторым расчетам, с 28,3% в период 2000–2009 гг. до 41,1% в период 2010–2019 гг.⁴ И все же отставание КНР по этому показателю от западных стран сохраняется. Как отмечается в докладе экспертов Мирового Банка и Научно-исследовательского Центра развития Госсовета КНР, Китай мог бы удвоить свой ВВП при достижении уровня СФП стран ОЭСР⁵.

С точки зрения модели, отображенной на рисунке III-4.1, это означает, что волна инноваций, зарождающаяся в четвертой составляющей и по причинно-следственным связям распространяющаяся через третью и вторую составляющие до первой (вплоть до конечного результата – роста ВВП), в Поднебесной еще не набрала критическую силу и не преобразовала в решающей степени экономику страны. Данное утверждение не умаляет достижений Китая в технологиях, которые значительны. Но китайская экономика велика, и потому кроме достижений важен также значительно больший охват этими достижениями предприятий страны.

Внедрение новых технологий

Во области внедрения новых технологий для китайской практики характерно фокусирование на технологиях, в которых у

⁴ Лемутов В.А. Роль новых технологий в экономическом развитии Китайской Народной Республики в 2000-2010-е гг. Выпускная квалификационная работа / М.: ИСАА МГУ, 2020, с.64.

⁵ Innovative China. New Drivers of Growth / World Bank Group; Development Research Center of the State Council, the People's Republic of China, 2019, p. xx.

страны есть реальные шансы достичь мирового лидерства, акцент на агрегировании технологий в их эффективные сочетания, внимание решениям, обладающим макроэкономическим и геополитическим потенциалом. В цифровых технологиях Китая это хорошо удастся.

SenseTime – компания, которая стала лидером в Китае по внедрению искусственного интеллекта. Ее специализация – компьютерное зрение и алгоритмы глубокого обучения. Компания была создана в 2014 г. и сумела быстро создать впечатляющую линейку продуктов и сервисов на ряде направлений: умный город, мобильная связь, культурно-развлекательная сфера, умный автомобиль, умная медицина, интеллектуальный бизнес и финансы, образование, реклама⁶. В 2017 г. компания стала прибыльной, а ее общая выручка за 2016–2018 гг. увеличилась на 400%. В 2019 г. темп роста выручки компании еще более возрос и составил 200% в годовом исчислении.

Еще одно стратегическое направление – блокчейн. «У Китая есть амбиции стать технологическим лидером в мире. И я думаю, что у них может быть достаточно технологий, чтобы справиться с этим, по крайней мере, в индустрии блокчейнов», – высказала мнение Эдит Юнг, управляющий партнер венчурной компании Proof of Capital⁷.

Крупной инициативой стала *Сеть сервисов на основе блокчейнов* (Blockchain Service Network - BSN). В этой платформе экосистема блокчейнов играет роль ключевой инфраструктуры, которая обеспечивает интеграцию облачных вычислений, коммуникаций 5G, промышленных интернетов вещей, технологий искусственного интеллекта и больших данных с финтех-приложениями и другими сервисами уровня приложений. Иначе говоря, в BSN

⁶ SenseTime / Официальный сайт компании SenseTime. URL: <https://www.sensetime.com/> (дата обращения: 25.05.2020).

⁷ Zhao W., Pan D. Inside China's Plan to Power Global Blockchain Adoption / URL: <https://www.coindesk.com/inside-chinas-plan-to-power-global-blockchain-adoption>, 14.04.2020 (дата обращения: 25.05.2020)

реализуется эффективное сочетание многих цифровых технологий, обеспечивающее большую гибкость и многофункциональность платформы.

Разработкой и внедрением BSN занимается консорциум, в который входят Государственный информационный центр (аналитический центр государственной политики и стратегии Китая, связанный с Национальной комиссией по развитию и реформам), China Mobile (крупнейший национальный оператор связи Китая с более чем 900 миллионами абонентов), China Unionpay (крупнейший в мире поставщик платежных и расчетных систем с восемью миллиардами выпущенных кредитных карт) и Red Date Technologies (главный архитектор блокчейнов для BSN). Масштаб BSN беспрецедентен. В настоящее время запущены 100 городских узлов по всему Китаю. По генеральному плану центрального правительства в 2021 г. в сети будут находиться до 200 городов, а затем BSN охватит 451 город уровня префектуры⁸.

BSN также нацелена на укрепление международных связей Китая, и часто рассматривается экспертами в качестве основы для Цифрового шелкового пути, призванной обеспечить взаимосвязь для всех торговых партнеров Китая по всему миру. В случае успеха, BSN окажет глубокое влияние на доступность (следовательно, и на распространение) цифровых технологий в Китае и мире, что будет сопровождаться макроэкономическими и геополитическими выгодами для Поднебесной.

Диффузия существующих продвинутых технологий

По-прежнему важна для Китая и задача ускорить диффузию существующих технологий. Очевидный пример – полупроводниковая промышленность. Полупроводники являются сферой особого внимания, учитывая их важнейшую роль в почти всех электронных устройствах. Китай обеспечивает 60% мирового

⁸ Sung M. China's National Blockchain Will Change the World / URL: <https://www.coindesk.com/chinas-national-blockchain-will-change-the-world>, 24.04.2020 (дата обращения: 25.05.2020).

спроса на полупроводники, но при этом производит всего лишь 13% их мирового предложения.

Наиболее радикальный путь получения доступа к необходимым технологиям лежит через инвестиции в зарубежные активы и покупки иностранных компаний. Китайские компании, включая частные, поощряются к тому, чтобы инвестировать в иностранные фирмы. Приоритет – фирмы по производству полупроводников. Общий объем китайских приобретений, на пример, в США достиг пика в 2016 г. и оценивается в сумму более 45 млрд долларов⁹.

Однако Китай сталкивается и с противодействием США, которое нередко приводит к срыву намечающихся сделок. Поэтому идет поиск нужных активов также в других странах. В 2018 г., например, в список крупнейших сделок в полупроводниковой промышленности попали и китайские приобретения: Huada Semiconductor купила компанию Salanto Semiconductor (Канада), а Tsinghua Unigroup – компанию Linxens Group (Франция)¹⁰.

Не снимается с повестки дня другой путь – создавать в Китае совместные предприятия с компаниями, имеющими технологии и опыт в полупроводниковой промышленности. Для таких предприятий предусматриваются значительные субсидии, а те иностранные компании, которые не планируют перемещать производство в КНР, могут столкнуться с ограничительными мерами китайского правительства.

В целом формула «рынок в обмен на технологии» остается актуальной, несмотря на все разногласия по этому поводу между партнерами – и приносит результат. Так, тайваньские компании Powerchip Technology Corp, TSMC и United Microelectronics Corp. инвестируют на территории Китая в строительство современных фабрик, обрабатывающих кремниевые пластины диаметром

⁹ Является ли программа «Сделано в Китае — 2025» угрозой глобальной торговле? / URL: <https://inosmi.ru/politic/20200405/247199802.html> (дата обращения: 25.05.2020).

¹⁰ Semiconductors – the Next Wave Opportunities and winning strategies for semiconductor companies / Deloitte, April 2019, pp. 39,41.

300 мм. Американская корпорация GlobalFoundries также заявила о строительстве новой фабрики по обработке аналогичных пластин в городе Чэнду.

Диспропорции в экономике могут ухудшать экономические показатели новых и существующих продвинутых технологий. Такие диспропорции возникают как вследствие несовершенства рынка, так и вследствие несовершенства госрегулирования и просчетов в планировании. Примером может послужить ситуация в китайской энергетике. Темп ввода мощностей солнечной энергетики оказался настолько высок, что по итогам 2020 г., как ожидается, данные мощности составят 250–255 ГВт. Это намного выше, чем предусматривается 13 пятилетним планом Китая. Из-за избытка мощностей значительная часть выработанной электроэнергии не используется. В некоторых случаях потери электроэнергии составляли до 43% от объема выработки на солнечных и ветряных станциях¹¹.

Хотя полное устранение диспропорций в быстроразвивающейся и переходящей на новую технологическую основу экономике едва ли возможно, задача по устранению наиболее серьезных из них актуальна в контексте реализации модели экономического роста на основе инноваций.

Генерация открытий и изобретений

Процесс генерации открытий и изобретений можно оценивать с помощью различных показателей. К ним относятся, в частности, количество поданных патентных заявок и количество полученных патентов. В 2019 г. Китай впервые вышел на первое место по количеству патентных заявок в рамках системы договора ВОИС о патентной кооперации (РСТ). Китайские заявители подали 58 990 заявок, опередив американских заявителей (57 840 заявок).

¹¹ Новая система производительных сил и страны Востока (Коллективная монография) / Отв. ред. А.В. Акимов, С.А. Панарин, науч. ред. И.В. Дерюгина, Н.Н. Цветкова; Ин-т востоковедения РАН. – М.: ИВРАН, 2019, с. 213, 218.

Комментируя этот факт, генеральный директор ВОИС Фрэнсис Гарри сказал: «стремительный выход Китая на лидирующие позиции по числу поданных по линии ВОИС международных патентных заявок является одним из проявлений долгосрочного сдвига траектории инноваций в сторону Востока: на сегодняшний день на заявителей из Азии приходится более половины всех заявок по линии РСТ. В 1999 г. ВОИС получила 276 заявок из Китая. К 2019 г. их число увеличилось до 58 990, т.е. всего за двадцать лет данный показатель вырос в 200 раз»¹².

Если посмотреть на статистику подачи заявок всех видов (подаваемых по международным и национальным процедурам по всем видам защищаемых объектов), то доминирование Китая станет очевидным (см. табл. III-4.1).

Таблица III-4.1. Подача заявок китайскими заявителями в мире

Предмет заявок	2017	2018	Темп прироста, %	Доля в мировом показателе, %
Изобретения (патентные заявки)	1 381 594	1 542 002	11,6	46,4
Полезные модели	1 687 593	2 072 311	22,8	96,6
Товарные знаки	5 739 669	7 365 522	28,3	51,4
Промышленные образцы	628 658	708 799	12,7	54,0
Сорта растений	4 465	5 760	29,0	28,5

Источник: World Intellectual Property Indicators 2019 / Geneva, WIPO, 2019, p.7

Поднебесная далеко опережает все страны по числу подаваемых заявок, в том числе добившись фактически монопольного положения в области заявок на полезные модели (96,6% от мирового показателя). Еще в трех областях – патентных заявках, а также в заявках на товарные знаки и промышленные образцы –

¹² Китай выходит в лидеру по числу поданных международных патентных заявок / URL: https://www.wipo.int/pressroom/ru/articles/2020/article_0005.html (дата обращения: 27.05.2020).

Китай имеет прочные позиции лидера с долей в мировом показателе от 46,4% до 54,0%.

По полученным патентам Китай пока не стал лидером, но и здесь тенденция к укреплению его позиций налицо. В этом плане показательна статистика регистрации охранных документов в США. В общей сложности в 2019 г. американское ведомство выдало 333 530 патентов. Из этого количества 49% патентов принадлежат американским компаниям. На втором и третьем месте располагаются Япония и Южная Корея. А вот четвертую позицию занял Китай, который впервые сумел обогнать Германию. Количество патентов, зарегистрированных китайскими компаниями, увеличилось с 12 599 единиц в 2018 г. до 16 900 в 2019 г., прибавив 34,14 %. Это лучший показатель роста среди всех стран¹³.

Безусловно важна также качественная сторона научно-технических достижений. Специалистами КНР созданы технологии мирового уровня:

- в машиностроении – самолет Comac C919, высокоскоростной поезд Fuxing, первый гибридный автомобиль массового производства BYD F3DM;
- в электронике и приборостроении – процессорная архитектура Loongson;
- в химии и синтетических материалах – углеродный материал для аккумуляторов;
- в медицине и фармацевтике – генетическая терапия против рака;
- в ядерной энергетике – ядерный реактор 4-го поколения CFR-600;
- в освоении космоса – аппарат Чанъэ-4 (совершивший посадку на обратную сторону Луны), самый большой в мире радиотелескоп Тяньянь;

¹³ Китайские компании больше других регистрировали патенты в США в 2019 г. / URL: <https://3dnews.ru/1001509> (дата обращения: 28.05.2020).

— в исследовании Мирового океана – глубоководный батискаф Цзяолун.

Сегодня уже никто не сомневается в научно-техническом потенциале Китая и его способности делать ценные открытия и изобретения. Но для оценки степени превращения этих достижений в технологическое обновление экономики необходимо рассмотреть всю цепочку «технические решения – заявки – охранные документы – внедрение технологии». И здесь мы видим, что лидерство Китая в начале цепочки сменяется ролью «успешного догоняющего» в ее середине (количество патентов), а затем и средними позициями во внедрении, когда новых и продвинутых технологий в масштабе всей экономики еще не достаточно для статуса технологической державы.

Развитие каналов трансферта технологии

Проводя в жизнь свою стратегию технологического обновления экономики, КНР стремится уйти от ситуации, когда большая часть высокотехнологичных продуктов, представленных на рынке страны, контролируется компаниями с иностранным участием. В этой связи критически важным звеном в инновационных цепочках становится трансферт технологий из китайских центров НИОКР в китайские предприятия. Например, университетский сектор Китая перспективен в качестве источника технологий, но каналы их трансферта нуждаются в развитии. Об этом свидетельствуют данные таблицы III-4.2.

Как видно из приведенных данных, количество соглашений о трансферте технологии из китайских университетов умеренно, хотя и не очень устойчиво, росло, удвоившись за период с 2000 г. по 2016 г. Приблизительно утроилась за тот же период и стоимость передаваемой в рамках таких соглашений технологий. Но вот доля этой стоимости в доходах от университетских НИОКР в целом сокращалась, и довольно заметно – более чем в четыре раза за рассматриваемый период.

Таблица III-4.2. Трансферт технологии из китайских университетов

	2000	2003	2006	2009	2012	2016
<i>Соглашения о трансферте технологий</i>						
Количество	4 946	7 809	6 878	8 770	10 275	9 592
Стоимость (млн юаней)	1 788	2 374	1 964	3 120	3 876	5 025
% в доходах от университетских НИОКР	22,0	15,4	7,6	6,6	5,0	5,3
<i>Патенты и патентные лицензии</i>						
Кол-во проданных патентов и патентных лицензий	299	611	701	1 571	2 357	4 803
% от выданных патентов	19,3	15,5	6,3	5,6	3,4	3,3
Стоимость проданных патентов и патентных лицензий (млн юаней)	185	360	287	762	821	2 270
% в доходах от университетских НИОКР	2,3	2,3	1,1	1,6	1,1	2,4
<i>Распределение стоимости соглашений о трансферте технологий (%)</i>						
Государственные предприятия	53,6	33,7	49,0	34,2	34,4	32,6
Частные предприятия	18,8	34,7	33,7	47,7	49,9	47,9
Предприятия с иностранным участием	10,0	3,1	4,5	5,4	4,6	10,4
Другие	17,6	28,5	12,8	12,7	11,2	9,1

Источник: Wu W. Transfer of Technology and Innovation from Universities to Firms: The Case of China /URL: https://mosiur.org/files/conference_proceedings_2018/Transfer_of_Technology_Weiping_Wu.pdf (дата обращения: 28.05.2020).

Еще более показательны данные о продаже патентов и патентных лицензий. На первый взгляд, динамика количества их продаж впечатляет, рост 16-ти кратный. Но доля этого количества в общем числе выданных патентов сократилась почти в 6 раз. Не растет, а в отдельные периоды (2006–2012 гг.) существенно падает и доля продаж патентов и патентных лицензий в доходах от университетских НИОКР.

Поэтому в целом приходится делать вывод, что каналы передачи технологии из университетов в китайскую экономику пока недостаточно эффективны. Они по различным причинам не могут

направить большую часть патентуемых изобретений в сферу внедрения технологий. Среди причин называются несоответствие проводимых исследований нуждам предприятий и институциональные барьеры.

В последние годы система институтов трансфера технологий в Китае успешно развивается. Она включает Министерство науки и техники, национальные центры трансфера технологий, Региональный союз трансфера технологий, отраслевые альянсы по передаче технологий и другие организации. Эффективность системы будет зависеть от того, насколько успешно в ней организована цепочка создания стоимости (см. табл. III-4.3).

Таблица III-4.3. Цепочка создания стоимости институтов трансфера технологий

Основные виды	Обнаружение научно-технических достижений	Оценка научно-технических достижений	Содействие в подаче патентных заявок	Идентификация рыночных потребностей	Трансферт научно-технических достижений	Послепродажные услуги
	Поддержка					
	Величина институтов трансфера технологий					
	Компетентность институтов трансфера технологий					
	Источники финансирования институтов технологий					
	Связи между предприятиями, агентствами трансфера технологий и исследователями					

Источник: Miesing P., Tang M. Technology Transfer Institutions in China: A Comparison of Value Chain and Organizational Structure Perspectives / <https://pdfs.semanticscholar.org/> (дата обращения: 28.05.2020).

В данной цепочке можно выделить шесть этапов, в которых представлены основные виды деятельности институтов. На первом этапе производится выбор научно-технических достижений, потенциально имеющих перспективу превратиться в востребованную технологию. При огромном потоке отчетов о результатах исследований этот этап призван своевременно обнаруживать наиболее ценные результаты НИОКР. На втором этапе

осуществляется оценка достижения и делается вывод о целесообразности или нецелесообразности запуска процедуры патентования данного достижения. На третьем этапе институты предоставляют помощь в подаче патентной заявке, на четвертом – определяют рыночную нишу, где технология может использоваться и, наконец, на пятом осуществляют передачу технологии китайским предприятиям. Довольно важен и шестой этап, когда предоставляются послепродажные услуги – например, авторское сопровождение внедрения и совершенствования переданной технологии.

Создать «конвейер», способный эффективно обрабатывать огромные массивы научно-технической информации, отбирать и доводить научно-технические достижения до статуса технологии, а затем в массовом порядке передавать их китайским предприятиям под силу только сильной системе институтов. Важнейшие параметры такой системы – величина входящих в неё организаций, компетентность, финансовые ресурсы и связи с предприятиями.

В ближайшие годы китайским институтам трансферта технологии предстоит выйти на новый уровень, а именно уровень организации многообразных и массовых потоков технологий, без которых технологическое обновление экономики невозможно. Немаловажно, в какой степени деятельность данной институциональной системы будет поддерживаться промышленной политикой правительства.

*Разработка и реализация политик правительства:
промышленная политика*

Авторы доклада «Инновационный Китай. Новые драйверы роста» полагают, что в условиях перехода на новую модель экономического роста промышленная политика Китая должна претерпеть определенные изменения¹⁴. В основу этих изменений предлагается положить идею развития рыночной конкуренции и отведения рынкам решающей роли в распределении ресурсов. Это

¹⁴ Innovative China. New Drivers of Growth / World Bank Group; Development Research Center of the State Council, the People's Republic of China, 2019, pp. 29-48.

поможет преодолеть дисбалансы и повысить восприимчивость экономики к инновациям.

Дисбалансы возникают вследствие массированных инвестиций, приводящих к появлению избыточных мощностей. Со времени кризиса 2009 г. загрузка мощностей в промышленном секторе Китае стабильно держится на уровне ниже 80%. Проблема избыточности мощностей затронула тяжелую индустрию, такие отрасли, как черная и цветная металлургия, химическая промышленность, транспортное машиностроение.

В 2015 г. власти Китая ввели комплексную программу, направленную на сокращение избыточных мощностей. Меры включали в себя установление целевых показателей для сокращения мощностей государственных предприятий, укрепление стандартов экологической и энергетической эффективности, приостановление производства в горнодобывающей промышленности и сырьевых секторах в пиковые отопительные сезоны, ограничение финансирования секторов с избыточными мощностями, а также реструктуризацию или ликвидацию неэффективных предприятий.

Данные меры принесли результат, но причины образования избыточных мощностей не были полностью устранены. В частности, некоторые из них коренились в самой промышленной политике, которая, с одной стороны, стимулировала производство за счет предоставления внушительных фискальных и иных льгот, а с другой теми же самыми льготами фактически поощряла излишние вложения в поддерживаемых отраслях и предприятиях.

Кроме того, предоставляемые в рамках промышленной политики льготы и стимулы в ряде случаев позволяли оставаться на рынке недостаточно эффективным предприятиям, ослабляя их мотивацию к технологическому обновлению как средству повышения эффективности и выживания на рынке.

В докладе были предложены следующие изменения в промышленной политике:

- сфокусировать и упорядочить данную политику. Понимает, что идентификация целевых отраслей промышленности

для поддержки должна осуществляться на основе более дисциплинированного и селективного подхода. Правительство должно убедиться, что поддержка в любом секторе не концентрируется только на нескольких фирмах, и делать акцент на выходе на рынок новых фирм, поощрять более молодые предприятия, и своевременно прекращать поддержку неконкурентоспособных компаний;

- улучшить диалог между правительством и промышленностью, совершенствовать мониторинг и оценку промышленной политики. Регулярные диалоги могут быть использованным для поиска новых инвестиционных идей, достижения координации между различными государственными агентствами, а также продвижения необходимых изменений в регулировании;
- осуществить оптимизацию набора стимулов и льгот, а также практики по их применению на уровне местных правительств. Для осуществления промышленной политики, местные органы власти оказывали поддержку местным компаниям путем финансовых субсидий, налоговых вычетов, субсидирования процентов и вложений государственного венчурного капитала. Они предоставляли землю на льготных условиях и помогали местным фирмам получать разрешения и выполнять согласования. Местные органы власти также создавали высокотехнологичные зоны развития, научные парки и многое другое, недавно появились технологические инкубаторы. Но с расширением частного сектора и необходимостью перехода к более инновационному интенсивному росту, необходимо пересмотреть набор инструментов поддержки, сохраняя полезные из них и устраняя избыточные;
- обеспечить своевременный выход из рынка нежизнеспособных предприятий. В Китае довольно низкий уровень прекращения деятельности компаний. В 2017 г. таких компаний было 5 665. Для сравнения: в США – 23 591, Соединенном Королевстве – 16 502, Японии – 8 447. Румынии – 8 371. Нужен более активный режим банкротства и реструктуризации, который бы

позволял оперативно прекращать деятельность нежизнеспособных компаний и реорганизовывать недостаточно эффективные фирмы. Китайское законодательство о несостоятельности предприятий в основном придерживается передовой международной практики, но у него есть некоторые недостатки. Так, процедуры стоят довольно дорого, а кредиторы исключаются от участия в принятии важных решений в ходе производства по делу о несостоятельности. Нет в законе конкретных положений, касающихся неплатежеспособности корпоративных групп и т.д.

Безусловно, приведенные выше рекомендации доклада содержательны и могут помочь в совершенствовании промышленной политики КНР или, по крайней мере, ее отдельных компонентов. Сложнее вопрос, может ли сдвиг к либерализации рынка стать универсальной основой промышленной и, шире, экономической политики в период технологического обновления народного хозяйства Китая. На многих направлениях, особенно в сфере цифровых технологий, Поднебесная имеет не только экономические, но и геополитические интересы. А в геополитике соображения экономической целесообразности не являются единственными. Поэтому можно ожидать, что экономическая политика Китая в ближайшие 10–20 лет будет представлять сбалансированное сочетание мер по повышению роли рынка в распределении ресурсов и мер по усилению стратегических государственно-частных институциональных альянсов (подобных консорциуму, занимающемуся развитием BSN).

Инновационная экосистема

По определению специалистов аудиторско-консалтинговой компании Deloitte, термин «инновационная экосистема» охватывает заинтересованные стороны (stakeholders) и ресурсы, необходимые для достижения непрерывных инноваций в современной экономике. Совокупность факторов, таких как предприятия и инновационная атмосфера в стране, рассматривается как единое

целое, с акцентом на взаимосвязанность и взаимозависимость инновационных элементов¹⁵.

В состав инновационной экосистемы входят *институты* (инновационные компании, образовательные учреждения, научно-исследовательские институты), *ресурсы* (специалисты по инновациям, инновационный капитал, инновационные технологии и мейкерспейсы¹⁶) и *среда* (инновационная стратегия, инновационный фундамент в виде умной инфраструктуры и компетентности, инновационная атмосфера и стоимость инноваций).

Таблица III-4.4. Рейтинг инновационности городов Китая

Первая группа		Вторая группа		Третья группа	
Город	Баллы	Город	Баллы	Город	Баллы
Пекин	95	Наньцзин	63	Дунгуань	49
Шанхай	88	Чэнду	60	Чжэнчжоу	48
Шэньчжэнь	81	Ухань	59	Хэфэй	47
Ханчжоу	73	Сучжоу	58	Фошань	44
Гуанчжоу	72	Тяньцзинь	57	Жухай	42
		Чунцин	54	Гуйян	39
		Чанша	52		
		Сиань	50		

Источник: Rising Innovation in China. China Innovation Ecosystem. Development Report 2019 / Deloitte China, September 2019, p.23.

Инновационная экосистема Китая достигла довольно высокого уровня развития. Она концентрируется в ряде городов, каждый из которых имеет свою специфику и свои достижения. Рейтинг 19 ведущих центров экосистемы приведен в таблице III-4.4 (100 баллов соответствует наивысшей оценке).

¹⁵ Rising Innovation in China. China Innovation Ecosystem. Development Report 2019 / Deloitte China, September 2019, p.20.

¹⁶ Мейкерспейс (англ. makerspace) – формат креативных пространств-мастерских, где можно быстро собрать прототип и протестировать продукт. Организован по принципу открытого пространства, в котором десятки людей одновременно работают над своими проектами.

В разделе «институты» лидируют Пекин, Шанхай и Шэньчжэнь. По числу инновационных и высокотехнологичных предприятий эти три города опережают все остальные китайские города. В них также расположены до 60% всех интернет-компаний из списка топ-100, при чем 33% - в Пекине. Главным центром по научно-исследовательским и образовательным учреждениям является Пекин.

В разделе «ресурсы» тройка лидеров прежняя, но к ним следует добавить быстро сблизившегося с ними по показателям раздела Ханчжоу. В данных четырех городах сконцентрировано 55% всех китайских специалистов по искусственному интеллекту (30% – в Пекине). В 2018 г. Пекин и Шанхай лидировали по притоку инновационного капитала, третье место занял Ханчжоу. По инновационным технологиям Шэньчжэнь и Пекин заняли соответственно первое и второе места, на третьем разместился Шанхай. По количеству мейкерспейсов лидировали Пекин и Шанхай с долей 20% от всего их количества в Китае.

Наконец, в разделе «среда» четверка лидеров, следующая: Шэньчжэнь, Гуанчжоу, Пекин и Шанхай. Шэньчжэнь занимает первое место по показателю инновационной атмосферы, далеко опережая остальные города. Гуанчжоу выделяется активной позицией городских властей, разработавших и введших в действие ряд политик по созданию инновационного окружения. Пекин преуспел в создании инновационной инфраструктуры¹⁷.

Развитость инновационной экосистемы отнюдь не означает, что она не сталкивается с проблемами. В ней могут возникать и возникают дисбалансы под действием характерного для Китая механизма избыточного стимулирования. В качестве примера можно привести историю мейкерспейсов. Это движение зародилось в середине 2000-х гг. в районе залива Сан-Франциско, в Китае начало развиваться с 2010 г. – не будучи заметным явлением в течение нескольких лет.

¹⁷ Rising Innovation in China. China Innovation Ecosystem. Development Report 2019 / Deloitte China, September 2019, pp. 21-22.

Положение изменилось в 2015 г. когда центральное правительство объявило это движение частью плана по поддержке инноваций и предпринимательства в Поднебесной. Центральное и местные правительства требовали от организаторов мейкерспейсов показывать, сколько стартапов и патентов они помогли зарегистрировать и сколько венчурного капитала получили стартапы. В обмен проектам по открытию производственных пространств предоставлялся легкий доступ к государственному финансированию.

Последовал бум по открытию производственных пространств, который к 2018 г. привел к появлению заведомо избыточного количества мейкерспейсов. Соответственно, резко ухудшились их экономические показатели: около 55% рабочих площадей понесли финансовые убытки, а средний уровень занятости рабочих пространств составил всего 30%, что намного ниже 60%, необходимых многим производственным площадям для безубыточности. Реагируя на переизбыток мейкерспейсов, Министерство науки и технологий отозвало разрешение на деятельность 24 рабочих пространств. Причина: отсутствие оборудования и услуг или прогресса в инкубации стартапов¹⁸.

Несмотря на то, что эти цифры не вызывают особого оптимизма, в подобных сценариях инновационного развития есть свои плюсы. Так, за короткое время широкие слои населения познакомились с новым форматом бизнеса. Большое количество людей с самыми разными идеями и подходами попробовали свои силы в этом формате. Быстро были выявлены как возможности, так и ограничения мейкерспейсов. После ухода «лишних» из бизнеса, остались наиболее стойкие и умелые его приверженцы. И на все это потребовалось всего три года.

Волна технологического обновления

Представленная на рисунке III-4.1 модель экономического роста позволяет рассматривать данный рост в тесной зависимости

¹⁸ Made in China: The Boom and Bust of Makerspaces / URL: <https://www.sixthtone.com/news/1003171/made-in-china-the-boom-and-bust-of-makerspaces> (дата обращения: 04.06.2020).

от инноваций. Эта зависимость раскрывается через причинно-следственные отношения, которые берут начало в четвертой составляющей. В этом смысле четвертая составляющая является основой технологического обновления экономики. Достигаемые в ней результаты не мгновенно передаются по цепочкам причинно-следственных связей. Существуют временные лаги между изменениями показателей четвертой составляющей и показателями третьей, второй и первой составляющих. Соответственно, индикаторы предшествующих составляющих будут являться опережающими, а индикаторы последующих составляющих – запаздывающими.

Технологическое обновление экономики совершается волнообразно. Сначала гребень волны (пик значений показателей) формируется в основе, затем перемещается в составляющую процессов, далее в составляющую использования технологий и, наконец, воплощается в инновационно-обусловленный прирост ВВП. Текущее состояние составляющих можно оценивать в процентах от возможного максимума. При изучении волновых паттернов следует учитывать одновременное действие разных волн – краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных¹⁹.

Для оценки текущего состояния основы возьмем данные рейтинга инновационности городов Китая (см. табл. III-4.4). Среднеарифметическая по 19 городам составляет примерно 60 баллов из 100 возможных, что соответствует 60% от максимально возможного значения показателя. Другими словами, гребень волны здесь активно формируется и превысил половину от возможного максимума.

В составляющей процессов нужно обратить внимание на разрыв в количестве подаваемых заявок и количестве полученных патентов, барьеры в трансфере технологий и проблемы в формировании политик. С учетом данных обстоятельств, состояние

¹⁹ См. Кандалинцев В.Г. Анализ соотносительной динамики ВВП и НВПИИ на примере Китая, Индии и Японии // Восточная Аналитика, №1 2020.

третьей составляющей можно оценить в 40% от возможного максимума.

В составляющей использования технологий важно, насколько широко применяются в народном хозяйстве КНР новые и существующие продвинутое технологии, а также насколько успешно преодолеваются экономические диспропорции. В грубом приближении состояние второй составляющей оценивается в 25–30% от возможного максимума.

Наконец, оценка состояния первой составляющей может базироваться на вкладе новых и существующих продвинутых технологий в прирост ВВП. Она равна примерно 10–20% от максимума. Несмотря на весьма приблизительный характер приведенных оценок, они позволяют дать общую характеристику волне технологического обновления в Китае.

Данная волна находится в своей относительно ранней стадии, когда наибольшие результаты показываются в четвертой составляющей, играющей роль основы и источника инноваций. Однако уровень развития инновационной экосистемы уже таков, что ее влияние отчетливо видно в следующей, третьей, составляющей. В двух последующих составляющих результаты пока не очень высокие. Тем не менее, потенциал для технологического обновления у Китая явно сложился, наращивание и использование этого потенциала идет планомерно и целеустремленно. Поэтому достижение высоких планок, обозначенных в документе «Сделано в Китае 2025», выглядит вполне осуществимым.

§3.5. Новые подходы к построению общества «сяокан» в Китае

Представления о мироустройстве будущего, некой приближенной к идеальной модели, к которой постепенно движется цивилизованный мир сегодня, как оказалось, весьма многообразны. За 70 лет своего экономического развития КНР превратилась из бедной и отсталой сельскохозяйственной страны во вторую экономику мира и крупнейший субъект в области обрабатывающей промышленности. Сегодня же Китай – это больше чем всемирная фабрика, как его привыкли воспринимать в других странах.

Китай неожиданно для многих продемонстрировал всему миру прообраз возможного социального порядка будущего. Постиндустриальное общество в китайском понимании – это, прежде всего, жесткий контроль социального поведения граждан и экономической деятельности предприятий с помощью современных технологий и перевод в количественные показатели практически любого социального действия гражданина. Любопытно, что дисциплинированность именно китайских граждан нередко ставится в пример представителями других национальностей.

Неудивительно, что многих такая перспектива разочаровала. Казалось бы, технологический прогресс должен служить расширению, а не ограничению свободы личности. В действительности же, все оказывается наоборот: модель общества будущего, предлагаемая нам Китаем сегодня, – это модель тотального контроля. Китай предстает перед нами в качестве пилотного проекта с целью демонстрации всему миру возможностей открытого применения современных технологий в интересах публичной власти. Разумеется, последующее тиражирование успешного китайского опыта в тех странах, где информатизация общественной жизни стоит в приоритете государственной политики не может не вызывать опасений уже сегодня.

Реформирование социального порядка в Китае имеет определенные идеологические основания. Чтобы их лучше понять нужно взглянуть на плановость социального-экономического развития Китая со второй половины XX в. В истории китайского экономического чуда можно выделить два основных этапа:

1949–1978 гг. – введение системы планового хозяйства, проведение промышленной модернизации, стимулирование экономического развития;

1978 г. – настоящее время – проведение реформ политики и открытости, создание и усовершенствование социалистической рыночной экономики, быстрый экономический взлет.

Китайское правительство всегда жестко придерживалось поставленных целей. Первый пятилетний план осуществлялся с 1953 по 1957 гг., по результатам которого было объявлено о выполнении основной работы по проведению социалистической индустриализации. Нынешний 2020 год завершает 13-ю по счету пятилетку (2016–2020 гг.), по итогам которой планируется совершить социально-экономические преобразования, необходимые для перехода к «обществу средней зажиточности» или «сяокан». Древнекитайские мыслители использовали понятие «сяокан» для того, чтобы определить представление «об уютном, упорядоченном обществе», основанном на дружных семьях, – отмечают эксперты. По их мнению, «сяокан» – модель идеального общества, уступающего лишь обществу разряда «да тун», в котором уже не будет классового расслоения и все будут равны и свободны.

В своем предновогоднем обращении к народу Китая председатель КПК Си Цзинпинь коснулся приоритетных направлений социально-экономической политики на 2020 г., который, по его словам, станет годом, имеющим крайне важное значение (для Китая). «Мы должны будем выполнить задачу по полному построению среднезажиточного общества, осуществить цель «первого столетия». Наступающий год также является годом достижения исключительной победы над ликвидацией бедности в стране. Мы должны прилагать совместные усилия для преодоления

существующих потенциальных трудностей и проблем, заложив максимально прочную основу для победы в деле сокращения нищеты. Должны стремиться к тому, чтобы малоимущие на селе и неразвитые уезды страны были полностью выведены из-за черты бедности»¹.

Чуть раньше, 10–12 декабря 2019 г. на Центральном совещании по экономической работе были обозначены три ключевых блока основных социально-экономических задач Китая на 2020 г.²:

1. Поддержка стабильного экономического развития. Особое внимание здесь уделяется поддержке занятости, продолжению стимулирования экономики и поддержке малого и среднего бизнеса. В стране, по данным экономического портала «Цайсинь», «ожидается перенос акцента со снижения налогов на расширение бюджетной поддержки экономического развития». В частности, ожидается значительный рост целевых облигаций госзайма местными правительствами. Собранные средства, как ожидается, пойдут, прежде всего, на финансирование инфраструктурного строительства. Поскольку Китай не испытывает оптимизма по поводу развития внешнеторгового оборота на фоне продолжающегося американо-китайского торгового конфликта, повышение инвестиций в инфраструктуру будет вполне естественным для поддержания экономического развития. Ожидается понижение роста национальной экономики с 6–6,5% до 6% ввиду переноса акцента с количественных на качественные показатели экономического развития, с одной стороны, и сохранении финансовой стабильности, с другой. Одной из важных мер поддержания стабильности на внутреннем рынке будет сохранение жестких ограничений на рынке

¹ Председатель КНР Си Цзиньпин выступил с поздравительным посланием 2020 года. <https://rg.ru/2019/12/31/predsedatel-kr-si-czinpın-vystupil-s-pozdravitelny-m-poslaniem-2020-goda.html> (дата обращения: 24.02.2020)

² Китай определил задачи развития на 2020 год. <https://rg.ru/2019/12/30/v-2020-godu-v-kitae-razrabotaiut-plan-reformy-gospredpriiatij-na-3-goda.html> (дата обращения: 12.01.2020)

жилья в соответствии с формулировкой «жилье для жизни, а не для спекуляций».

2. Ликвидация нищеты и построение общества среднего достатка. В 2020 г. КНР планирует окончательно ликвидировать нищету с помощью развития инфраструктуры в беднейших районах и усиления их материальной поддержки из центра. Однако здесь существует проблема – нужно изменить подход получателей государственных средств к их использованию, научив беднейшие слои не проматывать государственные дотации. Задача достижения общества среднего класса (людей со среднегодовым доходом в 10 тыс. долл.) как движущей силы внутреннего потребления будет решаться постепенно, и к 2030 г. ожидается увеличение численности таких людей в КНР в 3,5 раза.

3. Новые задачи. Особую важность приобретают задачи экономического планирования, и основная из них – разработка трехлетнего плана реформы госпредприятий, закрепляющая тренд на слияние мощностей или установление партнерства между конкурировавшими ранее госпредприятиями. В Китае уже были инициированы проекты такого рода сотрудничества:

- объединение усилий в совместной разведке месторождений нефти и газа конкурирующих нефтегигантов Китайской национальной нефтегазовой корпорации (CNPC) и Китайской нефтехимической корпорации (Sinopec), что значительно повысило эффективность освоения залежей углеродного топлива в КНР;
- партнерство крупнейших китайских операторов телекоммуникационных услуг в сфере развития связи пятого поколения 5G, что сэкономит им до 50 млрд долл. США;
- создание крупнейшей в мире судостроительной корпорации China Shipbuilding Group Corp. путем слияния двух судостроительных гигантов, контролирующую около 21% глобального судостроительного рынка;

— объединение трубопроводных мощностей нефтегазовых гигантов в единую компанию-оператора газо- и нефтепроводов протяженностью 90 тыс. км.

Поставленные задачи, требующие скоординированного, инновационного, экологичного, открытого развития, планируется в Китае обеспечить развертыванием Системы Социального Кредита (доверия) – SCS.

В рамках китайской традиции, доверие является синонимом гармонии между человеком, общиной и государством. Гармония же – это высший долг, цель и потребность китайца. Достигается гармония самосовершенствованием, соблюдением приличий и норм общества, выполнением ритуалов, предполагающих следование традиции.

Главную целевую функцию SCS Си Цзиньпин сформулировал еще в декабре 2016 г. на заседании Политбюро ЦК КПК: «Для борьбы с острой проблемой недостатка доверия нужно крепко взяться за создание системы оценки надежности, покрывающей все общество. Нужно совершенствовать как механизмы поощрения законопослушных и добросовестных граждан, так и механизмы наказания тех, кто нарушает закон и утратил доверие, чтобы человек просто не осмеливался, просто не мог потерять доверие»³.

Китайское слово «кредит» – xinyong – в основном означает способность не только выполнять свои финансовые и юридические обязательства, но также поддерживать честность и порядочность. В этом контексте более точное слово должно быть «достоверность».

В последние несколько десятилетий экономический рост Китая опередил его способность охранять рыночный порядок и создавать здоровую бизнес-среду. Серия громких скандалов о безопасности пищевых продуктов и лекарств всколыхнула всю

³ Большой брат 2.0. Как Китай строит цифровую диктатуру. <https://inosmi.ru/social/20170721/239872790.html> (дата обращения: 20.03.2020)

страну, и китайцам пришлось столкнуться с ловушками поддельных продуктов и мошенничеством с невыплатой заработной платы и нарушениями авторских прав.

SCS, таким образом, – это концепция и социально-управленческий механизм, основанный на огромном объеме информации, собранной различными государственными органами, финансовыми службами и правительствами различных уровней и призванный обеспечить руководство для предпринимательской деятельности и заполнить некоторые пробелы в регулировании в развивающейся рыночной экономике Китая⁴.

Сегодня SCS – важнейший контур партийно-государственного управления КНР, а программно-аппаратные решения в этой системе полностью соответствуют идеологии китайского менеджмента на современном историческом этапе. Первым шагом реализации этой системы является система индивидуального рейтингования рядовых китайцев. В ближайшей перспективе рейтинговаться будут не только китайцы как физические лица, но и компании как юридические лица, а затем и различного рода некоммерческие и управленческие структуры и организации, и их руководство.

Основными принципами создания и функционирования SCS, базирующейся на китайских традициях, больших данных и искусственном интеллекте, являются⁵:

- централизм (сверху вниз – подчиненность, анализ полученных данных, принятие ключевых решений; снизу вверх – данные);
- модульность (каждый элемент этой крупнейшей и наиболее сложной в мире системы мониторинга и воздействия на

⁴ The truths and myths about China's social credit system.
<https://news.cgtn.com/news/3d3d774e7751444f32457a6333566d54/index.html> (дата обращения: 8.02.2020)

⁵ Китайская система социального кредита: традиции и технологии.
http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_tradicii_i_tehnologii (дата обращения: 10.04.2020)

поведение представляет законченное целое, способное функционировать в одиночку);

- конкуренция (допускается инициатива способа решения поставленной задачи);
- единая платформа (единая программно-аппаратная база для возможности поэтапного подключения модулей);
- мягкие рейтинги (интегральные оценки гражданина в рамках шкального интервального оценивания);
- возможность тиражировать систему (предоставить помощь странам-друзьям Китая, прежде всего входящим в систему «Один пояс – один путь»).

Базисом системы является наличие у каждого китайца уникального пожизненного электронного идентификатора личности. До 2025 г. все население Китая будет их иметь. Менять данные идентификатора – прерогатива властей. Любые экономические, социальные и даже бытовые действия с 2021 г. будут осуществляться на его основе.

На базе электронного идентификатора личности разворачивается система SCS, предусматривающая пять типов показателей добропорядочности или искренности китайского гражданина (официальные, контрольные, сигнальные, ведомственная и локальная информация). В рейтинговой системе поощрений и наказаний присутствует сознательная асимметрия – «кнут» в ней сильнее «пряника», поскольку гармоничное поведение должно стать нормой.

Функционирование SCS связано с реальными последствиями для граждан как в финансовом, так и в социальном плане. Как отметил Си Цзиньпин: «Потерять доверие в одной области, будут повсюду сталкиваться с ограничениями». Серьезные правонарушители, попавшие в «черный список», могут даже негативно повлиять на репутацию членов их семей. До сих пор «черный список» касался, прежде всего, компаний, а не частных лиц.

В настоящее время небольшая часть населения Китая участвует в местных пилотных проектах под руководством

правительства примерно в 40 отдельных городах. Одним из таких городов является Ронгченг в провинции Шаньдун. Используя систему оценок от высокого уровня AAA до D, пилотная программа дает каждому из 740 000 жителей начальный рейтинг в 1000 баллов. Дополнительные баллы можно получить за поведение, которое считается просоциальным, например, пожертвования на благотворительность и волонтерство. Потерять баллы тоже можно – за плохое поведение, такое как нарушение правил дорожного движения.

Правительственные чиновники также оцениваются. Неназванный чиновник из местного кредитного бюро сказал *Guangming Daily*, что после пробного запуска 18 членов партии были понижены до уровня ниже В и в результате потеряли свои шансы на продвижение, а еще 129 членов партии были лишены возможности участвовать в выборах на должность чиновника местного уровня. По словам чиновника, на повышение могут претендовать только те, кто имеет оценку А и выше.

Но важно отметить, что пример Ронгченга является лишь локальным экспериментом, и то, как различные местные программы в сочетании с коммерческими данными будут влиять на центральную SCS, еще неизвестно⁶.

Ключевую роль в реализации программы играет Искусственный интеллект (ИИ), позволяющий оперативно рассчитать уровень и динамику социального доверия для миллионов и отслеживать тенденции, опасности и кризисы. Китай планирует истратить до 2030 г. как минимум 150 млрд долл., и еще 1,5 трлн долл. – на компьютеризацию важнейших государственных институтов, программ для превращения Китая не позднее 2025 г. в первое в мире государство, комплексно управляемое на основе больших данных.

⁶ The truths and myths about China's social credit system.
<https://news.cgtn.com/news/3d3d774e7751444f32457a6333566d54/index.html> (дата обращения: 8.02.2020)

Искусственный интеллект и 5G сети свяжут воедино нынешний обособленный китайский интернет с программно-управляемыми объектами. Это должно превратить к 2030 г. Китай в первое в мире полностью цифровое государство.

Следует отметить, что в Китае в стадии полноценного внедрения находится единая информационная общекитайская система персонального финансового скоринга под брендом Baihang Credit. Системой пользуются в настоящее время компании холдинга Alibaba, Национальная милиция и Министерство внешней торговли, а также Таможенная служба. По состоянию на конец 2018 г. финансовый рейтинг охватывал почти 600 млн китайцев. Он представляет собой комбинацию традиционного в мировой банковской системе рейтинга кредитоспособности клиента с компонентами оценки лояльности и поведения человека. Рейтинг вычисляет оценки в интервале между 350 и 950 баллами. Для вычисления используются пять групп показателей. Они включают⁷:

- кредитную историю в стандартном для всего мира виде;
- поведенческие тенденции, рассчитываемые на основе данных о приобретении товаров и услуг на платформе Alibaba или дочерних сайтах, соотношение между покупками с использованием безналичных расчетов, кэша, покупок в кредит, а также структуры предоплатных покупок и покупок по факту;
- данные о стабильном экономическом доходе (заработной плате, поступлений от ценных бумаг, аренды жилья и т.п.), а также оценку персональных активов;
- персональные данные в стандартном для мирового банковского дела виде, включающем имя, фамилию, место жительства, год рождения, семейное положение, место проживания и контактные данные;
- социально-поведенческий портрет человека. Формируется по данным из социальных сетей по 15 параметрам.

⁷ Китайская система социального кредита: традиции и технологии.
http://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_sistema_sotcial_nogo_kredita_tradicii_i_tehnologii
(дата обращения: 10.04.2020)

Удельный вес каждой из групп показателей, соответственно, равен 35%, 25%, 20%, 15% и 5%. В зависимости от набранных баллов участники холдинга Alibaba принимают решения о выдаче или не выдаче займов, заключения договоров с поставщиками или покупателями в торговой части и т.п.

Система SCS спорна, и, справедливо сказать, антигуманистична и антиутопична по своей сути. Совершенно противостоит представлять общество, как сумму рейтингов. Социальные отношения намного сложнее выдуманных кем-то показателей доверия, не говоря уже о том, что числовому измерению не поддаются основные добродетели. Заинтересованность финансовых структур в получении гарантий платежеспособности клиента и публичной администрации в обеспечении тотального контроля над населением не стоят утраты социальных норм общественной жизни. Это, однако, вопрос, заслуживающий отдельного рассмотрения.

Китайское руководство в ускоренном режиме разворачивает SCS не только, чтобы успешно решить задачи 13-й пятилетки. Детальный анализ партийных документов, выступлений Си Цзиньпина, статей приближенных к китайскому руководству исследователей наводят на мысль, что в Китае всерьез опасаются приближения нового смутного времени. Отчасти это связано с уроками истории. Ведь на протяжении двух тысячелетий китайской истории наблюдался один и тот же процесс: мощные единые империи после 300-400 лет блестящего существования ввергались в пучину восстаний, конфликтов, междоусобиц, что заканчивалось неминуемым распадом единого государства и хаосом на 200–300 лет. Кроме того, Китай очень внимательно изучил опыт СССР и хотел бы любой ценой избежать его повторения.

Китай провел в нескольких своих университетах работы по моделированию социально-экономической и политической динамики страны. В результате этого моделирования определено, что комбинация неблагоприятных, во многом независимых от управляющих воздействий руководства КНР, внешних и внутренних

факторов дестабилизации Китая достигнет своего максимума к 2023–2037 гг. Поэтому с большой вероятностью можно сказать, что ускоренное разворачивание SCS проводится и в надежде на опережающее купирование конфликтов, противоречий и очагов недовольства в китайском обществе, а при более жестком сценарии развития событий-на инструмент подавления инакомыслия, недовольства и протеста.

Так или иначе, реформирование социального порядка в Китае в том виде, каким мы его наблюдаем сейчас закономерно по своей сути. Логика происходящего была прекрасно сформулирована Т. Куном. Если экстраполировать выводы, сделанные им в «Структуре научных революций» применительно к проблеме влияния результатов научного технического прогресса на развитие социально-экономических систем, то мы увидим, что основная причина кроется в том, что мире в очередной раз накопилась критическая масса новых технологий и настало время для качественного прорыва, переходу к новой парадигме общественной жизни а вместе с ней и к... новой морали.

Думается, однако, что даже такие революционные решения, задающие, определенно, долгосрочные вектора социального развитие в жизни китайской нации не могут быть безальтернативными для остального мира. Конечно, руководство Китая с радостью поделится отдельными модулями SCS, а также упрощенными вариантами системы, но нужно помнить, что свой путь каждый выбирает сам.

§3.6. Финансовые системы Китая и Индии: особенности и проблемы развития

Одним из проявлений возросшей неравномерности экономического роста на современном этапе стало заметное усиление позиций развивающихся стран (РС) в мировой экономике. Увеличение веса и значения РС связано в первую очередь с успехами двух динамично растущих государств-гигантов – КНР и Индии¹. Достижение последними устойчивых и высоких темпов роста стало возможным, в том числе, благодаря политике, проводимой в области финансовой модернизации страны. Представляется интересным проанализировать уникальный опыт этих двух стран по развитию национальных финансовых систем в современных условиях.

Парадоксально, но КНР и Индия смогли стать лидерами «догоняющего» развития в условиях глобализации, не превращаясь в лидеров по «открытости» своих экономик. Эти две страны, активно используя внешние рынки, сохранили значительный контроль над рядом отраслей, и в первую очередь, над финансовой, по преимуществу банковской, отраслью. КНР² и Индии во многом благодаря осторожной политике в области внешней и внутренней либерализации финансовых рынков удавалось поддерживать достаточную макроэкономическую стабильность, аккумулировать дешевые финансовые ресурсы (значительные сбережения) в стране и направлять их на решение задач социально-экономического развития.

¹ Отмечается замедление темпов экономического роста в Китае с 2015 г., в Индии в 2019 г.

² КНР наименее открытая страна среди РС из Большой двадцатки в секторе услуг и ПИИ. Недавние изменения в негативном списке и новый закон об иностранных инвестициях – еще один шаг в направлении внешней либерализации финансовых рынков.

При сопоставимости потенциала внутреннего рынка, близкой модели финансового развития, высоких темпах роста двух экономик последние 10 лет абсолютные и относительные размеры финансовых систем удивительно разные³.

В настоящее время размеры финансовой системы КНР (активы банковской системы, капитализация рынков акций и облигаций) достигают 46–47 трлн долл., Индии – 6–7 трлн долл. Основные активы финансовых систем двух стран приходятся на банковский сектор. При этом банковский сектор Китая – крупнейший в мире, его активы составляют 30 трлн долл., это почти 27,4% активов глобальной банковской системы. Активы банков Индии, около 2 трлн долл. Рынок акций (7,3 трлн. долл.) и облигаций (9,3 трлн долл.) Китая занимают по капитализации соответственно второе (после США) и третье место (после США и Японии) в мире, хотя и с заметным отрывом от лидеров, капитализация рынка акций и облигаций Индии составляет, соответственно 2,2 трлн долл. и 1,6 трлн долл. Такой разрыв в абсолютных размерах финансовых систем двух стран заметно превышает разницу в объемах ВВП и доходах на душу населения двух стран⁴.

Размеры финансовых систем в сравнении с национальными экономиками, глубина финансовых систем, характери-

³ Конечно, к этим показателям надо относиться с учетом волатильности рынков ценных бумаг, влияния на них динамики валютного курса. Последний фактор особенно актуален для Индии. Например, самый высокий уровень глубины рынков акций в Индии отмечался в 2007 году 147% номинального ВВП, самый низкий в 2003 г. 45,9%. The new financial global capital markets growth index, January, 2019, W WRIGHT, P. Asimakopoulou

⁴ В 2019 году Индия: подушевой доход составил 2,03 тыс. долл., доля в мировом ВВП (ППС) 7,7%; КНР: подушевой доход 9,08 тыс. долл., вклад в мировой ВВП –18,6%. The Global Competitiveness Report 2019. Интересно отметить, что по версии The Global Competitiveness Report 2019, Индия по общей конкурентоспособности занимает 68 место из 141, по конкурентоспособности в области финансового развития 40 место из 141. Страна хорошо выглядит с точки зрения кредитования МСБ (23 место из 141, у Китая 34), доступности венчурного капитала, по капитализации рынков. У Китая место в мире по общей конкурентоспособности –28, по конкурентоспособности в области финансовой системы –29.

зующая степень насыщенности экономики финансовыми ресурсами/потоками, тоже различны, но в меньшей степени: глубина финансовой системы Китая составляет 430%–440% ВВП, Индии – 220%–230% ВВП. Однако надо учесть, что заметная разница в глубине финансовых систем формируется за счет относительных размеров банковских систем (300% ВВП КНР и 86% ВВП Индии), глубина рынков акций и облигаций в последние годы вполне сопоставима: для рынков акций КНР 50% ВВП, для Индии – 87%; глубина, соответственно, рынков облигаций 95% ВВП и 60% ВВП.

Если обратиться к мировому рейтингу рынков капитала (без банков), составленному на основе анализа состояния и динамики развития 25 сегментов рынков капиталов в 60 странах, то по абсолютным размерам рынков КНР находится на втором месте в мире, Индия, будучи шестой экономикой в мире, занимает 9 место. По глубине рынков капитала, соответственно, Китай на 13, а Индия – на 28 месте. Приведенные данные показывают, что между размерами экономики и параметрами финансовой системы существует явная связь, она не всегда линейная. Например, в указанном рейтинге по глубине финансовых рынков Индия находится на одну позицию выше Германии, хотя уступает последней по размеру экономики и существенно по подушевому доходу. На глубину рынков заметное влияние может оказывать неравномерность развития разных сегментов рынков. Рейтинг Индии по глубине мог бы быть заметно ниже, если бы не активный рынок венчурного капитала, высокая активность рынков первичного размещения капиталов⁵. При столь значимых расхождениях в абсолютных и относительных (к ВВП своих стран) размерах финансовые системы имеют немало общих структурных черт.

⁵ Схожая ситуация сложилась у Израиля. Израиль, находясь на 25 месте в мире по объему своих рынков капитала, по их глубине находится на 10 месте (85% ВВП) исключительно благодаря развитому рынку венчурного капитал, без него глубина рынков составила бы не более 57% ВВП, и страна не поднялась бы выше 20-21 места в мире. W. Wright, P. Asimakopoulous. The new financial global capital markets growth index, January, 2019,

Финансовая система Китая и Индии находятся в состоянии постоянного реформирования в направлении диверсификации, децентрализации, большей открытости, но при этом на сегодняшний день сохраняются их ключевые особенности: государственный контроль⁶ и доминирование банков, функционирующих в достаточно изолированной и защищенной от внешней среды финансовой системе. В Индии на государственные банки приходится до 60% активов банковской системы. В Китае государство сохраняет позиции крупного акционера не только в крупнейших политических коммерческих банках, но и через городские и провинциальные органы власти, имеющие крупные пакеты акций в средних и маленьких банках. Таким образом, государство имеет достаточный контроль над крупнейшими кредиторами и заемщиками, что определяет не вполне рыночные отношения между ними.

В Китае и Индии на банки приходится, соответственно, 75% и 61% активов финансовой системы, при этом за рассматриваемый период глубина банковских систем выросла, а их относительное значение внутри финансовой системы снизилось (см. табл. III-6.1). Это свидетельствует о диверсификации структуры финансовой системы и возрастании в ней роли небанковских финансовых посредников. Структура балансов банков в обеих странах в последние десятилетия заметно усложнилась, но банки в целом сохраняют черты традиционной для коммерческих банков бизнес-модели: около 61% активов в обеих странах приходится на кредиты, а основная ресурсная база формируется за счет депозитов 69%.

Роль банков в финансировании экономики по-прежнему весьма существенна, но несколько сокращается: в настоящее

⁶ В КНР, например, только в 2015 году были отменены нижние и верхние границы ставок соответственно по кредитам и депозитам, но НБК продолжает публиковать эталонные ставки, банки должны их учитывать в своей работе. До последнего времени эмиссия акций, финансовых облигаций требует одобрения соответствующих государственных органов регулирования до прохождения регистрации на бирже.

время в Китае они обеспечиваю от 60% до 70% совокупного общественного финансирования экономики⁷, в Индии до 80%.

Таблица III-6.1. Показатели развития банковских систем Индии и КНР (2002-2016), %

Год	Глубина банковской системы (% от ВВП)	Активы банков в активах финансовой системы (%)	Активы 5 крупнейших банков в активах банковской системы (%)	Плохие долги в общем объеме кредитов (%)	Коэффициент достаточности капитала (регулятивный) (%)	Рентабельность капитала (%)	Рентабельность активов (%)	Чистый процентный доход (%)
<i>Китай</i>								
2002	177	93	57 (2004)	1,3 (2004)	12,3 (2010)	19,5	0,6	2,7
2016	304	75	37	1,7	13,3	16,0	1,0	2,4
<i>Индия</i>								
2002	63	76	43	11,0	6,2	15,8	0,8	3,6
2016	86	61	36	7,8	13,3	6,3	0,5	3,2

Источник: составлено по: «Structural changes in banking after the crisis». BIS, Committee on the Global Financial System. January 2018.

Примечание: Данные по рентабельности капитала и рентабельности активов соответственно за 2005-2006 гг. и 2015-2016 гг., по чистому процентному доходу за 2011-2012 и 2015-2016 гг.

⁷ Развитие в стране теневой банковской деятельности, финтеха привело к тому, что, кредиты банков перестали быть хорошим индикатором динамики М2, НБК ввел более широкое понятие, характеризующее объемы кредитования экономики – совокупное общественное финансирование экономики. Совокупное общественное финансирование учитывает, как балансовые (кредиты в ренминби финансовых институтов, кредиты в иностранной валюте, финансирование в форме акций и облигаций), так и внебалансовые операции.

В КНР на 100 тыс. населения -296 человек, занятых в банковском секторе, в Индии -98. Количество банков в КНР сократилось за 2002 -2016 гг. с 88,150 до 4,398; в Индии с 97 до 93; количество банков на 100 тыс. человек КНР 0,32; в Индии 0,01.

Надо отметить, что в силу структурных особенностей экономики у индийских банков возможности и масштабы финансового посредничества намного меньше, чем у китайских банков: в Индии объемы банковского кредитования составляют около 74,8% ВВП, в Китае – 169%. (банковские кредиты/ВВП).

Деятельность банков в двух странах прежде всего подчинена решению важнейших социально-экономических задач, процесс кредитования в значительной степени определяется государством через использование различных форм регулирования⁸, хотя постепенно происходит дерегулирование сектора банковских услуг. В Китае это проявляется в возрастающей активности средних и малых провинциальных и сельских банков. В 2018 г., например, доля четырех крупнейших государственных коммерческих банков (Большой четверки) в активах всех банков снизилась до 40%. В Индии происходит расширение позиций частных банков.

Банковские системы двух стран остаются достаточно закрытыми: в Китае доля кредитов и депозитов в иностранной валюте минимальна, открытая валютная позиция банков не превышает 3% капитала банков. Позиции иностранных банков не значительны (1,4% активов банковской системы), в Индии – 6,9%. (см. табл. III-6.1)

Общая особенность финансовой системы, доминирование банков, сочетается с разными структурными особенностями рынков. Если в Индии основной рынок капиталов – это рынок акций, то в КНР – рынок долговых бумаг. При этом в Китае больше развит рынок корпоративных облигаций, а в Индии – рынок государственных долговых бумаг. Интересно отметить предпочтения иностранных инвесторов, доступ которым во все сегменты

⁸ В Индии до недавнего времени это было требование к банкам до 40% кредитов предоставлять в приоритетные отрасли, до 21,5% ликвидности вкладывать в государственные бумаги и др. В Китае отмена регулирования процентных ставок сопровождалась введением требования поддерживать соотношение кредиты/депозиты на уровне 75%. В последнее время в обеих странах происходит смягчение государственного регулирования банковской системы.

финансовой системы обеих стран был значительно ограничен до последнего времени: если основная доля китайских облигаций на руках нерезидентов представлена государственными облигациями, то в Индии – корпоративными долговыми бумагами. Это может отражать не только разные уровни доходности по инструментам, но и уровень доверия к разным классам бумаг в рассматриваемых странах.

Рынки акций и облигаций быстро развиваются, активны, растет разнообразие участников и инструментов на них, повышается уровень их открытости⁹. Однако, роль рынков ценных бумаг в финансировании экономик двух стран пока не сопоставима с ролью банковского сектора. Первые в Китае, например, обеспечивают около 15%–18% совокупного общественного финансирования, тогда как банки, как отмечалось, около 70%. Это во многом связано с особенностями регулирования рынков в стране. Рынки капиталов достаточно сегментированы, квоты на проведение IPO, эмиссию облигаций определяет Комиссия по регулированию ценных бумаг (CSRC), НБК в соответствии с планами развития, преимущества, конечно, имеют госпредприятия. Доля не торгуемых акций компаний постоянно снижается, но и сейчас на них приходится до 30% акций, зарегистрированных на биржах. Частные фирмы получили доступ к рынку совсем не давно. Доходность акций, несмотря на достаточные темпы экономического роста, не оправдывает ожиданий инвесторов, на рынке преобладают различные инвесторы¹⁰, демонстрирующие активный спекулятивный интерес. Этим, наверное, можно объяснить удивительно высокий оборот торгов на рынке акций, часто выше 100%, и его значительную волатильность. Глубина рынка (капитализация рынка/ВВП) акций типа А и В после 2015 г. снизилась с 77,5% до 48,3% в 2018 г.

⁹ В 2018 г. было принято решение включить некоторые акции типа А и гособлигации в ренминби, облигации политических банков в глобальные индексы рынков капитала (MSCI equity indices и Bloomberg Barclays Global Aggregate Index)

¹⁰ Банкам запрещено напрямую торговать на рынках акций.

Рынок облигаций (капитализация 95% ВВП), представленный доминирующим внебиржевым межбанковским рынком и двумя биржами, играет все более значимую роль в финансировании экономики (до 15% общего финансирования), в макроэкономическом регулировании, в развитии денежного рынка страны. До последнего времени на рынках акций и облигаций крайне редко отмечались случаи дефолта и делистинга.

Страховые компании и пенсионные фонды КНР находятся в процессе своего становления и развития. В Индии страховой сегмент относительно более развит.

В отличие от Китая в Индии крупнейшим сегментом рынков капитала является рынок акций, хотя в последние 3–4 года отмечается и быстрый рост рынков облигаций. За период с 2010 по 2019 гг. капитализация рынка акций выросла с 1,36 трлн долл. до 2,2 трлн долл. Рынок достаточно чувствителен к изменениям внешних и внутренних факторов: самый высокий уровень капитализации отмечался в 2007 г. (147% ВВП), самый низкий в 45,9% ВВП в 2003 г. В последние годы глубина рынка держится на уровне 87–89% ВВП.

Капитализация рынка облигаций составила в 2019 г. 1,6 трлн долл. Рынок представлен в основном активным первичным рынком государственных бумаг, вторичный рынок государственных облигаций отличается низкой ликвидностью. Это затрудняет процесс формирования кривой доходности в стране, что может серьезно ограничивать развитие рынков капитала. Капитализация рынка корпоративных облигаций составляет около 450 млрд долл., эта часть рынка долговых бумаг Индии развивается достаточно интенсивно: средние темпы роста в последние 4 года 13,5%. Основная часть корпоративных облигаций предлагается рынку в форме частных размещений компаниями с высоким кредитным рейтингом (у 79% компаний рейтинг А и выше). Росту рынка корпоративных облигаций способствует диверсификация структуры финансовой системы, что обеспечивает дополнительный спрос на облигации со стороны небанковских финансовых

посредников. Немаловажную роль сыграл и тот факт, что стране удалось взять инфляцию под контроль, возможно, в этом сыграл определенную роль и решение РБК о переходе на политику таргетирования инфляции в 2016 г.

Доминирование банков в финансовой системе при их активном регулировании со стороны государства приводят к формированию ряда общих проблем в функционировании финансового сектора и Индии, и Китая. Одной из них является хроническая склонность банков накапливать значительные объемы плохих долгов, особенно в периоды активной/стимулирующей экономической развитие политики государства¹¹. Указанная проблема отражает как особенности функционирования банков, так и степень компромисса, на который идут власти в поиске баланса между задачей стимулирования экономики и рисками потери финансовой стабильности. Чрезмерная уверенность банков в явных и неявных гарантиях государства при обязательствах поддерживать целевое кредитование ведет к низкому уровню корпоративного управления, слабому учету рисков, в конечном счете к потере кредитоспособности банками и к огромным вливаниям финансовых ресурсов со стороны государства.

Другой проблемой, связанной с вышеуказанными особенностями финансирования экономик, стало формирование значительного неудовлетворенного спроса на финансовые ресурсы со стороны отраслей и компаний, не входящих в число приоритетных

¹¹ В Китае очередное обострение проблемы плохих долгов произошло в 2014 г. По данным Китайской комиссии по регулированию банков и рынка страхования (CBIRC), во второй половине 2019 г. общий объем плохих долгов банковской системы (материк. часть Китая) составил 2,2 трлн ренминби (316 млрд долл.). По банковской системе в целом уровень плохих долгов оценивается в 1,9%, по региональным и маленьким банкам в 15% и более. В Индии доля плохих долгов (вместе с реструктурированными кредитами) у госбанков за 2015–2018 гг. выросла с 12% до 16%. Напомним, что уровень плохих долгов в 2% от выданных кредитов рассматривается как требующий повышенного внимания. Проблема стала смягчаться только в начале 2019 г. Уровень плохих долгов у частных банков был гораздо ниже: 4%–5%, а в среднем по всей банковской системе в 2018 г. составил 12%.

направлений государственного развития. В связи с этим возникает вопрос об эффективности распределения ресурсов в экономике, а также необходимости развития других форм кредитования, помимо банковской.

В Китае и Индии важный вклад в развитие стран вносит средний и малый бизнес (СМБ). В Индии – это ИТ – компании, компании по развитию услуг. В КНР частные компании, особенно СМБ¹², средние и малые банки, представляющие так называемую гибридную экономику и являющиеся важнейшей силой экономического развития, имеют ограниченный доступ к ресурсам официальной финансовой системы. Привлечение кредитов для них затруднительно и происходит при более высоком уровне издержек по сравнению с государственными предприятиями. До 75% банковских кредитов получают государственные предприятия. При этом, по оценкам многих экспертов, производительность частных фирм в среднем в 2 раза выше, чем общая и отраслевая производительность госпредприятий. Стимулирующая экономический рост политика КНР после 2009 г., низкие процентные ставки, огромный спрос на финансовые ресурсы и ограниченность доступа частного сектора к ресурсам официальной кредитной системы создало почву для развития теневого банкинга (ТБ), который за очень короткое время превратился во второй после банков источник финансирования экономики КНР¹³. По сути развитие ТБ свидетельствует о диверсификации финансовой системы, растущем разнообразии ее участников, о формировании конкурирующего с банковским механизма финансирования экономики, основанного на привлечение ресурсов во многом с рынков капитала¹⁴.

¹² СМБ обеспечивает до 60% ВВП и 70% занятости.

¹³ В 2018 году, по данным Блумберг, со ссылкой на НБК, 69,5% общественного финансирования обеспечено традиционными кредитами, 3,8% - акциями, 11% облигациями, 15,7% теневым банкингом.

¹⁴ Активы теневого банкинга Китая в широком измерении в 2017 г. оценивались в 11,8 трлн долл., в узком измерении в 8,2 трлн долл. Участники ТБ – банки (внебалансовые операции) и небанковские финансовые посредники (трасты, инвестиционные компании, фонды денежных рынков и др.), которые предоставляют

Одновременно, эта составляющая финансовой системы, находясь за периметром регулирования Центрального банка страны, создает и значительные риски стабильности для всей финансовой системы.

Взаимодействие банков и небанковских финансовых посредников и риски, при этом возникающие в условиях по преимуществу банковской системы с сильным государственным контролем, можно проиллюстрировать недавними событиями в Индии¹⁵. В Индии действуют около 10 тыс. НФК, но их основные активы принадлежат 300 системно значимым НФК (активы больше 100 млн долл.). НФК предоставляют кредиты для крупных объектов инфраструктуры, приобретения коммерческой недвижимости, коммерческого транспорта, оборудования. Средства для своей деятельности НФК привлекают у банков и на оптовых рынках. В последние 5 лет кредитование НФК росло в среднем на 20% в год, в результате доля этих посредников в кредитовании экономики поднялась в 2017 г. до 15% (в начале 2000-х гг. 10%). Такой активности НФК способствовало несколько факторов. Во-первых, резкое ухудшение состояния государственных банков, столкнувшихся с внушительным объемом просроченных кредитов, накопленных в процессе активного финансирования долгосрочных инфраструктурных проектов, начиная с середины 2000-х гг. Банки, вынужденные приводить свои балансы в порядок, повышать обеспечение под накопленные плохие долги, резко сократили кредитование¹⁶.

услуги кредитования по типу банковского, но при этом не регулируются ЦБ и не могут рассчитывать на его поддержку в случае кризиса.

¹⁵ В Индии не используется термин теневая банковская деятельность. Небанковские финансовые посредники, в том числе те из них, которые используют в своей деятельности трансформацию сроков и ликвидности, отнесены к категории небанковских финансовых компаний (НФК). RBI регулирует и банки, и НФК, но режимы регулирования разные. Активы небанковских финансовых посредников составляют около 20% активов финансовой системы.

¹⁶ Спасение банков потребовало вливания значительных средств в систему: 1,8 трлн рупий в 2015 г., 2,1 трлн рупий в 2017 и еще 400 млрд рупий в 2018 г.

Во-вторых, в 2016 г. правительство Индии провело деноминацию и тем самым стимулировало приток ликвидности в официальную финансовую систему, в том числе во взаимные фонды, которые стали активно вкладывать средства в краткосрочные облигации и коммерческие бумаги. В этих условиях краткосрочная ставка снизилась. НФК смогли размещать свои краткосрочные обязательства на рынке, расширять оптовое заимствование и кредитование, в том числе сложных и долгосрочных проектов, которое раньше больше возлагалось на банки. Привлечение краткосрочных ресурсов на рынке капитала, у банков под более долгосрочные кредиты всегда связано с рисками. В 2018 г. несколько крупных НФК объявили дефолты по банковским кредитам и краткосрочным облигациям. Долг на момент дефолта одной из крупнейших НФК, Infrastructure Leasing & Financial Services (IL&FS), имеющий высокий рейтинг, совладельцами которой выступали крупные индийские банки, известные иностранные институциональные и корпоративные инвесторы, составлял почти 20 млрд долл. Обязательства по облигациям компании составляли почти 3% капитализации всего рынка корпоративных облигаций страны. Это событие изменило настроение рынков в отношении всех НФК, акции НФК на биржах потеряли до 20% стоимости, произошел отток средств из взаимных фондов, объемы эмиссии коммерческих векселей сократились. Очевидно, что такая ситуация с учетом взаимных обязательств между банковским сектором и НФК создавала риски стабильности всей финансовой системы. РБИ, не имея по закону права напрямую предоставлять ресурсы НФК, прибег к косвенным способам предоставления ликвидности рынкам, стал поощрять банки поддерживать НФК, разрешил банкам выдавать частичные гарантии по обязательствам НФК при выпуске последними облигаций для привлечения ресурсов, необходимых для выхода из сложившейся ситуации.

Власти Китая, в котором теневой банкинг рассматривается как кредитная деятельность, направленная на смягчение или обход требований регулирования, прибегли к более жестким мерам, добившись резкого сокращения объемов теневых операций.

Их объем только за один 2018 год сократился почти на 1 трлн долл., до 59-60 трлн юаней. Однако, это привело не только к снижению долговой нагрузки в экономике, замедлению темпов кредитования, но и заметно ограничило доступ компаниям гибридной экономики, что не могло не сказаться на темпах экономического роста.

Опыт Китая и Индии показывает, что выбранные ими модели финансового развития в основе своей были весьма схожи и во многом способствовали существенным экономическим достижениям двух стран.

Близость базовых характеристик модели финансового развития обусловили общий характер проблем, возникающих в функционировании финансовых систем. Однако, при этом сами финансовые системы Китая и Индии заметно отличаются по своим абсолютным и относительным размерам, по структурным особенностям рынков капитала, отражая макроэкономические и институциональные особенности развития своих стран.

Динамика развития национальных и мировой экономики заставляет страны пересматривать модели экономического развития. Китай заявляет о переходе к «новому нормальному росту» на основе инклюзивности, инноваций, стимулирования развития зеленой экономики. По заявлениям премьеры Индии Н. Моди, в стране существует консенсус о необходимости отказаться от преимущественно сервисной ориентации экономики и развивать в стране промышленный комплекс с высокой долей экспортной продукции, ускорить развитие инфраструктуры.

Финансовые рынки могут сыграть важную роль в обеспечении экономик двух стран ресурсами в условиях перехода на новые модели развития, а для этого потребуется пересматривать и модель финансового развития.

Определенные шаги в этом направлении уже предпринимаются в обеих странах. Важнейшими из них стало стимулирование развития рыночных механизмов в работе финансовой системы, повышение роли рынков в распределении экономических ресурсов, стремление уйти от доминирования банковского кредитования. Большое внимание уделяется внедрению финансовых

технологий в работу рынков для расширения спектра доступных финансовых услуг и повышения их эффективности. Дальнейшее развитие финансовых рынков потребует их большей открытости. Интересно отметить, что и Индия, и Китай, оставаясь все-таки по-прежнему достаточно закрытыми для потоков международного капитала в сравнении с другими государствами, имеющими такие же внушительные размеры финансовых систем, проявляют высокую активность на только формирующихся рынках зеленых облигаций, облигаций устойчивого роста, расширяют трансграничную активность своих банков, финансовых компаний. Возможно, рынки капитала КНР и Индии переживают поворотный момент в своем развитии, вбирая в себя лучшие практики мирового рынка. Вместе с тем, думается, что базовые механизмы функционирования рынков в двух странах будут меняться постепенно, с учетом потребностей эволюционирующих экономик.

§3.7. Сельское хозяйство Китая – слабое звено в инновационной модели развития

Болезненными точками бытия сельского хозяйства Китая в современный период является то, что оно представляет собой слабое звено в развитии постиндустриальных производительных сил в стране. Сельское хозяйство Китая отличается дихотомией в структуре параметров производства

С одной стороны, за период 2000–2018 гг. Китай совершил не просто количественный, а качественный скачок в объемах сельскохозяйственного производства. Темпы прироста валовой добавленной стоимости (ВДС) сельского хозяйства в Китае с начала XXI в. составляли в среднем 4,1% в год (см. рис. III-7.1). Страна является основным производителем сельскохозяйственной продукции в Восточной Азии, причем ее удельный вес во всей аграрной продукции региона увеличился с 75% в 2000 г. до 93% в 2018 г., а доля Китая в мировой сельскохозяйственной продукции возросла за этот период с 22% до 34%¹. Знаменательно при этом, что удельный вес населения Китая в численности населения Земли упал с 20% (2000) до 18% (2018)².

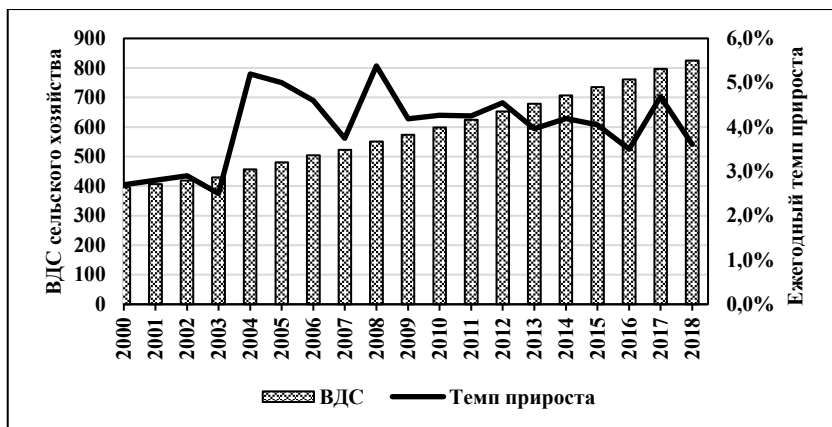
Наступление китайского аграрного комплекса на мировую экономику шло практически по всем направлениям. В стране в 2018 г. производилось 28% мирового объема риса, 19% – пшеницы, 21% – кукурузы. Китай стал ведущим мировым производителем мяса, удерживая первое место в мире по производству свинины, второе – по производству бройлеров. Ежегодный темп прироста производства мяса в Китае в означенный период равнялся 5,7%. Совершенно особое место занимает Китай в мировом вылове рыбы и производстве аквакультуры. Страна является мировым лидером (с большим отрывом от других стран) как по вылову рыбы,

¹ <http://www.fao.org/faostat/en/#home> (03.07.2020)

² UNCTADSTAD <http://unctadstat.unctad.org> (04.07.2020)

так и по разведению аквакультуры. Приоритет отдается производству аквакультуры, на которую в 2018 г. приходилось почти три четверти всей продукции национальной рыбной отрасли. В Китае сосредоточено свыше 70% мирового производства аквакультуры³.

Рисунок III-7.1. ВДС сельского хозяйства (млрд долл., цены 2010);
Ежегодный темп прироста ВДС сельского хозяйства (%)

Источник: UNCTADSTAD <http://unctadstat.unctad.org> (04.07.2020)

С другой стороны, избыточный труд, сохраняющийся в агросфере, создает огромные дисбалансы в экономической эффективности сельскохозяйственного производства. В частности, аграрное перенаселение приводит низкой капиталовооруженности (фондовооруженности) и, как следствие, низкой производительности труда, что позволяет поддерживать конкурентоспособность только за счет низкой цены рабочей силы. В то же время инновационная модель экономического роста, на которую в перспективе претендует Китай, основана на внедрении наукоемких (информационных на современном этапе) технологий во все сферы

³ FAO. 2020. The State of World Fisheries and Aquaculture 2020. Sustainability in action. Rome. С. 33.

экономики и общественной жизни. Этот путь требует резкого увеличения инвестиций в народное хозяйство страны, в том числе в агросферу, которые, как мы увидим ниже, остаются на очень низком уровне. Низкая производительность труда также не позволит сельскому хозяйству Китая получить конкурентное преимущество в мировом агропромышленном комплексе.

Диспропорции в развитии сельского хозяйства обусловлены землесберегающим технологическим способом производства (ТСП)⁴, который описан в §1.3 настоящей коллективной монографии. Внутри группы стран, сельское хозяйство которых развивается по законам данного ТСП, обозначенная дихотомия в структуре параметров аграрного производства отнюдь не является чем-то неправильным, и начинает проявляться только при сравнении (конкуренции) с высокоразвитыми странами Запада, в сельском хозяйстве которых сложился трудосберегающий ТСП. При этом Китай является классическим представителем группы стран землесберегающего ТСП.

В целом успехи сельского хозяйства Китая в начале XXI в. можно соотнести с новым этапом аграрной реформы. В цикле аграрных реформ Китая, начатых в 1978 г. введением подворного (семейного) подряда, выделяются два периода – с 1992 по 2008 гг. и с 2008 г. по настоящее время, когда были ослаблены обязательные требования подворного подряда и осуществлен переход к рыночным отношениям, или к «социалистической рыночной экономике»⁵.

За период 2000–2018 гг. ВДС сельского хозяйства возросла более чем в два раза (в сопоставимых ценах 2010 г.) – с 395,8 млрд долл. до 825,4 млрд долл. (см. табл. III-7.1). Одновременно были увеличены инвестиции в сельское хозяйство с 9% от

⁴ Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М.: ИВ РАН. 2017.

⁵ Бони Л.А. Китайская деревня на пути к рынку. М.: ИДВ РАН. 2005. С. 160.

ВДС сельского хозяйства в 2000 г. до 22% – в 2018 г.⁶ В то же время, несмотря на рост абсолютной величины инвестиций в сельское хозяйство, их удельный вес в валовых инвестициях в народное хозяйство страны практически не изменялся и оставался на чрезвычайно низком уровне – по оценкам ФАО показатель составлял 1,35% в 2000 г. и 1,47% в 2018 г.⁷ Даже увеличиваясь высокими темпами, инвестиции в сельское хозяйство были практически не сравнимы с инвестициями в промышленность и сектор услуг (см. табл. III-7.1)⁸

Таблица III-7.1. Основные показатели экономического роста в сельском хозяйстве Китая

	2000	2010	2016	2018
ВДС сельского хозяйства, млрд долл. (цены 2010 г.)	395,8	598,6	761,1	825,4
Доля сельского хозяйства в структуре ВВП, %	14,9	9,8	8,6	7,6
Доля сельского населения, %	65	61	45	42
Объем инвестиций в сельское хозяйство, млрд долл. (цены 2010 г.)	28,8	93,4	160,5	172,7
Доля инвестиций в сельское хозяйство от ВДС сельского хозяйства, %	9	18	23	22
Удельный вес инвестиций в сельское хозяйство от валовых инвестиций, %	1,35	1,83	1,45	1,47
Пахотная площадь, млн га	130,0	122,5	135,6	135,7
Валовые сборы зерновых, млн т	405,2	496,3	547,8	540,9
Урожайность зерновых, 100 кг/га	47,5	55,2	59,8	60,8
Производство мяса, млн т	62,0	80,9	86,8	88,2
Производство аквакультуры, млн т	24,5	36,7	49,2	52,3
Производство овощей, млн т	300,8	459,8	543,0	551,6
Производство фруктов, млн т	125,7	198,9	236,0	243,6

Источник: FAOSTAT www.fao.org/faostat/en/ (05.07.2020); UNCTADSTAD <http://unctadstat.unctad.org> (05.07.2020)

⁶ <http://www.fao.org/faostat/en/#data/CS> (07.07.2020)

⁷ <http://www.fao.org/faostat/en/#data/CISP> (05.07.2020)

⁸ Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики: курс лекций. М. 2010. С.460.

В 2018 г. вклад сельского хозяйства в формирование национального ВВП составил 7,6% (см. табл. III-7.1), однако в структуре занятости населения аграрная сфера занимала значительное более масштабное место. Определить численность населения, занятого в аграрной отрасли, достаточно трудно, так как часть сельского населения работает в несельскохозяйственной сфере, а часть населения в пригородах, по статистике приписанного к городскому, трудится в аграрной сфере. Так как в официальной статистике фиксируется, что доля сельского населения составляет 42%, можно предположить, что в сельскохозяйственном производстве занято не менее 40% всего населения страны⁹. По официальной статистике доля сельского хозяйства в занятости всех трудящихся в 2018 г. составляла 30%¹⁰.

Системообразующим фактором формирования различных ТСП (землесберегающего и трудосберегающего) выступает соотношение факторов производства труд/земля, а точнее – сельскохозяйственной площади и численности сельского населения, ведущего на ней хозяйство. В среднем по стране аграрные хозяйства, размер которых менее одного гектара, составляют 93%¹¹. В Китае в 2018 г. затрачивался труд 324 сельскохозяйственных работников для обработки 100 гектаров площади (см. табл. III-7.2). Это – самый высокий показатель в мире, при этом в классических странах трудосберегающего ТСП 100 гектаров обрабатывают 1–5 человек. Деструктивное влияние аграрного перенаселения в современных условиях проявляется в увеличении скрытой безработицы, сокращении доходов и жизненного уровня крестьян и в трудности (или

⁹ В то же время В.Г. Гельбрас в конце 2000-х гг. оценивал долю сельского населения не менее 60%. См. Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной Республики: курс лекций. М. 2010. С.462.

¹⁰ BRICS Joint Statistical Publication 2018 / Statistics South Africa. Pretoria: Statistics South Africa, 2018. С. 37.

¹¹ Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М.: ИВ РАН. 2017. С. 90-115.

невозможности) использования новейших сельскохозяйственных технологий¹².

Проанализируем особенности экономического роста и ресурсный потенциал в сельском хозяйстве Китая. Среди стран Восточной Азии изменение структуры сельскохозяйственной продукции в Китае происходит наиболее быстро. С 2000 по 2018 гг. доля растениеводства упала с 72 до 64%, соответственно, доля животноводства поднялась с 28 до 36%. Уже один этот факт свидетельствует о глубокой перестройке аграрного производства и влиянии новых стандартов потребления.

Величина пахотной площади в Китае в период 2000–2018 гг., снизившись в 2010 г., к 2016 г. восстановила свои размеры (см. табл. III-7.1). С начала XXI в. размер орошаемой площади в Китае увеличился на треть (до 67,9 млн га в 2018 г.), причем существенно выросла ее доля в пахотной площади – до 50%¹³. В том, что касается посевных площадей, то в Китае наблюдался их умеренный рост, в основном за счет посевов овощей и кукурузы. Общая площадь под зерновыми культурами увеличилась за период 2000–2018 гг. с 85,3 млн га до 100,7 млн га, при этом посевы риса остались на неизменном уровне – 30,4 млн га, посевы пшеницы упали с 26,7 млн га до 24,2 млн га, а посевы кукурузы поднялись с 23,1 млн га до 42,2 млн га, превысив даже посевы риса. Также возросла посевная площадь под овощами – с 15,8 млн га до 24,2 млн га¹⁴.

В структуре водопользования Китая 65% приходится на сельское хозяйство, причем 79% воды обеспечивается поверхностными стоками, а 21% – подземными водами. В сельском хозяйстве Китая применяются различные методы орошения: 93% орошается

¹² Китай в мировой экономике и международном бизнесе. Коллективная монография / Отв.ред. Р.И. Хасбулатов, С.В. Иванова. ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова». 2019. С.32.

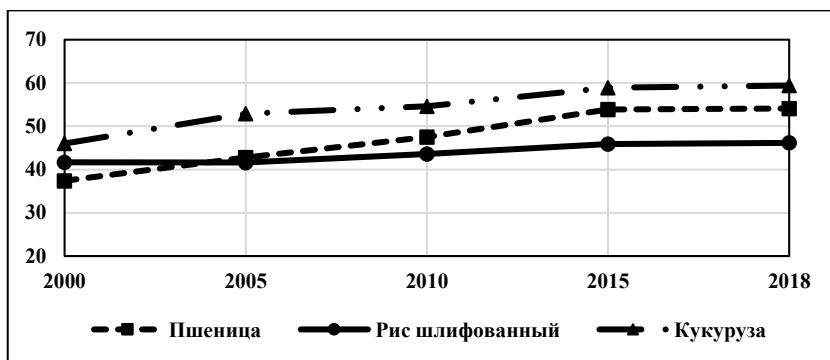
¹³ <http://www.fao.org/faostat/en/#data/RL>

¹⁴ FAOSTAT // www.fao.org/faostat/en/

поверхностными системами ирригации, а 7% посредством капельного и брызгающего полива¹⁵.

В аграрном секторе Китая применяется самое большое в мире количество минеральных удобрений в расчете на гектар, так, в 2010 г. их количество составляло 485 кг/га в действующем веществе, но к 2018 г. в связи с усилением внимания правительства к экологической обстановке показатель сократился до 442 кг/га. Такое высокое применение минеральных удобрений позволило добиться практически самой высокой среди стран Азии урожайности зерновых (см. табл. III-7.1). Так, урожайность риса (шлифованного) за 2000–2018 гг. возросла с 41,7 ц/га до 46,2 ц/га, пшеницы с 42,7 ц/га до 54,1 ц/га, кукурузы – с 46,0 ц/га до 59,4 ц/га (см. рис. III-7.2).

Рисунок III-7.2. Урожайность зерновых культур в Китае, 100 кг/га

Источник: FAOSTAT <http://www.fao.org/faostat/en/#data/OA> (05.07.2020)

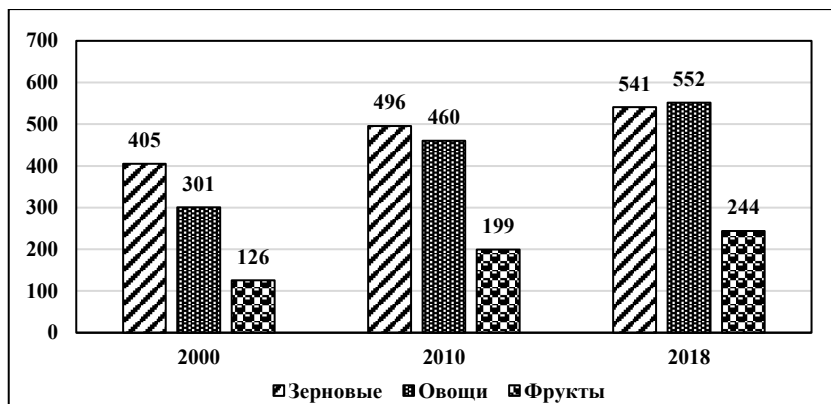
За период 2000–2018 гг. производство зерновых культур в Китае увеличилось на 35% (с 405,2 до 540,9 млн т) (см. рис. III- 7.3). При этом на 11% выросли сборы риса, на 32% – пшеницы, и в 2,2 раза – производство кукурузы. В настоящее время в структуре производства зерновых преобладает кукуруза – на ее

¹⁵ FAOSTAT // www.fao.org/faostat/en/

долю приходится 40%, на рис – 36%, а на пшеницу – 23% от валовых сборов зерновых культур. В значительно большей степени, чем сборы зерновых культур в Китае за означенный период увеличилось производство овощей – с 300,8 до 551,6 млн тонн, т.е. почти в два раза (см. рис. III-7.3 и табл. III-7.1).

Производство мяса за период 2000–2018 гг. возросло на 42%, рыбы и продукции аквакультуры – в 2,1 раза (см. табл. III- 7.1). Для такого роста продукции животноводства необходимо значительное увеличение производства кормов. С одной стороны, в Китае поднялось производство кукурузы, но, помимо этого, он стал ведущим импортером сои на мировом рынке (преимущественно из Бразилии и России). В 2018 г. на Китай приходилось свыше 60% мирового импорта сои¹⁶.

Рисунок III-7.3. Валовой сбор зерновых культур, овощей и фруктов в Китае, млн т

Источник: FAOSTAT www.fao.org/faostat/en/ (

Хотелось бы отметить такой факт, как усиление зависимости Китая от импорта кормов и частично зерна. За период

¹⁶ Растяникова Е.В. БРИКС: первичный сектор экономики в мировом хозяйстве в начале XXI века М. 2016. С. 258.

2000–2019 гг. импорт Китаем сои вырос с 12,8 млн тонн. до 98,2 млн тонн, но в 2018 г. сократился до 88,4 млн тонн. Если в 2000 г. страна была чистым экспортером зерновых, то в 2018 г. стала чистым импортером, причем импорт достиг 35,6 млн тонн из 643,1 млн тонн совокупного потребления зерна (5,5%)¹⁷.

В целом развитие сельского хозяйства в Китае движется по нормам интенсивного экономического роста, но с учетом особенностей землесберегающего ТСП. В настоящее время сельское хозяйство Китая находится на капиталоемком с ограниченным трудосберегающим эффектом этапе технико-экономического развития (см. табл. I-1.1 в §1.1). Так как основные фонды сосредоточены в средствах, увеличивающих продуктивность земли, в частности урожайность, то интенсивность экономического роста проявляется в росте продуктивности земли, а не производительности труда.

Капиталовложения по сравнению с другими развивающимися странами Азии отличаются более современной структурой: например, 16% основных сельскохозяйственных фондов в Китае сконцентрировано в категории «машины и оборудование», 34% – в категории «мелиорация и землеустройство» и 41% – в категории «домашний скот, его содержание и инфраструктура». С 2000 по 2018 гг. количество используемых тракторов в расчете на 1 000 гектаров обрабатываемой площади увеличилось с 8 до 22 штук, что свидетельствует об росте инвестиций в тракторный парк, но из-за избыточного труда в аграрной отрасли эти вложения дают незначительный эффект. Сельское хозяйство Китая отличается очень медленным увеличением фондовооруженность – с 2000 по 2018 гг. показатель поднялся с 1,1 до 2,0 тыс. долл. на работника (см. табл. III-7.2). В то время как в сельском хозяйстве стран трудосберегающего ТСП фондовооруженность работника выше 200 тыс. долл.¹⁸.

¹⁷ <http://www.fao.org/faostat/en/#data/FBS> (03.07.2020)

¹⁸ Растянинников В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М.: ИВ РАН. 2017. С. 91.

**Таблица III-7.2. Показатели эффективности аграрного
производства в Китае**

	2000	2010	2016	2018
Производительность труда ¹ , тыс. долл./чел. (цены 2010 г.)	0,6	1,2	1,5	1,8
Продуктивность единицы пахотной площади ² , тыс. долл./га	3,0	4,9	5,6	6,1
Соотношение факторов производства труд/земля ³ , чел./га	481	428	340	324
Фондоемкость производства ⁴ , долл./1000 долл.	1,1	1,2	1,3	1,3
Фондовооруженность труда ⁵ , тыс. долл./чел.	0,9	1,1	1,9	2,0
Фондоотдача основных фондов в сельском хозяйстве ⁶ , долл.	0,9	0,8	0,8	0,7
Индекс ориентации капитала на сельское хозяйство ⁷	0,34	0,41	0,45	0,46

Источник: FAOSTAT www.fao.org/faostat/en (05.07.2020)

Примечания:

¹ Производительность труда – показатель оценочный, получен по формуле: ВДС сельского хозяйства/Численность сельского населения/Доля сельского населения, занятая в аграрном производстве. Согласно данным 2013 г., в аграрном производстве трудится примерно 76% сельского населения.

² Показатель продуктивности земли рассчитан по формуле: ВДС сельского хозяйства/Пахотная площадь.

³ Показатель соотношения факторов труд/земля означает, какое количество работников, требуется для обработки 1 гектара, рассчитан по формуле: Численность занятых в сельском хозяйстве/Пахотная площадь.

⁴ Фондоемкость производства – показатель, характеризующий потребность в основных фондах для производства единицы ВДС сельского хозяйства. Рассчитан как отношение величины основных фондов в сельском хозяйстве на 1000 долл. ВДС сельского хозяйства.

⁵ Фондовооруженность труда – отношение стоимости основных производственных фондов к численности работников.

⁶ Фондоотдача – показатель, характеризующий уровень эффективности использования основных фондов. Рассчитан как отношение ВДС сельского хозяйства, к стоимости основных фондов в отрасли.

⁷ Индекс ориентации капитала на сельское хозяйство показывает, насколько процентов необходимо увеличить инвестиции в сельское хозяйство, для того чтобы ВДС сельского хозяйства возрос на 1%. Рассчитан как отношение удельного веса инвестиций в сельское хозяйство к удельному весу ВДС сельского хозяйства.

В результате в сельском хозяйстве Китая производительность труда составляла в 2018 г. всего 1,8 тыс. долл. на работника (см. табл. III-7.2), против 50–60 тыс. долл. в странах трудосберегающего ТСП (США, Канаде, Австралии)¹⁹.

Так как в аграрном секторе Китая, как и в других странах землесберегающего ТСП, инвестиции осуществляются главным образом в средства производства, увеличивающие продуктивность земли, в частности в механизмы орошения, удобрения, пестициды, высокоурожайные семена, в период 2000–2017 гг. наблюдался рост концентрации капитала в расчете на единицу пахотной площади, что позволило продуктивности земли возрасти в 2 раза. Например, концентрация капитала на единицу площади в Китае составляла в 2018 г. 4,6 тыс. долл. на гектар пахотной площади, а, продуктивность земли – 6,1 тыс. долл. на гектар. Более высокие показатели были только в сельском хозяйстве Японии и Южной Кореи – странах, сельское хозяйство которых уже переходит к наукоемкому этапу развития, в странах трудосберегающего ТСП эти показатели имеют более низкие значения.

Можно предположить, что в дальнейшем развитие технологий, направленных на увеличение продуктивности земли, сохранит первостепенное значение, и Китай достигнет показателей продуктивности земли, характеризующих аграрный сектор Южной Кореи (17,6 тыс. долларов на работника). То есть в будущем (возможно не очень отдаленном) сельское хозяйство Китая начнет переход к наукоемкому этапу, но он будет происходить без трудосберегающего эффекта, ибо аграрное перенаселение еще долго будет оказывать деструктивное действие на аграрный сектор Китая.

Рассмотрев диспропорции в соотношении факторов труд/земля, необходимо остановиться на другой диспропорции в структуре факторов аграрного производства в Китае – соотношении труд/капитал. Перенасыщение трудом и недонасыщение

¹⁹ Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Два технологических способа производства в сельском хозяйстве стран Запада и Востока. Часть I // Вопросы статистики. 2013 №11. С. 57-70; Часть II // Вопросы статистики. 2014 №2. С. 70-79.

капиталом также является особенностью землесберегающего ТСП для стран с аграрным перенаселением.

Сельское хозяйство характеризуется очень низкой фондоемкостью отраслевой ВДС. За период 2000–2018 гг. данный показатель практически не менялся, оставаясь на уровне 1,1–1,3 долл. стоимости основных фондов на 1000 долл. ВДС сельского хозяйства (см. табл. III-7.2) Более низкие значения фиксировались только в сельском хозяйстве низкоразвитых стран Африки, например, Мали, в большинстве стран Запада и Востока этот показатель выше (см. рис. I-3.4 в §1.3).

В то же время фондоотдача основных фондов (показатель обратный фондоемкости) в сельском хозяйстве Китая практически самый высокий в мире. Фондоотдача – это показатель, характеризующий уровень эффективности использования основных фондов в сельском хозяйстве Китая в 2018 г. коэффициент фондоотдачи равнялся 0,7 долл. в расчете на 1 долл. стоимости основных фондов (см. табл. III-7.2), с другой стороны, в большинстве развитых стран коэффициент фондоотдачи был на уровне 0,3 долл. (см. рис. I-3.5 в §1.3).

Можно отметить, что финансовая эффективность аграрного производства в Китае одна из самых высоких в мире. Это подтверждает индекс ориентации капитала на сельское хозяйство, который представляет собой отношение удельного веса инвестиций в сельское хозяйство к удельному весу ВДС сельского хозяйства, он показывает, насколько процентов необходимо увеличить инвестиции в сельское хозяйство, для того чтобы ВДС сельского хозяйства возрос на 1%. Величина индекса >1 , свидетельствует о том, что затраты на сельское хозяйство превышают его вклад в валовой внутренний продукт. Согласно такому критерию, аграрное производство тем эффективнее, чем меньше значение индекса, что мы наблюдаем в Китае, где в 2018 г. индекс ориентации капитала на сельское хозяйство равнялся 0,46 (см. табл. III-7.2). Для сравнения отметим, что этот индекс в сельском хозяйстве США равен 1,6, в Германии – 1,9 (подробнее см. §1.3).

Проанализировав структуру экономических показателей в сельском хозяйстве Китая, еще раз подчеркнем, что оно переживает капиталоемкий с ограниченным трудосберегающим эффектом этап технико-экономического развития. Переход к инновационной модели экономического роста, которая может функционировать только на наукоемком этапе технико-экономического развития, пока не начался. Однако его перспективы обозначены в планах развития КНР.

В 13-м пятилетнем плане развития Китая (2016–2020 гг.) заявлено, что сельское хозяйство должно выйти на мировой уровень конкурентоспособности и упрочить положение отрасли на мировых ранках. Для этого создаются специальные точки роста, которые станут проводниками модернизации – окрестности больших городов в прибрежных районах на востоке страны, государственные предприятия и «демонстрационные» хозяйства. Одними из главных пунктов плана являются повышение уровня урбанизации до 60% и снижение числа сельских жителей, живущих ниже черты бедности до 55,5 млн человек²⁰. Напомним, что в 2016–2018 гг. количество недоедающих в Китае составляло 122 млн человек, или 8,5% численности населения. Но в целом развитию сельских районов в 13-м пятилетнем плане уделяется несравненно меньше внимания, чем проблемам урбанизации.

²⁰ Макеев Ю.А. Практика разработки пятилетних планов в КНР // Восточная аналитика. 2016 №3. С. 56.

§3.8. Экономический рост в современной Индонезии: итоги, факторы, эффективность

Индонезия – одна из крупнейших экономик мира, и вторая по объему производства в Юго-Восточной Азии. На ее долю в 2018 г. приходилось свыше трети совокупного ВВП этого региона. Экономике Индонезии отличают высокие, хотя и неустойчивые, темпы экономического роста, составившие в среднем за период 1970–2018 гг. в ценах 2010 г. 5,5% и заметно превышающие среднемировые (на 2,3 процентных пункта) и, как следствие, увеличение ее ВВП в 12,9 раза. Это позволило Индонезии поднять за рассматриваемое время производство ВВП на душу населения в ценах 2010 г. в 5,6 раза (до 4 285 долл. США или до 3 894 долл. в текущих ценах и до 13 080 долл. по паритету покупательной способности валют). Следствием ускоренного роста индонезийской экономики стало повышение ее места в мировом производстве (за период 1970–2018 гг. с 0,3% до 1,2%).

Экономический рост в стране стимулировался и сопровождался структурной перестройкой ее хозяйства и постепенным превращением индонезийской экономики из аграрной в индустриально-аграрную. Так доля индустриальных отраслей в ВВП в постоянных ценах 2010 г. возросла в Индонезии с 1970 по 2018 гг. в 1,3 раза, тогда как аграрного сектора сократилась в 2,5 раза. В результате удельный вес последнего в общественном производстве уменьшился до 16,6%, тогда как индустриальных отраслей возрос до 39,8%. Особенно быстро увеличивался объем продукции в обрабатывающей промышленности. За рассматриваемые годы он возрос в 2,7 раза и составил в 2018 г. 19,9% ее ВВП. Вместе с ним увеличился и вклад продукции высоко- и среднетехнологичных отраслей в ВВП, производимый в обрабатывающей индустрии (за период 1990–2017 г. с 20,8% до 35,3%), а ее доля во всем экспорте обрабатывающей промышленности выросла за указанное время с 12,2% до 28,1% (см. табл. III-8.1).

Таблица III-8.1. Отраслевая структура производства, занятости и производительности труда в Индонезии, %

	Все	Аграрный сектор	Добывающая промышленность	Обрабатыв. Промышленность	Электроэнергетика ¹	Строительство	Торговля ²	Транспорт и связь	Финансы	Соц. услуги
Темпы роста, 2010-2017 гг.	3,2	5,4	-1,54	2,4	3,5	0,5	1,6	8,2	-6,0	2,6
Доля в ВВП, 2017 г.	100	14	8	21	1	11	16	9	10	10
Вклад в рост ВВП, 2010-2017 гг.	–	37,5	3,1	15,6	М0,1	9,3	3,1	18,8	12,5	М0,1
Занятость, 2017 г.	100	30	1	15	м. 0,1	7	24	5	2	16
Темпы роста производительности, 2000-2016 гг.	3,6	3,9	-2,5	2,4	3,7	1,3	2,8	10,0	-1,6	1,2
Вклад в рост производительности, 2000-2016 гг.	100	14,2	2,9	20,0	2,9	5,7	8,6	34,3	14,3	-2,9

Источник: APO Productivity Databook 2018. Tokyo, 2018. P. 164; APO Productivity Databook 2019. Tokyo, 2019, P. 69, 72, 181

Примечания:

¹ Включая газо- и водоснабжение

² Включая общественное питание и гостиничный бизнес

Повысилась и эффективность использования энергетических ресурсов. Их количество, необходимое для производства одного и того же объема ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности валют в ценах 2011 г., сократилось с 1990 по

2014 гг. в 1,3 раза¹. Благодаря опережающему росту обрабатывающих отраслей и более эффективному использованию промышленного и энергетического сырья снизилась зависимость хозяйства 1970 г. страны от его производства, что позволило сократить удельный вес природной ренты в ВВП с 27,5% в 1980 г. до 3,5% в 2017 г. Выросла общая производительность труда. Если в 1970 г. за час в стране производилось всего 3,1 долл. США ВВП, рассчитанного по паритету покупательной способности валют в ценах 2011 г., тогда как в 2017 г. уже 12,9 долл., или в 4,2 раза больше².

Расширился круг внешнеторговых партнеров, прежде всего, за счет укрепления позиций развивающихся стран и стран с переходной экономикой и соответственно ослабления позиций исторических центров хозяйственного развития. Если в 1970 г. доля развивающихся стран и стран с централизованной плановой экономикой составляла всего 12,6% индонезийского экспорта и 19,9% импорта, то в 2017 г. вклад развивающихся стран и стран с переходной экономикой увеличился соответственно до 48,3% и 47,6%. В то же время удельный вес индустриальных и постиндустриальных стран в экспорте Индонезии сократился с 87,4% до 51,7% и в импорте – с 80,1% до 52,4%.

Повысилась общая привлекательность страны в мире. Так, например, численность иностранных туристов, посетивших в течение года Индонезию только за 2000–2018 гг. выросла с 5,1 млн до 15,8 млн человек³.

Благодаря позитивным сдвигам в индонезийской экономике заметно улучшился и ее рейтинг глобальной конкурентоспособности. Если в 2003 г. по этому показателю страна занимала

¹ Составлено и подсчитано по: The World Bank/World Data Bank/World development Indicators. URL: <https://www.databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source-world-development-indicators>.

² APO Productivity Databook 2019. Tokyo, 2019, P. 171.

³ Составлено и подсчитано по: The World Bank/World Data Bank/World development Indicators. URL: <https://www.databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source-world-development-indicators>.

только 72 позицию (из 101), то в 2019 г. – уже 50 (из 141)⁴. Увеличилась производительность труда: производство ВВП на одного занятого с 2000 по 2018 гг. в расчете по покупательной способности валют в цена

Таблица III-8.2. Динамика ВВП, вклад реальных капиталовложений, применяемого труда, совокупной факторной производительности (СФП) в темпы роста ВВП в Индонезии*, %

Годы	ВВП	Применяемый труд		Реальные капиталовложения		СФП
		Количество	Качество	В информ-коммуник. комплекс	В традиц. отрасли	
1970–1975	8,3	17	9	0	51	23
2015–2017	4,9	29	21	4	92	- 46
1970–2017	5,7	17	21	3	69	- 10

Источник: Источник: APO Productivity Databook 2019, P. 174.

Основными факторами экономического роста в современной Индонезии остаются экстенсивные составляющие – прежде всего реальные капиталовложения, а также применяемый труд. Среднегодовые темпы роста инвестиций в основной капитал за 1970–2018 гг. составили здесь в ценах 2010 гг. 7,8%, что превысило среднегодовые темпы роста совокупного общественного производства на 2,2 процентных пункта. Всего за указанный период времени объем инвестиций в основной капитал в ценах 2010 г. увеличился здесь с 10 млрд долл. до 379 млрд долл. (в текущих ценах до 336 млрд долл.), или в 3,8 раза. Результатом этого стал заметный рост удельного веса ежегодных инвестиций в основной капитал в ВВП: за рассматриваемое время он увеличился с 13,6% до

⁴ World Economic Forum. The Competitiveness Report 2003-2004. New York, 2004, P. XVI; World Economic Forum. The Competitiveness Report 2019. Geneva, 2019. P. XVIII.

32,5%, или в 2,4 раза, достигая в отдельные годы еще больших значений (см. табл. III-8.2).

Заметная часть всех инвестиций в основной капитал в Индонезии осуществляется в виде прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Их объем вырос со 145 млн долл. в 1970 г. до почти 22 млрд долл. в 2018 г. (в 151,7 раза). Только в одном 2018 г. ПИИ составили 6,5% всех инвестиций в основной капитал, сделанных в указанном году в этой стран⁵.

Столь значительные масштабы инвестиционной активности в Индонезии явились следствием роста привлекательности экономики страны как для местного, так и для иностранного капитала и, прежде всего, постепенного повышения ее открытости и роста включенности в мировое хозяйство, в результате чего индекс глобализации экономики (KOF) Индонезии возрос с 1970 по 2017 гг. на 20,46 процентных пункта, лишь немногим уступая соответствующему показателю мирового хозяйства (21,99) и достиг 48,1, улучшившись в 1,7 раза⁶. В целом, судя по авторитетным оценкам, в Индонезии сложилась динамично улучшающаяся обстановка для предпринимательской деятельности. Если в 2006 г., согласно индексу благоприятствования условий для ведения бизнеса, страна занимала 115 позицию (из 155), то в 2020 г. она поднялась на 55 (из 190)⁷.

В свою очередь, наряду с ускоренным ростом реальных капиталовложений происходило и увеличение количества применяемого труда: среднегодовые темпы роста занятых в общественном производстве достигли в 2000–2018 гг. 3,0%, а их численность

⁵ Составлено и подсчитано по: The World Bank/World Data Bank/World development Indicators. URL: [https:// www.databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source-world-development-indicators](https://www.databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source-world-development-indicators).

⁶ Составлено и подсчитано по: KOF Globalization Index. URL: <https://www.kof.ethz.ch/forecasts-and-indicators/kof-globalization-index.html>.

⁷ The World Bank Group. Doing Business in 2006 Washington. 2006, P.92; The World Bank Group. Doing Business, 2020. Washington, 2020, P.4.

увеличилась в 1,7 раза до 117 млн человек⁸. В результате вклад реальных капиталовложений и применяемого труда в рост общественного производства в Индонезии за рассматриваемый период не только не снизился, но напротив, заметно увеличился. Если в 1970–1975 гг. вклад реальных капиталовложений в рост ВВП составлял там 51%, а применяемого труда –26%, то в 2015–2017 гг. он соответственно увеличился до 96% и 50%. Однако, если увеличение вклада в рост производства реальных капиталовложений в стране шло в основном за счет инвестиций в традиционные отрасли хозяйства, то увеличение вклада применяемого труда происходило в равной мере как за счет роста количества труда, так и повышения его качества. Так, увеличение вклада реальных капиталовложений в традиционные отрасли хозяйства в Индонезии в рост ВВП с 1970–1975 гг. по 2015–2017 гг. составило 41 процентных пункта, тогда как в сферу современных информационных технологий – всего на 4 процентных пункта. В то же время вклад количества примененного труда в рост общественного производства, так же, как и повышения его качества, возросли за указанное время на 12 процентных пункта – соответственно с 17% до 29% и с 9% до 21%.

В отличие от экстенсивных составляющих, вклад совокупной производительности в экономический рост Индонезии характеризуется ускоренной понижающей тенденцией, а на исходе рассматриваемого периода – минусовыми значениями. Так, в 1970–1975 гг. вклад совокупной производительности в рост ВВП составлял 23%, а в 2015–2017 гг. – минус 46%⁹. И хотя производительность труда в этой стране все еще сохраняет тенденцию к увеличению, темпы ее роста, по сравнению с началом 1970-х гг., существенно замедлились. Если в 1990 –1995 гг. среднегодовой рост производства ВВП на одного работника, рассчитанный по паритету

⁸ APO Productivity Databook 2019. Tokyo, 2019, P.170

⁹ APO Productivity Databook 2019. Tokyo, 2019, P.174

покупательной способности валют в постоянных ценах 2011 г., достигал 6,4% то в 2015–2017 гг. он снизился до 1,6%¹⁰.

Уменьшилась эффективность и новых реальных капиталовложений. Если в 1980 г. предельная фондоотдача составляла 0,55426, то к 2018 г. она сократилась до 0,17607¹¹. В технологической структуре реальных капиталовложений по-прежнему очень высока доля их пассивных элементов (в 2018 г. 81%), тогда как удельный этих капиталовложений, направляемых в информационно-коммуникационный комплекс не достигает и 1,0% их общего объема¹².

Следствием перемен в экономике Индонезии стало изменение качества жизни ее населения. Прежде всего, заметно выросла величина ВВП, направляемого на личное потребление. За период с 1970 по 2018 гг. она увеличилась в ценах 2010 г. в 13,5 раза. В результате средний объем ВВП, направляемого на потребление, в ценах 2010 г. в расчете на одно домашнее хозяйство вырос 399 до 2373 долл., или в 6,6 раза. Повысилась продолжительность жизни: средняя ожидаемая продолжительность жизни увеличилась с 1970 – по 2017 гг. с 52,6 до 71,3 лет. Расширился охват лиц получающих образование всех уровней. Так, доля лиц соответствующих возрастов, охваченных образованием первого уровня, возросла за период 1990–2018-х гг. с 46,6% до 88,9%, второго уровня – с 33,1% до 56,4% третьего уровня – с 4% до 36,5%. Снизился уровень бедности. Если в 2000 г. удельный вес лиц, проживающих в день на сумму менее 1,90 долл. США, рассчитанный по паритету покупательной способности валют в ценах 2011 г., достигал 18,%, на сумму менее 3,20 долл. – 41,6% и на сумму менее 5,50 долл. – 63,2%, то к 2017 году он соответственно сократился до

¹⁰ APO Productivity Databook 2019. Tokyo, 2019, P.170

¹¹ Подсчитано по: The World Bank/World Data Bank/World development Indicators. URL: <https://www.databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source-world-development-indicators>.

¹² APO Productivity Databook 2019. Tokyo, 2019, P.45.

0,9%, 7,1% и 22,7%. Сократилась абсолютная и что еще более важно – относительная численность лиц, проживающих в трущобах. Только за период 1990–2000 гг. доля городского населения, проживающего в трущобах, сократилась на 16,4 процентных пункта – с 50,8% до 34,4%¹³. В результате этих и некоторых других позитивных перемен индекс человеческого развития в стране возрастал в 1990 – 2018 гг. в среднем в год на 1,07%, что превышало соответствующий показатель мировой экономики в целом (0,72%)¹⁴.

Вместе с тем для хозяйственного и социального развития Индонезии остаются характерными и достаточно серьезные многочисленные и длительно существующие проблемы. Прежде всего, в стране не только сохранилось, но и заметно увеличилось отставание производства ВВП на душу населения от его среднемировых значений. Если в 1970 г. это отставание составляло в постоянных ценах 2010 г. 4 427 долл., то в 2018 г. оно достигло 6 573 долл., или на 48,5% больше¹⁵.

По-прежнему незначительны в Индонезии и масштабы межотраслевого спроса. Согласно последним, опубликованным в 2019 г. данным, его доля во всем спросе в экономике страны составляла в 2010 г. всего 43,3%, в том числе в обрабатывающей промышленности – 49,3%, что свидетельствует о все еще недостаточном развитии ее национального рынка и рыночных отношений в целом¹⁶.

Несмотря на усиление индустриальной составляющей и прогрессивные изменения в отраслевой структуре, основные позиции в экономике Индонезии по-прежнему принадлежат

¹³ Составлено и подсчитано по: The World Bank/World Data Bank/World development Indicators. URL: <https://www.databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source-world-development-indicators>.

¹⁴ UNDP. Human Development Report 2019. N.Y., 2019, P.305, 307.

¹⁵ Составлено и подсчитано по: The World Bank/World Data Bank/World development Indicators. URL: <https://www.databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source-world-development-indicators>.

¹⁶ Statistik Indonesia. Statistical Yearbook of Indonesia 2019. Jakarta, 2019, P. 672.

традиционным отраслям потребительского назначения и, прежде всего, пищевкусовой промышленности, на долю которой в 2018 г. пришлось 35,9% всего объема вновь созданного в стране ВВП, тогда как вклад таких современных отраслей хозяйства как электроника, электротехника, машиностроение и производство транспортного оборудования составил всего 10,4%¹⁷. В товарном экспорте продолжает доминировать низко- и среднетехнологичная продукция, образуя в 2018 г. 91,0% его общей стоимости, тогда как доля высокотехнологичных изделий не превышает 9,0%¹⁸. При этом, хотя новые капиталовложения, скорее всего, еще больше усилят индустриальную составляющую хозяйства Индонезии, они в то же время могут привести к еще большему снижению в нем роли отраслей машиностроительного комплекса, электроники и электротехники. Такой вектор дальнейшего развития промышленного производства в стране предопределяется отраслевой структурой новых капиталовложений. Так, внутренние инвестиции в индустриальную сферу в 2018 г. достигли там 62,9% их общего объема, тогда как капиталовложения в машиностроение (в том числе в транспортное), электронику и электротехнику – всего 1,2%. Похожая ситуация сложилась и в отраслевой структуре ПИИ. В том же 2018 г. в индустриальную сферу было направлено 60,8% их общей суммы, а в отрасли машиностроительного комплекса, электронику и электротехнику – только 7,6%, в том числе 3,3% – в транспортное машиностроение¹⁹.

Незначительной представляется и доля капитальных товаров, получаемых Индонезией по импорту. На них в 2018 г. приходилось всего 15,9% товарного импорта страны. В то же время

¹⁷ Подсчитано по: Statistik Indonesia. Statistical Yearbook of Indonesia 2019. Jakarta, 2019, P.434, 435.

¹⁸ The World Bank/World Data Bank/World development Indicators. URL: <https://www.databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source-world-development-indicators>.

¹⁹ BKPM Statistic. Foreign Direct Investment [Электронный ресурс]. URL: <https://www3.bkpm.go.id/en/statistic/foreign-direct-investment-fdi>.

сырье, сырьевые и промышленные полуфабрикаты достигли в ее импорте 75%²⁰. Такая структура импорта подкрепляет предположение, что индустриализация в Индонезии оказалась ориентированной на производство продукции из иностранного сырья и промышленных компонентов.

Несмотря на несомненные успехи в области образования в стране все еще сохраняется преобладание низкоквалифицированного труда над высококвалифицированным. Если лица с начальным уровнем образования составили там в 2018 г. 40,7% всех занятых в общественном производстве, то выпускники колледжей – всего 12,2%²¹. В то же время наметившаяся в Индонезии во второй половине 2010-х гг. тенденция к росту доли возмещения затрат на использование рабочей силы неизбежно будет вести к увеличению заработной платы и следовательно ослаблению такого важного для этой страны на протяжении длительного времени конкурентного преимущества ее экономики, как исключительно низкая оплата труда. Так, если в 2015 г. доля возмещения затрат на использование рабочей силы составляла в Индонезии всего 32% и была самой низкой в регионе Юго-Восточной Азии, за исключением Лаоса, то уже в 2017 г. она достигла 40% и уступала только соответствующему индикатору в Сингапуре (43%)²².

Наконец, как и прежде, Индонезия отличается крайней неравномерностью территориального размещения производительных сил. Так, доля только одного региона – политического, культурного и экономического центра страны – Явы в 2018 г. составила свыше половины (58,5%) всего произведенного в Индонезии ВВП, а вместе с еще одним регионом, Суматрой – 79,9%, тогда как таких регионов как Папуа и Молукки – соответственно всего 0,5% и 2,9%.

²⁰ Подсчитано по: Statistik Indonesia. Statistical Yearbook of Indonesia 2019. Jakarta, 2019, P.672.

²¹ Statistik Indonesia. Statistical Yearbook of Indonesia 2019. Jakarta, 2019, P.103.

²² APO Productivity Databook 2017. Tokyo, 2017, P.58. APO Productivity Databook 2019. Tokyo, 2019, P.65.

При этом, заметные различия в масштабах и уровне развития хозяйства являются характерными не только для отдельных регионов страны, но и для образующих их провинций и других приравненных к ним административных единиц. Так, например, на особый столичный округ Джакарту в том же 2018 г. приходилось 29,7% Регионального валового продукта (РВП), произведенного на Яве, тогда как на особый округ Джокьякарту – всего 1,5%. Следствием этого является и значительный разрыв между отдельными регионами и провинциями по объему производства Регионального валового продукта (РВП) на душу населения. Если в особом столичном округе Джакарта в 2018 г. РВП на душу населения достигал 248 млн индонезийских рупий, то в особом округе Джокьякарта – 24 млн, или в 10,3 раза меньше. Такая ситуация, скорее всего, будет сохраняться и в обозримой перспективе. Достаточно сказать, что новые прямые инвестиции, размещенные на Яве, составили в 2017 г. свыше половины – 53,8% всех местных и 58,2% иностранных инвестиций, направленных в экономику Индонезии в 2018 г.²³.

Продолжает ухудшаться экологическая обстановка. Так, по данным на 2016 г., деградации в Индонезии подверглось более одной пятой ее земельного фонда. Особенно пострадали леса – одно из главных природных богатств страны. С 1990 по 2016 гг. лесопокрытая территория в Индонезии уменьшилась на 23,8% (в мире – на 3,1%), в результате чего площадь, занимаемая лесами, сократилась там до 49,9% территории ее суши²⁴.

Остается относительно низким и качество потребления. Достаточно сказать, что на приобретение продуктов питания и алкогольной продукции в 2017 г. было направлено 39,0% всех расходов домашних хозяйств. При этом 42,5% потребностей

²³ Statistik Indonesia. Statistical Yearbook of Indonesia 2019. Jakarta, 2019, P. 655, 657.

²⁴ UNDP. Human Development Report 2019. N.Y., 2019, P.340, 341.

индонезийцев в пищевых калориях обеспечивалось, по данным на 2018 г., за счет зерна и зерновых продуктов, в основном риса, тогда как за счет мяса и мясных изделий – всего лишь 2,2%²⁵. Несмотря на общий рост доходов, возрастает и неравномерность в их распределении. Если в 1990 г. индекс Джини составлял 31,2, то в 2017 г. – уже 38,1, или на 6,9 процентных пункта выше²⁶. Не улучшается и рейтинг индекса человеческого развития Индонезии. Несмотря на рост абсолютных значений этого индекса, в 2018 г. страна находилась все на той же 111 позиции (из 185), что и в 1990 г. (из 144)²⁷.

Сопоставление индексов экономического и социального развития позволяет сделать предположение о более успешном, с точки зрения критериев международных стандартов, продвижении страны по пути экономических преобразований, чем социальных. Так, в 2019 г., согласно оценке Института Легатум, Индонезия по индексу эффективности функционирования экономики занимает 58 позицию (из 167), индексу условий для предпринимательской деятельности – 62, качества инвестиционной среды – 64 и доступности к рынкам и инфраструктуре для торговли товарами и услугами – 88, тогда как по индексу состояния окружающей среды – 69 позицию, образования – 88, здравоохранения – 97 и условий жизни – 106, а сумма позиций Индонезии по показателям, характеризующим состояние ее экономики (272), оказалась намного более благоприятной, чем индикаторов, связанных с социальной сферой (360)²⁸

Таким образом, текущий этап социально-экономического развития Индонезии отличается, во-первых, высокими темпами

²⁵ Statistik Indonesia. Statistical Yearbook of Indonesia 2019. Jakarta, 2019, P. 550

²⁶ Составлено и подсчитано по: The World Bank/World Data Bank/World development Indicators. URL: <https://www.databank.worldbank.org/data/reports.aspx?source=world-development-indicators>.

²⁷ UNDP. Human Development Report 2019. N.Y., 2019, P.301, 303.

²⁸ Legatum Institute. The Legatum Prosperity Index 2019. London, 2019, P. 15

роста экономики и одновременно относительно медленной перестройкой ее отраслевой структуры при опоре на наиболее доступные и «дешевые» факторы роста. И, во-вторых, отставанием социальной сферы от уровня, достигнутого страной в хозяйственном строительстве, что может заметно осложнить перспективу не только ее социально-экономического, но и политического развития.

§3.9. Региональное и социальное неравенство в развитии Арабской Республики Египет в начале XXI в.

Данный параграф посвящен комплексному изучению социально-экономического устройства Арабской Республики Египет. Преодоление социальных и экономических трудностей в Египте может существенно изменить как экономическую структуру Ближнего Востока, так и расстановку политических сил в этом регионе. В параграфе будет изучена структура экономики Египта, проведён анализ социального и регионального неравенства. Социальное неравенство будет представлено распределением доходов или богатства между различными частями общества, региональное неравенство будет определяться разницей в развитии отдельных провинций изучаемой страны.

Сегодня Арабская Республика Египет – это наиболее населённая арабская страна. По данным Всемирного банка на 2018 г. население Египта составляло более 98 млн человек¹. Эту страну выделяет чрезвычайная плотность населения, которое сосредоточилось в дельте и по берегам Нила, а также вдоль морского побережья. Согласно национальной статистике, в 2017 г. было населено только 6,8% территории страны, а в 2016 г. лишь 3,8% территории Египта использовалось в сельском хозяйстве^{2,3}. Сконцентрированное на таких небольших территориях стомиллионное население часто живёт в бедности. В 2015 г. на сумму менее 5,5 долл. по ППС в день жило больше 60% населения. Это очень

¹ The World Bank, Data. <https://data.worldbank.org/indicator/SP.POP.TOTL?locations=EG> (date of application: 30.04.2019).

² مصر في أرقام. الجهاز المركزي للتعبئة العامة والإحصاء المصري. ص. 15.
http://www.capmas.gov.eg/Pages/StaticPages.aspx?page_id=5035 (تاريخ الطلب: 11.11.2018).

³ The World Bank, Data. <https://data.worldbank.org/indicator/AG.LND.AGRI.ZS?locations=EG> (date of application: 30.04.2019).

много даже для ближневосточной страны⁴. До сих пор около 30% взрослого населения Египта не умеет писать и читать⁵. При этом некоторые учёные отмечают низкую вертикальную мобильность, которая может негативно сказываться на экономическом росте из-за понижения стимулов к работе^{6,7,8}.

Тем не менее, несмотря на непростую экономическую обстановку, в стране не наблюдается высокого уровня неравенства. Всемирный банк в 2015 г. оценил индекс Джини в Египте в 31,8 баллов⁹. Это явление вызывает особый интерес, так как большое количество бедных часто является основой для высокого уровня неравенства.

Немало исследований посвящено историческому и современному социальному неравенству в Египте, однако не так много внимания было уделено связям между социальными показателями и экономическим развитием данной конкретной страны, что также представляется важным для составления экономических прогнозов. Рабочую гипотезу исследования можно сформулировать следующим образом: несмотря на то, что после революционных и контрреволюционных событий 2011–2013 гг. социально-экономическая ситуация в Египте стабилизировалась, Египет и сегодня сталкивается с социальным неравенством и неравномерностью развития регионов.

⁴ The World Bank, Data. <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.UMIC?locations=EG> (date of application: 30.04.2019).

⁵ The World Bank, Data. <https://data.worldbank.org/indicator/SE.ADT.LITR.ZS?locations=EG> (date of application: 30.04.2019).

⁶ Sika N. Neoliberalism, marginalization and the uncertainties of being young: The case of Egypt. 2018. P. 9.

⁷ Ibrahim S. A Tale of Two Egypts: contrasting state-reported macro-trends with micro-voices of the poor. 2011. P. 1349.

⁸ Григорьев Л.М., Салмина А.А. «Структура» социального неравенства современного мира: проблемы измерения. 2013. С. 10.

⁹ The World Bank, Data. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=EG> (date of application: 30.04.2019).

Структура экономики Египта

Прежде чем давать характеристику неравенству, необходимо дать характеристику общественно-экономическому устройству страны. Ведь даже если определённые страны имеют похожую структуру распределения доходов, близкий коэффициент Джини, это ещё не значит, что в этих странах будет одинаковая ситуация с социальным обеспечением низов, с политическим весом высших слоёв общества, с социальной мобильностью и другими факторами, которые имеют большое значение для экономического развития страны.

В том числе важно понять, протекает ли в Египте процесс перехода к постиндустриальному обществу и с какой скоростью. В первую очередь это определяется структурой экономики. В постиндустриальном обществе преобладает сфера услуг, в то время как промышленность и сельское хозяйство играют всё менее значительную роль.

Центральное агентство общественной мобилизации и статистики Египта опубликовало статистику о вкладе различных отраслей в ВВП в отчётные фазы с 2013/2014 гг., по 2016/2017 гг.¹⁰. В рамках этого исследования опубликованные данные были классифицированы по трём типам: первичное производство, вторичное производство и услуги. После классификации были посчитаны доли этих трёх составляющих ВВП (см. табл. III-9.1).

Проанализировав эти данные, мы можем сделать вывод о том, что на современном этапе первичный и вторичный сектора экономики Египта примерно равны по объёмам и составляют немногим меньше 50% ВВП, в то время как оставшаяся половина ВВП приходится на услуги. При этом можно наблюдать медленную тенденцию к увеличению вторичного сектора и услуг и сокращению первичного сектора. Прослеживающие тенденции

¹⁰ الكتاب الإحصائي السنوي 2018. الباب التاسع عشر حسابات القومية. الجدول 6: الناتج المحلي الجماعي بتكلفة عوامل الإنتاج طبقاً للنشاط الاقتصادي والقطاع. الجهاز المركزي للتعبئة العامة والإحصاء المصري. 2018. http://www.capmas.gov.eg/Pages/StaticPages.aspx?page_id=5034 (تاريخ الطلب: 11.11.2018).

свидетельствует о незавершённой индустриализации. Ведь переход к постиндустриальному обществу, как правило, сопровождается сокращением доли промышленности в экономике.

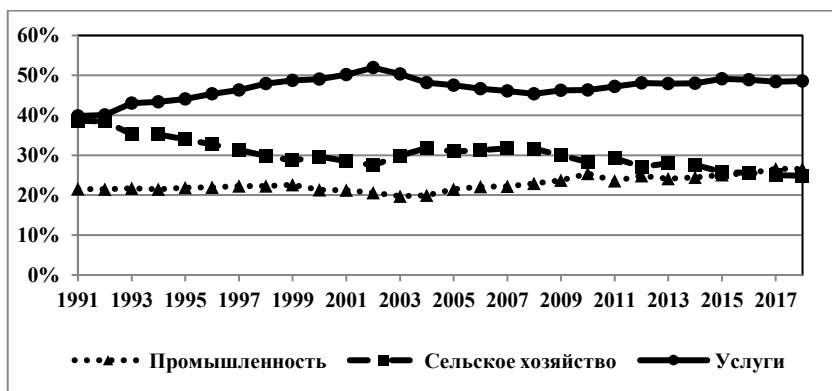
Таблица III-9.1. Доля секторов первичного производства, вторичного производства и услуг в ВВП Египта в производственные периоды с 2013/2014 гг. по 2016/2017 гг. (текущие цены)

	2013/14	2014/2015	2015/2016	2016/2017
Первичный сектор	27,4%	24,5%	20,6%	21,9%
Вторичный сектор	22,1%	22,9%	24,2%	24,2%
Услуги	50,5%	52,5%	55,2%	54,0%

Источник: CAPMAS, расчёты автора.

К аналогичным выводам можно прийти, если посмотреть на структуру занятости в Египте (см. рис. III-9.1).

Рисунок III-9.1. Структура занятости в Египте (1991-2018)

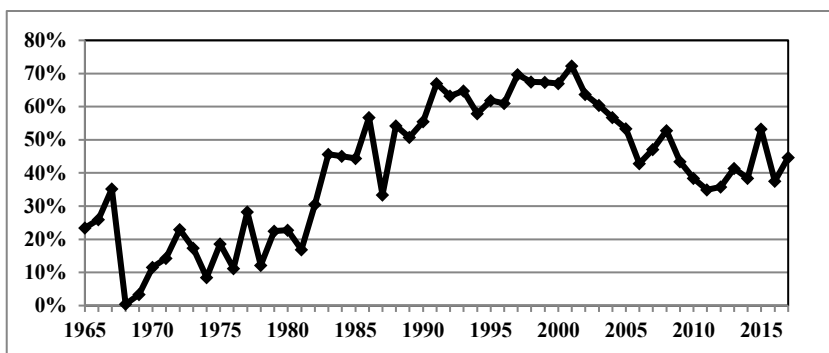

Источник: Всемирный банк.

Всемирный банк предоставляет более длинные временные ряды, которые подтверждают гипотезу о незавершённой индустриализации. И хотя за три десятилетия доля занятых в сфере

услуг выросла на 9%, а доля занятых в промышленности – только на 5%, говорить о переходе к постиндустриальному устройству общества ещё рано¹¹. Ещё один способ оценить структуру экономики – это изучить состав экспорта. Всемирный банк публикует статистику об экспорте товаров и услуг разных стран, в то время как информацию исключительно об объёмах экспорта товаров можно найти на сайте ОЕС (Observatory of economic complexity)^{12, 13}. Если вычесть из первого ряда второй, можно получить информацию об объёме экспорта услуг, после чего рассчитать долю услуг в общем экспорте (см. рис. III-9.2).

Рисунок III-9.2. Доля услуг в экспорте Египта (1965-2017)

Источник: Всемирный банк, ОЕС, самостоятельные расчёты.

На графике видно, что начиная с 1980-х гг. доля услуг в экспорте страны довольно резко увеличилась с 20% до 50% после чего последовал дальнейший рост, а затем – снижение. Сегодня доля услуг в экспорте Египта колеблется примерно между 30% и 50%.

¹¹ The World Bank, Data. <https://data.worldbank.org/indicator/SL.SRV.EMPL.ZS?locations=EG> (date of application: 30.04.2019).

¹² The World Bank, Data. <https://data.worldbank.org/indicator/NE.EXP.GNFS.CD?locations=EG> (date of application: 30.04.2019).

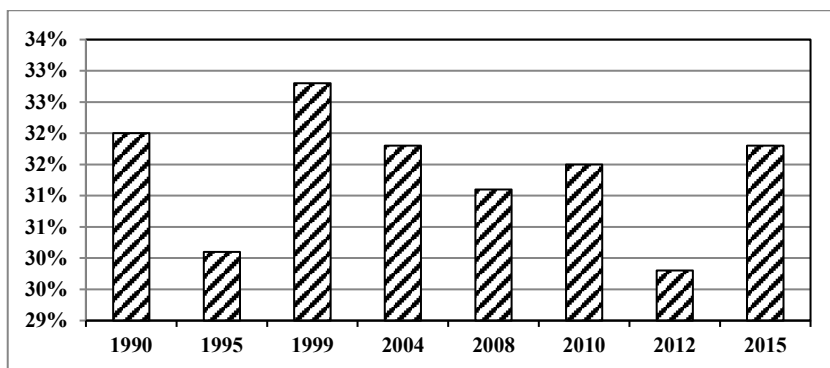
¹³ Observatory of Economic Complexity. <https://atlas.media.mit.edu/en/> (date of application: 26.04.2019).

Таким образом, можно констатировать, что экономика Египта ещё не стала постиндустриальной. До сих пор растёт доля промышленного сектора в экономике, а рабочая сила довольно медленно переходит в сферу услуг.

Социальная структура Египта

Ещё одной важной характеристикой общества является его социальное устройство. А именно то, как распределяется богатство в обществе, какова доля людей, которые не видят выхода из своего положения и не вкладываются в экономическое развитие и как много экономических и политических ресурсов сосредотачивают в своих руках наиболее обеспеченные страты.

Рисунок III-9.3. Индекс Джини в Египте (1990-2015)

Источник: Всемирный банк.

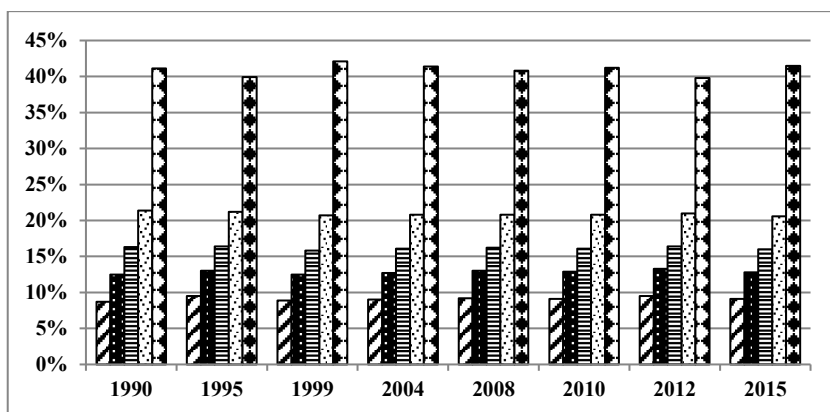
Наиболее распространённым индексом социального неравенства является индекс Джини. Он отражает то, как распределяются доходы между всеми слоями общества. В Египте индекс Джини с 1990-х гг. сильно не изменился¹⁴. Он колеблется вокруг

¹⁴ The World Bank, Data. <https://data.worldbank.org/indicator/SI.POV.GINI?locations=EG> (date of application: 30.04.2019).

отметки в 31%, что означает довольно низкий уровень расслоения по доходам (см. рис. III-9.3).

Чтобы детальнее рассмотреть социальную структуру египетского общества, можно обратиться к данным о доходах пяти квантилей (см. рис. III-9.4).

Рисунок III-9.4. Распределение доходов египетского общества по квантилям (1990-2015)

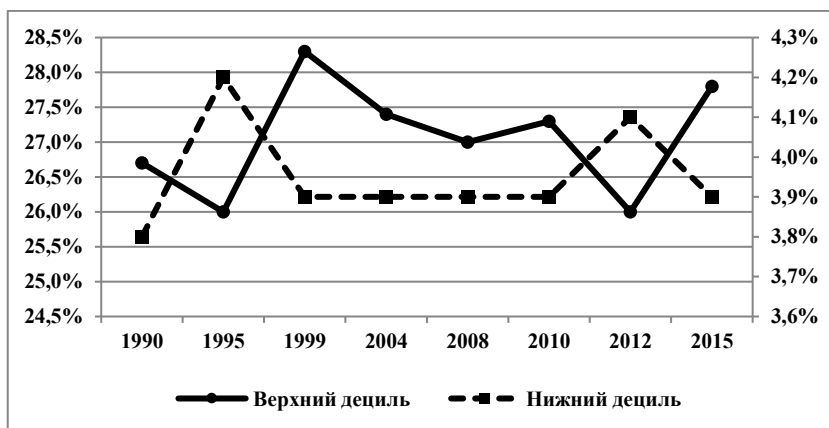
Источник: Всемирный банк.

Приведённая выше статистика подтверждает, что в течение последних десятилетий, социальное устройство египетского общества сильно не изменилось. Все квантили сохраняют стабильный уровень дохода. При этом первые 20% населения сосредоточили в своих руках 40% доходов, что не свидетельствует о большом богатстве элит¹⁵.

Всемирный банк также предоставляет данные о том, сколько доходов сосредоточили в своих руках самые бедные 10% и самые богатые 10% (см. рис. III-9.5).

¹⁵ The World Bank, Data. <https://data.worldbank.org/topic/poverty?locations=EG> (date of application: 30.04.2019).

Рисунок III-9.5. Доля доходов наиболее богатого (левая ось) и наиболее бедного (правая ось) децилей в Египте (1990-2015)

Источник: Всемирный банк.

На этом графике несколько отчётливее видны краткосрочные перемены, к которым привели события Арабской весны 2011 г.: в 2012 г. доля доходов наиболее богатых 10% сократилась, в то время как доля доходов наиболее бедных 10% повысилась. Правда, через три года ситуация вернулась к прежним показателям¹⁶.

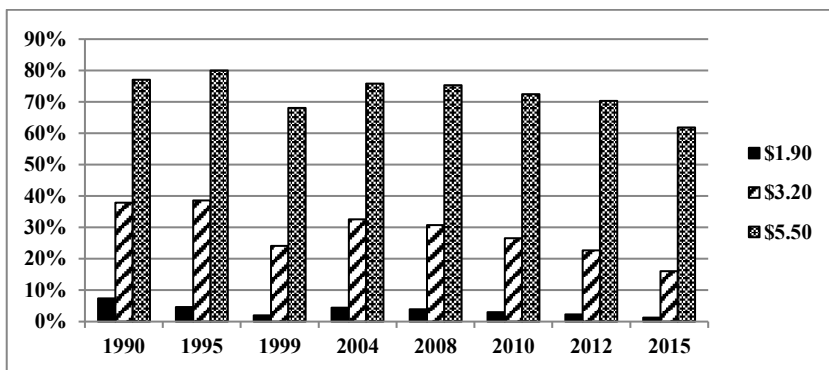
Несмотря на невысокие показатели социального неравенства, по данным Всемирного банка Египет – это страна с очень высоким уровнем бедности (см. рис. III-9.6).

По этим данным видно, что, несмотря на постепенное сокращение бедности и почти полное отсутствие к концу рассматриваемого периода людей, проживающих на сумму менее чем

¹⁶ The World Bank, Data. <https://data.worldbank.org/topic/poverty?locations=EG> (date of application: 30.04.2019).

1,9 долл., бедность в Египте очень высока. Ещё в 2015 г. больше 60% населения проживало менее чем на 5,5 долл. в день¹⁷.

Рисунок III-9.6. Доли населения Египта, проживающие на сумму меньшую, чем 5,5, 3,2 и 1,9 долл. в день (1990-2015 гг.)

Источник: Всемирный банк.

Теоретически, бедность должна негативно сказываться на социальном равенстве. Ведь чем больше бедных людей, тем сильнее на неравенстве сказывается богатство элиты. Поэтому возникает вопрос о доверии к данным, которые публикует Всемирный банк, опираясь на опросы, в том числе проводимые египетскими национальными службами.

Владимир Хласный и Паоло Верме тоже обратились к этому феномену. В своём исследовании они изучили зависимость результатов исследования по регионам Египта от доли людей, отказавшихся участвовать в опросе. Таким образом, они показали, что коэффициент Джини в Египте может быть недооценён на 1.1–4.1 процентных пункта¹⁸. Но даже разница в 4 балла не

¹⁷ The World Bank, Data. <https://data.worldbank.org/topic/poverty?locations=EG> (date of application: 30.04.2019).

¹⁸ Hlasny V., Verme P. Top incomes and the measurement of inequality in Egypt . 2016. P. 429.

снимает вопросов о том, как такой высокий уровень бедности сочетается с низким неравенством.

Паоло Верме также отмечает, что из-за низкого уровня жизни и слабой мобильности восприятие неравенства в Египте может существенно отличаться от реальных показателей¹⁹.

Низкое неравенство и высокая бедность может означать, что высшие слои общества тоже не так богаты. Это заставляет нас обратиться к изучению египетской элиты. По данным одного из крупнейших швейцарских банковских конгломератов Кредит Суйсс в 2018 г. среди египтян было 16 000 долларовых миллионеров и всего 239 человек, владеющих состоянием, превышающим 50 млн долл.²⁰. Для страны со стомиллионным населением – это, действительно, не высокие показатели. Таким образом, несмотря на умеренное неравенство, большая часть населения Египта живёт бедно.

Социально-экономическое развитие в Египте в глобальном и региональном контексте

Для того, чтобы лучше понимать современную социально-экономическую ситуацию в Египте важно иметь представление о его положении в регионе и мире, а также о его соответствии региональным и мировым тенденциям.

Л.М. Григорьев и В.А. Павлюшина в двух статьях описывают состояние социального развития в мире²¹. По их наблюдениям, многие исследователи XX в. ошибались в своих прогнозах о сокращении социального неравенства в связи с экономическим

¹⁹ Verme P. Top Incomes and the Measurement of Inequality in Egypt. 2013. <http://blogs.worldbank.org/developmenttalk/node/980> (date of application: 22.04.2019).

²⁰ Credit Suisse. Raw Data Material for Media Outlets. <https://www.credit-suisse.com/corporate/en/research/research-institute/global-wealth-report/tables.html> (date of application: 16.05.2019).

²¹ Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Социальное неравенство в мире: тенденции 2000 – 2016 гг. 2018. С. 31-32.

ростом. Несмотря на то, что многие страны, в особенности Китай и Индия, достигли в последние годы значительных успехов в борьбе с бедностью, относительное неравенство между странами продолжало увеличиваться²².

В своих исследованиях авторы статьи поделили 174 страны на 7 кластеров на основе данных о ВВП на душу населения по ППС с 1992 г. по 2016 г.²³. Египет оказался в срединном 4 кластере, вместе с соседними арабскими странами, не обладающими значительными запасами углеводородов: Тунисом, Алжиром, Марокко, Иорданией, Ливаном²⁴. Таким образом, Египет попал в один ряд со своими ближайшими соседями, обогнав бедные африканские страны, но существенно отставая от Европы и Залива²⁵.

Авторы статей сначала описали так называемое правило «большого пальца», согласно которому для перехода из одного кластера в другой в среднем стране нужно удвоить показатели страны по ВВП на душу населения по ППС²⁶. Однако впоследствии они сделали вывод о том, что такого повышения ВВП на душу населения недостаточно для перехода в следующий кластер. Они указали, что для перехода из кластера в кластер нужно изменить общественную систему в целом, чтобы целый ряд социальных показателей соответствовал определённому уровню²⁷.

²² Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития. 2018. С. 16.

²³ Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития. 2018. С. 5.

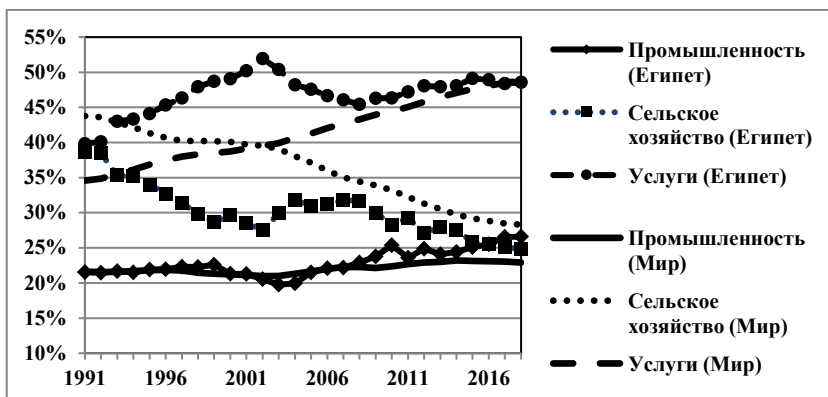
²⁴ Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития. 2018. С. 27.

²⁵ Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития. 2018. С.27.

²⁶ Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития. 2018. С. 20.

²⁷ ²⁷ Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Социальное неравенство в мире: тенденции 2000 – 2016 гг. 2018. С. 47.

Рисунок III-9.7. Структура занятости в Египте и мире (1991-2018)

Источник: Всемирный банк.

Среди этих факторов они выделили следующие показатели, формирующие общественную систему и непосредственно связанные с уровнем бедности:

1. Структура занятости (доля населения, занятая в сельском хозяйстве, промышленности и услугах)²⁸,
2. Энергопотребление на человека²⁹,
3. Доля расходов на различные категории товаров и досуг³⁰,
4. Доля населения, имеющего постоянный доступ к Интернету³¹,
5. Индексы демократии и институционального развития³².

²⁸ Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития. 2018. С. 22.

²⁹ Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития. 2018. С. 23.

³⁰ ³⁰ Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Социальное неравенство в мире: тенденции 2000 – 2016 гг. 2018. С. 44, 45.

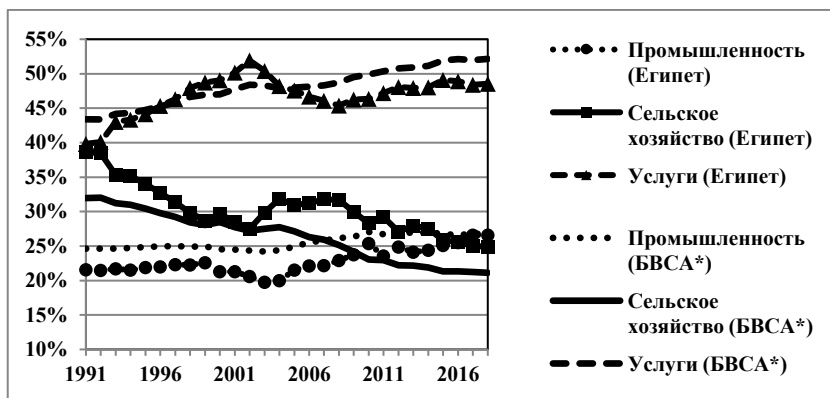
³¹ ³¹ Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Социальное неравенство в мире: тенденции 2000 – 2016 гг. 2018. С. 45.

³² ³² Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Социальное неравенство в мире: тенденции 2000 – 2016 гг. 2018. С. 45.

Если сравнить структуру занятости мира и Египта, то можно обнаружить, что они довольно похожи, особенно начиная с 2008 г. (см. рис. III-9.7)³³. Это подтверждает правильность расположения Египта в срединном кластере, куда он был помещён в результате классификации Л.М. Григорьева и В.А. Павлюшиной.

Похожая структура занятости наблюдается и в целом в регионе, за исключением наиболее богатых стран (см. рис. III-9.8)³⁴.

Рисунок III-9.8. Структура занятости в Египте и странах Ближнего Востока и Северной Африки с невысоким доходом (1991-2018)

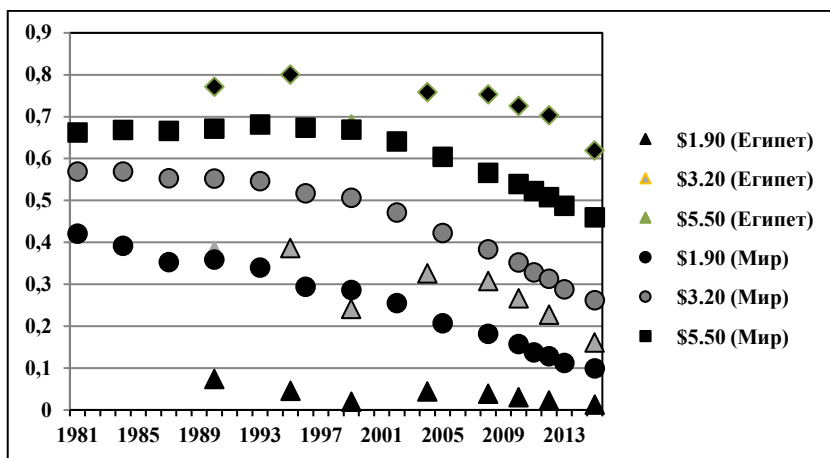
Источник: Всемирный банк.

Если же сравнивать Египет по структуре занятости с отдельными арабскими странами, то может возникнуть большая разница ввиду географических и структурных различий (см. приложение 3.9.1). Отдельного внимания заслуживает сравнение уровня бедности в Египте и мире (см. рис. III-9.9).

³³ The World Bank, Data. <https://data.worldbank.org/indicator/SL.SRV.EMPL.ZS?locations=EG> (date of application: 30.04.2019).

³⁴ The World Bank, Data. <https://data.worldbank.org/indicator/SL.SRV.EMPL.ZS?locations=EG> (date of application: 30.04.2019).

Рисунок III-9.9. Доля населения, проживающая меньше чем на 5,5, 3,2 и 1,9 долл. (ППС) в день в Египте и мире (1981-2015)

Источник: Всемирный банк.

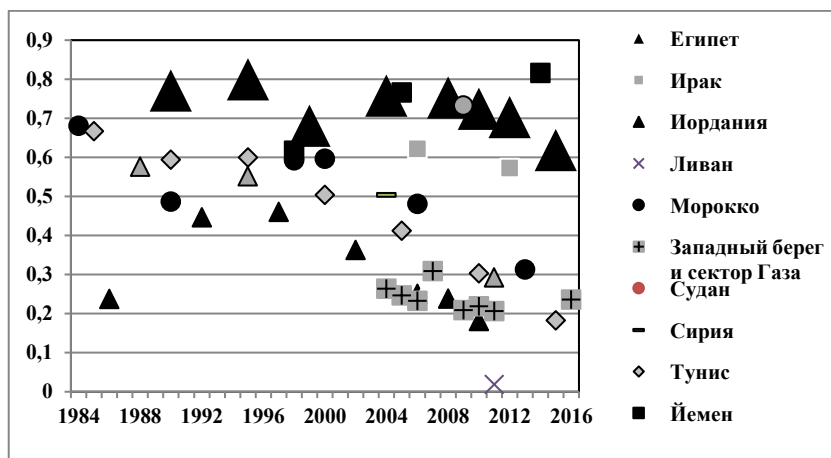
Этот график хорошо иллюстрирует суть низкого неравенства в Египте. Доля людей, живущих менее чем на 1,9 долл. по ППС в день, в Египте на протяжении всего периода наблюдений существенно ниже среднемирового показателя. Доля людей, живущих менее чем на 3,2 долл. по ППС в день, тоже ниже, чем в мире в среднем. Однако доля людей, живущих менее чем на 5,5 долл. по ППС в день, уже превышает среднемировой показатель. Причём в последнее десятилетие – превышает более чем на 10%³⁵.

К аналогичным выводам можно прийти, если сравнивать эти показатели Египта с показателями других арабских стран. Только в Йемене, вследствие начавшейся в стране гражданской войны, доля населения, живущая менее чем на 5,5 долл. по ППС стала превышать таковую в Египте. Примерно равный египетскому показателю был зафиксирован в Судане в 2009 г. (73%; в

³⁵ The World Bank, Data. <https://data.worldbank.org/topic/poverty?locations=EG> (date of application: 30.04.2019).

Египте 73% в 2010 г.). В остальных же странах доля подобного умеренно бедного населения значительно ниже (см. рис. III-9.10).

Рисунок III-9.10. Доля населения, проживающая меньше чем на 5,5 долл. (ППС) в день в не нефтяных арабских странах (1981-2016)

Источник: Всемирный банк.

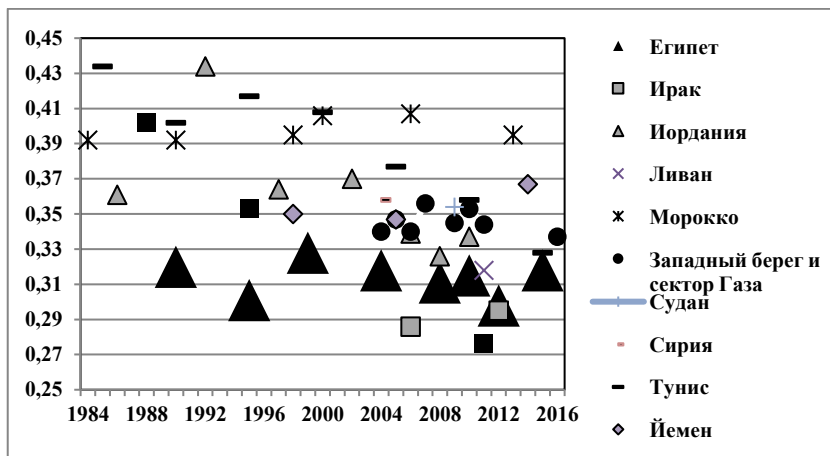
В случае же с долями более бедного населения ситуация обстоит иначе. Доля населения, живущего менее чем на 3,2 долл. в день, в Египте выше, чем в других не нефтяных арабских государствах в среднем. Однако она уже не так значительно превышает соответствующую долю в других арабских странах, как при показателе в 5,5 долл. А доля египтян, пребывающих ещё в большей нищете, живущих в день менее чем на 1,9 долл., уже ниже, чем в нескольких других арабских странах (см. приложение 3.9.2)³⁶.

Наконец, предсказуемые соотношения индексов Джини лишь подтверждают относительно низкий уровень неравенства в

³⁶ The World Bank, Data. <https://data.worldbank.org/topic/poverty?locations=EG> (date of application: 30.04.2019).

Египте по региональным меркам. Более низкое неравенство наблюдается только в Ираке и Алжире (см. рис. III-9.11)³⁷.

Рисунок III-9.11. Индексы Джини не нефтяных арабских стран (1984-2016)

Источник: Всемирный банк.

Таким образом, несмотря на низкий уровень доходов большей части населения, Египет – это страна относительно низкого неравенства. Это значит, что, по меркам других государств, небогато живут не только массы, но и наиболее зажиточные слои общества.

Взаимосвязь регионального неравенства и экономического развития

Исторически наиболее населённые плодородные земли Египта делились на две зоны – Нижний Египет и Верхний Египет, которые были расположены в нижнем и верхнем течении Нила. Нижний Египет располагается в дельте Нила. Он обладал большим количеством территорий, пригодных для сельского хозяйства,

³⁷ The World Bank, Data. <https://data.worldbank.org/topic/poverty?locations=EG> (date of application: 30.04.2019).

однако сложная система взаимодействия различных частей этого региона и внешние связи с другими частями Средиземноморья способствовали урбанизации и развитию ремесла. Верхний Египет помимо плодородных, но не обширных, земель по берегам реки имел транспортную связь с более южными частями Африки, обладавшими большими запасами леса и минеральных ресурсов. Но, несмотря на это, регион использовался в первую очередь как сельскохозяйственный, причём – монокультурный. Там в основном выращивали пшеницу³⁸.

Сквозь века через римское, арабское, турецкое и английское владычество этот порядок сохранялся. Были в истории Египта периоды бурного развития и периоды упадка. Но географические особенности предопределили экономическое устройство региональной структуры этой страны: концентрацию наиболее сложных отраслей экономики в городах Нижнего Египта³⁹.

Сегодня Египет состоит из 27 провинций, имеющих свои органы управления (см. приложение 3.9.3). Также для удобства экономического планирования эти провинции объединены в 7 экономических районов: Большой Каир, район Александрии, район Дельты, район Суэцкого канала, Северный Верхний Египет, Южный Верхний Египет, район Асьют (см. приложение 3.9.4)⁴⁰. Однако ни в литературе, ни в показателях статистических баз данных не было найдено определённых критериев для данной классификации. Главное управление физического планирования, которое предоставило эту классификацию, объясняет её повышением

³⁸ Абрамова И.О. Арабский город на рубеже тысячелетий: (на примере Египта). Отв. ред. А.М. Васильев. М.: Восточная литература – М. 2005. С. 16-17.

³⁹ Абрамова И.О. Арабский город на рубеже тысячелетий: (на примере Египта). Отв. ред. А.М. Васильев. М.: Восточная литература – М. 2005. С. 34.

⁴⁰ الخرائط الجغرافية // الهيئة العامة للتخطيط العمراني. <http://gopp.gov.eg/eg-map> (تاريخ الطلب: 05.05.2019).

эффективности в управлении. Однако не уточняется, в чём именно заключается эта эффективность⁴¹.

При исследовании региональной структуры страны в первую очередь стоит обращать внимание на распределение населения. Самым крупным по численности населения регионом является Каир, располагающийся в верховьях Дельты. Каир окружают регионы, в которых также проживает очень значительное количество людей: Гиза и Шаркия. Большая часть населения страны проживает именно в районе Дельты и нижнего течения Нила. Регионы среднего течения Нила также довольно населены. А вот пустынные восточные и западные районы: Матрух, эль-Вади эль-Гедид, Красное море, Северный и Южный Синай – почти не населены. Несмотря на то, что это самые крупные по территории регионы, в каждом из них проживает не более миллиона человек (см. рис. III-9.12 и приложение 3.9.5).

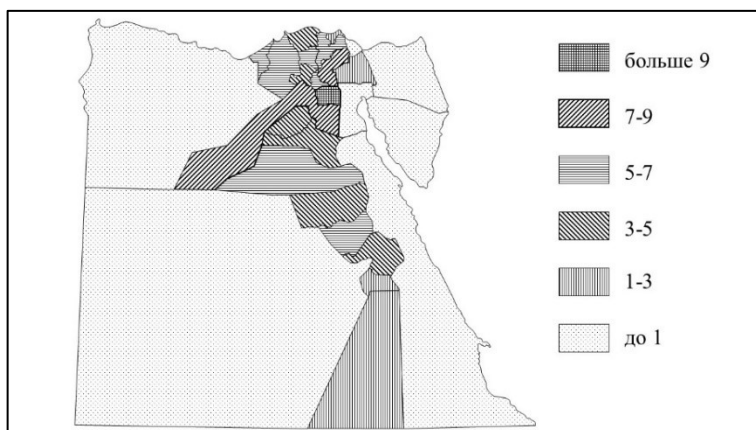
Четыре из 27 регионов Египта – это регионы-города: Каир, Александрия, Порт Саид и Суэц. Регион Красное море тоже крайне высоко урбанизирован, однако в нём есть несколько крупных городов, а не один, как в перечисленных ранее регионах. Наименее урбанизированные регионы страны – это сельскохозяйственные районы в дельте Нила и в среднем его течении (см. рис. III-9.13 и приложение 3.9.5).

Действительно, именно в этих регионах наиболее высока доля людей, работающих в сфере сельского хозяйства. Наиболее вовлечёнными в сельское хозяйство регионами являются Кафр эш-Шейх, Бухейра, Бени-Суэйф и эль-Минья, в то время как в наиболее урбанизированных регионах, а также на Синае и в Матрухе в сельском хозяйстве работает меньше 10% населения (см. рис. III-9.14 и приложение 3.9.5)⁴².

⁴¹ عن الهيئة // الهيئة العامة للنخطيط العمراني. <http://gopp.gov.eg/about> (تاريخ الطلب: 06.05.2019).

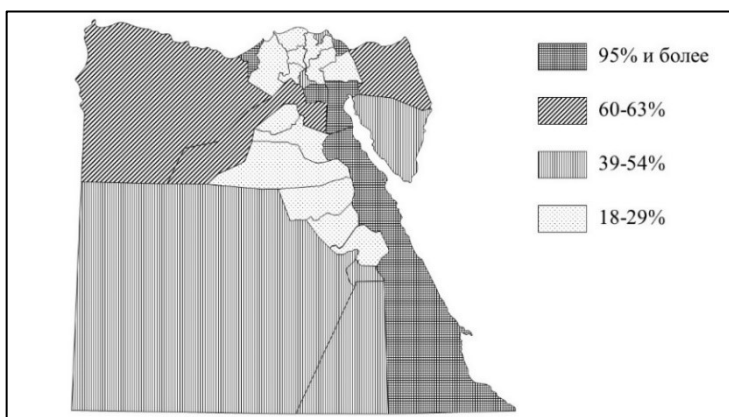
⁴² 4242 الكتاب الإحصائي السنوي 2018. الباب الرابع العملة. الجدول 4: تقديرات المشتغلين (15 سنة فأكثر) طبقاً للنوع والنشاط الاقتصاد (المراجعة الرابعة) بالمحافظات عام 2017. الجهاز المركزي للتعبئة العامة والإحصاء

Рисунок III-9.12. Распределение населения Египта по регионам в 2018 г. (млн чел.)

Источник: Центральное агентство государственной мобилизации и статистики.

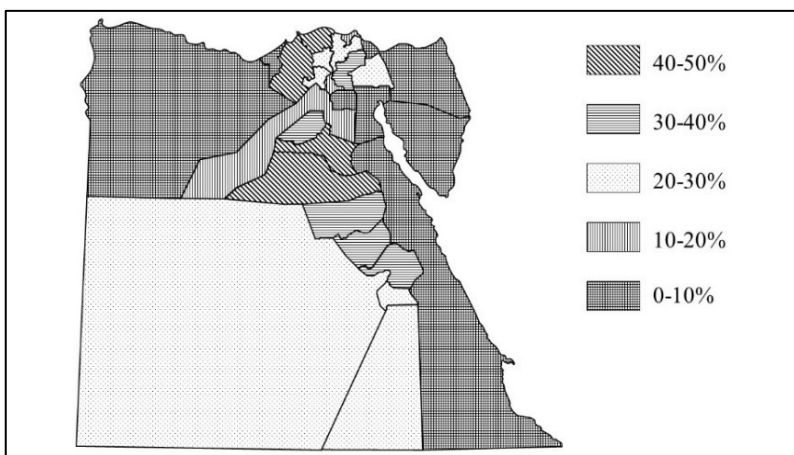
Рисунок III-9.13. Доля населения регионов Египта, проживающего в городах в 2018 г.

Источник: Центральное агентство государственной мобилизации и статистики Египта.

المصري. 2018. http://www.capmas.gov.eg/Pages/StaticPages.aspx?page_id=5034 (تاريخ الطلب: 11.11.2018).

Рисунок III-9.14. Доля работающих в сельском хозяйстве людей от общей рабочей силы в регионах Египта в 2017 г.

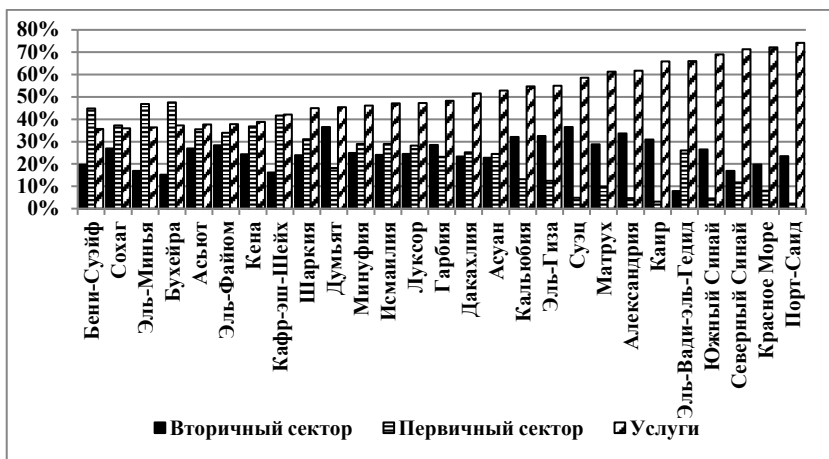
Источник: Центральное агентство государственной мобилизации и статистики Египта.

Для дальнейшего анализа мы опять разбили виды занятости на три категории: первичное производство, вторичное производство и услуги (изначальную классификацию см. в приложении 3.9.6).

Если классифицировать регионы по доле занятых в сфере услуг, то можно обратить внимание, что первые позиции занимают туристические регионы и города. При этом в городах выше доля занятых в промышленности (см. рис. III-9.15).

Как мы можем видеть, в регионах с высокой долей занятости в услугах, довольно низка доля занятости в первичном секторе, в первую очередь – в сельском хозяйстве, и наоборот. При этом доля занятых в промышленности не зависит так явно от долей занятости в других секторах экономики. Это подтверждается парными коэффициентами корреляции между данными показателями (см. приложение 3.9.8).

Рисунок III-9.15. Распределение занятости по секторам экономики в регионах Египта в 2017 г.

Источник: собственные расчёты, Центральное агентство государственной мобилизации и статистики Египта.

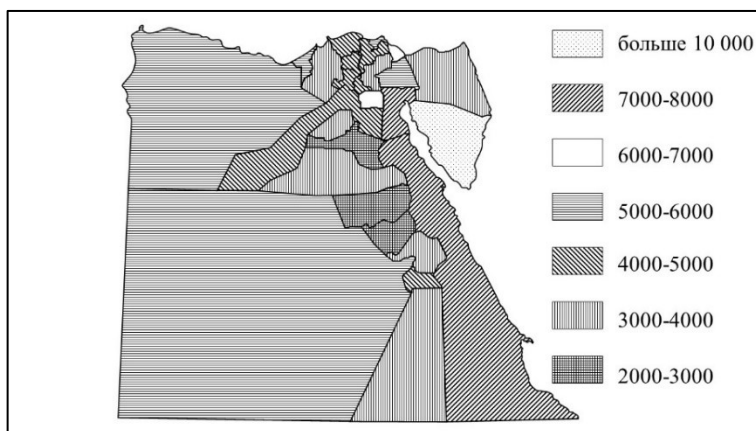
В сельскохозяйственных провинциях страны средние доходы населения ниже, чем в несельскохозяйственных регионах. В этом можно убедиться, если рассмотреть средние доходы регионов за период 2008-2009 гг. Центральное агентство государственной мобилизации и статистики предоставило доступ к данным исследователям, писавшим о возможных погрешностях этих опросов. Они опубликовали данные в своей статье⁴³. Можно увидеть, что наиболее высокие доходы получают жители туристических регионов, расположенных на берегу Красного моря, а также жители городов (см. рис. III-9.16).

Таким образом, мы видим, что в Египте есть более бедные сельскохозяйственные провинции, расположенные в дельте Нила и в среднем его течении, есть более богатые туристические провинции, располагающиеся на юго-востоке страны, есть

⁴³ Hlasny V., Verme P. Top incomes and the measurement of inequality in Egypt . 2016. P. 436.

провинции, созданные вокруг крупных городов, а есть крупные восточные провинции, которые не выделяются ни особо высокими доходами, ни ориентацией на сельское хозяйство.

Рисунок III-9.16. Средние доходы населения регионов Египта в 2008-2009 гг. (египетских фунтов на человека в год⁴⁴)

Источник: Hlasny V., Verme P. Top incomes and the measurement of inequality in Egypt.

Взаимосвязь социальных и экономических показателей в регионах Египта

Для оценки и прогнозирования социального и экономического развития Египта важно понимать, как различные показатели связаны между собой. Для этого был проведён корреляционный анализ набора признаков по провинциям. Были составлены наборы коэффициентов парной корреляции разных показателей (см. приложение 3.9.9 и 3.9.11). Анализ показал, что показатель безработицы не коррелирует с другими признаками. Есть вполне

⁴⁴ По личному сообщению автора

объяснимая отрицательная корреляция с количеством рабочих мест на малых предприятиях в расчете на тысячу человек и с долей работающего населения. Однако даже эти коэффициенты не значимы на 10% уровне значимости (см. приложение 3.9.9). Многие другие показатели плотнее связаны между собой (см. приложение 3.9.11)^{45, 46, 47}.

Во-первых, можно отметить высокую корреляцию между показателями уровня развития инфраструктуры и обеспеченности населения работой. Количество медицинских учреждений и уровень развития транспортной сети непосредственно связаны с количеством создающихся рабочих мест и долей занятого населения.

Во-вторых, плотная корреляция присутствует между показателями, характеризующими качество человеческого капитала: уровень неграмотности, количество людей с университетским образованием, доля работников, занятых в сфере услуг, а также в науке и технологиях отдельно.

Расходы египтян коррелируют с показателями качества человеческого капитала. Доходы тоже коррелируют с этими показателями, но они также довольно плотно коррелируют и с показателями качества инфраструктуры. В частности, плотная корреляция наблюдается между доходами и длиной дорог на человека.

Нужно отметить, что расходы Египтян в 2008/2009 гг. сильнее коррелируют с показателями качества человеческого капитала, чем расходы 2015 г. Вероятно, это связано с тем, что траты

⁴⁵ الكتاب الإحصائي السنوي 2018. الجهاز المركزي للتعبئة العامة والإحصاء المصري. 2018. http://www.capmas.gov.eg/Pages/StaticPages.aspx?page_id=5034 (تاريخ الطلب: 11.11.2018).

⁴⁶ مصر في أرقام. الجهاز المركزي للتعبئة العامة والإحصاء المصري. 2018. http://www.capmas.gov.eg/Pages/StaticPages.aspx?page_id=5035 (تاريخ الطلب: 11.11.2018).

⁴⁷ OAMDI, 2017. Harmonized Household Income and Expenditure. <http://erf.org.eg/data-portal/> (date of application: 14.05.2018).

в прошлом сильнее влияют на нынешнее качество человеческого капитала. Ведь высокие расходы как раз и свидетельствуют о том, что определённые средства были вложены в образование, здравоохранение и другие сферы жизни, которые повлияли на современный уровень жизни людей. Поэтому в дальнейшем анализе будут использованы расходы за 2008/2009 г.

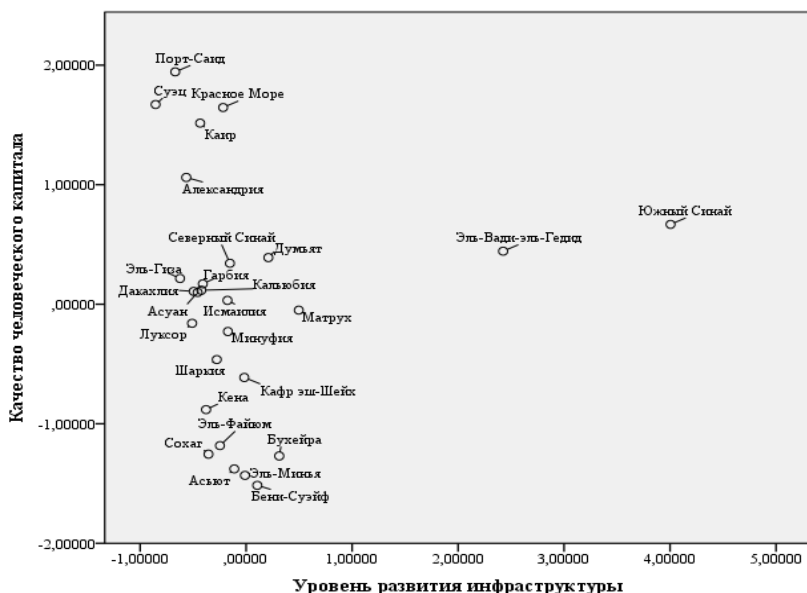
Таким образом, были найдены две группы показателей, коррелирующих между собой и описывающих качество человеческого капитала и уровень развития инфраструктуры, в том числе трудовой. Также было обозначено влияние доходов и расходов населения на эти показатели, однако не было выявлено влияние социально-экономических показателей на современный уровень жизни общества.

Классификация регионов Египта

Для более наглядной и комплексной иллюстрации неравенства между провинциями Египта по рассмотренным в прошлом разделе признакам был проведён кластерный анализ. Но для более однозначного выделения критерия для классификации изученные критерии было решено объединить в факторы с помощью факторного анализа.

Поскольку в Египте лишь 27 регионов, для кластерного анализа нужно было отобрать ограниченное число признаков. Было выбрано 7 признаков, коррелирующих и связанных между собой: средние расходы на человека в год в 2008/2009, уровень неграмотности, доля занятых в сфере услуг, доля работающего населения, длина дорог на человека, количество рабочих мест в малых предприятиях в расчете на тысячу человек, медицинских учреждений также в расчете на тысячу человек.

Рисунок III-9.17. Распределение провинций Египта по факторам уровня развития инфраструктуры и качества человеческого капитала

Источник: собственные расчёты, Центральное агентство государственной мобилизации и статистики Египта, Hlasny V., Verme P.

В ходе факторного анализа с помощью метода главных компонент было выделено две главные компоненты (см. приложение 3.9.7). Однако матрица факторных нагрузок этих компонент не поддаётся интерпретации, поэтому было решено применить вращение методом варимакс с нормализацией Кайзера. Вращение сошло за три итерации (см. приложение 3.9.12). Первый фактор (1) было решено назвать качеством инфраструктуры, хотя существенный вес в нём имеет именно трудовая инфраструктура. Второй фактор (2) было решено назвать качеством человеческого капитала (см. приложение 3.9.12). Распределение регионов по факторам показано на рисунке III-9.17.

Рисунок III-9.18. Распределение регионов Египта по кластерам

Рисунок III-9.18(а) Диаграмма рассеяния

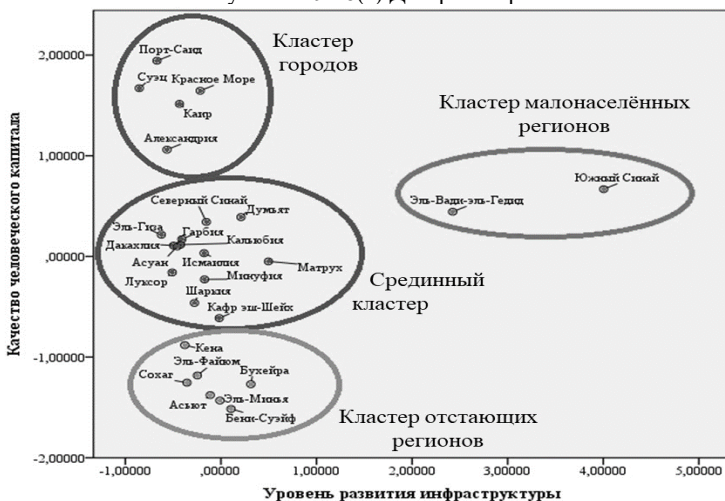
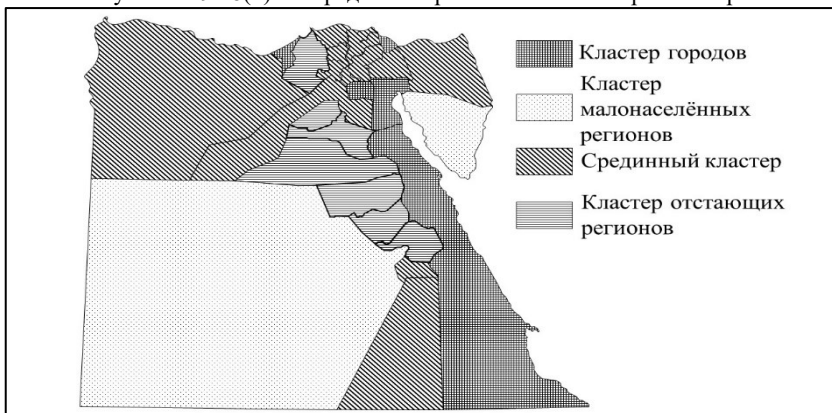

Рисунок III-9.18(б) Распределение регионов по кластерам на карте

Источник: собственные расчёты, Центральное агентство государственной мобилизации и статистики Египта, Hlasny V., Verme P.

Также регионы были классифицированы с помощью кластерного анализа. В данном случае кластерный анализ позволил задать строгие критерии определения принадлежности граничных

наблюдений. С помощью метода Уорда провинции Египта были разделены на четыре кластера (см. рис. III-9.18). Дендрограмму распределения с указанием на расстояния между наблюдениями можно увидеть в приложении 3.9.10.

В первый кластер вошли провинции-города: Каир, Александрия, Суэц, Порт-Саид, а также высоко урбанизированная провинция Красное море, почти всё население которой проживает в нескольких городах. Эти регионы отличаются концентрацией людей с высоким человеческим капиталом, однако, во многом из-за плотности населения, инфраструктурное развитие не соответствует количеству проживающих в этих регионах людей.

Во второй кластер вошли два региона: Южный Синай и эль-Вади эль-Гедид или «Новая долина». Эти два региона в первую очередь отличает низкая населённость, поэтому блага от инфраструктуры достаются населению в большей степени. Оба региона расположены в пустынных районах, поэтому население в меньшей степени занято в сельском хозяйстве. При этом, нужно понимать, что Южный Синай – это один из центров туризма в Египте. Поэтому здесь инфраструктура развита лучше, чем в эль-Вади эль-Гедид, что хорошо видно как на диаграмме рассеяния (см. рис. III-9.18(a)), так и на дендрограмме (см. приложение 3.9.6).

В третий кластер вошли регионы со средними показателями. Это довольно широкий набор провинций, от пустынного Матруха до сельскохозяйственных провинций дельты Нила. Их объединяет относительно высокий уровень человеческого капитала.

В последний же (четвертый) регион вошли бедные сельскохозяйственные регионы, находящиеся в среднем течение Нила, а также Бухейра. В этих регионах уровень развития человеческого капитала очень низкий.

Можно отметить, что по всей стране уровень развития инфраструктуры различается незначительно. Это должно быть связано с тем, что многие признаки, которые стали основой для этого фактора, получались в результате деления изначальных

показателей на население. В результате этого, в бедных и малонаселённых регионах фактор уровня инфраструктуры может быть выше, чем в более богатых, но густонаселённых.

Таким образом, можно констатировать, что Египет, за исключением двух провинций, делится на города и сельскохозяйственные провинции разного уровня развития. Мы видим, что уровень достатка связан с качеством человеческого капитала, сконцентрированного преимущественно в городах. Поэтому для Египта региональное неравенство связано в первую очередь с тем, что исторически в стране сформировалось несколько крупных городов, а остальное население рассредоточилось по сельскохозяйственным провинциям, где хуже развивается человеческий капитал. Экономика Египта, характеризующаяся продолжающейся индустриализацией, низким уровнем неравенства, но высоким уровнем умеренной бедности, продолжает расти, хотя риски, связанные как с недовольством людей относительно их уровня жизни, так и с демографическими циклами, несут определённую угрозу стабильности экономического развития.

§3.10. Современные тенденции развития Арабской Республики Египет

В октябре 2019 г. в Сочи состоялся саммит «Россия–Африка», в котором приняли участие представители 43 африканских государств. Историческое мероприятие прошло под председательством президентов России и Египта. Один из ключевых вопросов, который обсудили стороны – возможное полное восстановление авиасообщения между Россией и Египтом, приостановленное после взрыва пассажирского самолета в октябре 2015 г. Несмотря на то, что возобновление полетов между российскими городами и египетскими курортами неоднократно анонсировалось, окончательное решение вопроса постоянно откладывается. Обсуждение вопроса возможного восстановления авиасообщения становится все более актуальным. Введенные ограничения негативно сказываются на доходах Арабской Республики Египет (АРЕ), в которой за последние десятилетия накопилось много проблем социально-экономического характера.

До начала в Египте арабской весны рост ВВП был относительно стабильным. В 2008 г. президенту Египта Хосни Мубараку и его правительству удалось добиться роста ВВП на 7,156%. В 2010 г., за год до свержения Х. Мубарака, рост составил 5,147%, а после революции держался на уровне всего лишь 2–3%. В 2018 г., в год переизбрания Абдель Фаттах ас-Сиси, рост ВВП составил 5,314% – это лучший результат за 2009–2018 гг.¹

После «Революции 30 июня» 2013 г. в стране наблюдался приток иностранных инвестиций, однако их объем стал постепенно снижаться².

¹ The World Bank. <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG?locations=EG> (29.04.2020);

² The World Bank. https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS?locations=EG&name_desc=true&view=chart (29.04.2020)

Раньше основным источником денежных вливаний в египетскую экономику были арабские страны Персидского залива, заинтересованные в стабилизации ситуации в Египте после свержения Мохаммеда Мурси в 2013 г. Речь идет главным образом об ОАЭ и Саудовской Аравии, которые стремились не допустить возвращения «Братьев-мусульман» во власть. Всего с 2011 г. Египет получил от стран залива помощь в размере 92 млрд долл.: помимо обычных займов сюда вошли беспроцентные кредиты, безвозмездная финансовая помощь и поставки топлива³.

В ноябре 2016 г. МВФ утвердил финансовую помощь Египту в размере 12 млрд долл. при условии проведения экономических реформ⁴. В частности, международная организация требовала от руководства Египта, чтобы оно обеспечило свободное формирование курса египетского фунта. Валютная либерализация, на которую было вынуждено пойти правительство Арабской республики, привела к росту инфляции. Инфляционный пик пришелся на 2017 г., когда значение показателя достигло 30%, и это стало рекордом с 1986 г.⁵ Как результат – начали расти цены на товары и услуги, существенно снизилась покупательная способность населения. После 2017 г. наблюдается постепенное уменьшение роста инфляции. Высокий уровень инфляции – далеко не единственный вызов, с которым сталкивается египетская экономика. Серьезная нагрузка для бюджета АРЕ – большой государственный долг, который в 2018 г. составлял 108% от ВВП Египта, внешний долг

³ 92 مليار دولار دعم خليجي للقااهرة منذ ثورة 25 يناير (Залив поставил Египту 92 млрд долл. после «Революции 25 января») <https://alqabas.com/article/647244-92-مليار-دولار-دعم-خليجي-للقااهرة-منذ-ثور> (29.04.2020)

⁴ International Monetary Fund. <https://www.imf.org/ar/Countries/EGY/Egypt-qandas> (29.04.2020);

⁵ Trading Economics. <https://tradingeconomics.com/egypt/inflation-cpi> (29.04.2020);

достиг 92,6 млрд долл^{6,7}. Выплата процентов по долгу в 2016-2017 гг. составляла 31% бюджета⁸.

Абдель Фаттах ас-Сиси собирался сократить в два раза число бедных к 2020 г., а к 2030 г. ставил амбициозную задачу полностью ликвидировать бедность. Тем не менее, наблюдается тенденция постепенного увеличения доли бедного населения – до 33% в 2018 г. при прожиточном минимуме в 45 долл. в месяц⁹. Сальдо торгового баланса Египта – отрицательное. Численность населения растет слишком быстро, и довольно трудно обеспечить его продовольствием, которое Арабской республике приходится закупать за рубежом. Сейчас Каир – крупнейший импортер пшеницы. Существует и ряд других насущных проблем. Например, становится все более очевидна необходимость модернизации сети железных дорог. Еще один вызов, с которым сталкивается современный Египет – возведение Эфиопией в Африке ГЭС «Хидасэ», которая должна стать крупнейшей гидроэлектростанцией в Африке. Аддис-Абеба возводит на р. Голубой Нил «Плотину великого возрождения Эфиопии». По предварительным подсчетам, в случае успешного завершения проекта, Египет будет получать на 30% воды меньше, а выработка электроэнергии на Асуанской ГЭС уменьшится на 40%¹⁰.

⁶ Trading Economics. <https://tradingeconomics.com/egypt/government-debt-to-gdp> (29.04.2020);

⁷ ديون ثقيلة تضاعف متاعب المصريين في 2019 (Большой госдолг приумножил проблемы египтян в 2019 г.) <https://www.aljazeera.net/news/ebusiness/2019/1/3/مصر-ديون> 2019(29.04.2020);

⁸ A visual guide to the 2016/17 budget. <https://madamasr.com/en/2016/07/19/feature/economy/a-visual-guide-to-the-201617-budget/> (29.04.2020);

⁹ Egypt is reforming its economy, but poverty is rising. <https://www.economist.com/middle-east-and-africa/2019/08/08/egypt-is-reforming-its-economy-but-poverty-is-rising> (29.04.2020);

¹⁰ Деление воды. Вековая история единоличного египетского господства на Ниле подходит к концу. <https://www.kommersant.ru/doc/2978858> (дата обращения: 29.04.2020);

Вероятно, многие проблемы, существующие в египетской экономике, вызваны влиянием на нее военных структур. После Июльской революции, которая произошла в Египте в 1952 г., армия традиционно играет важную роль во всех ключевых сферах общественной жизни, включая экономическую. Министерству обороны АРЕ принадлежат собственные предприятия, которые помогают армии компенсировать расходы на свое содержание. Военные компании освобождены от подоходного налога, налога на имущество, таможенных пошлин и некоторых других сборов. У армии есть и другие преимущества. Например, военные компании могут обменивать иностранную валюту по выгодному курсу, а также практически полностью свободны от гражданского аудита. Военные ведомства и их дочерние компании могут получить государственный заказ без участия в конкурсе, что дает им очевидное преимущество перед конкурентами. Именно армия получает контракты на реализацию крупных государственных строительных проектов, включая «Новый Суэцкий канал», строительство промышленной и портовой зон возле него, и даже возведение новой административной столицы Египта – города «Новый Каир».

В мае 2019 г. президент Республики Абдель Фаттах А-Сиси говорил, что роль военных в реализации крупных промышленных и инфраструктурных проектов исключительно надзорная¹¹. Тем не менее, вовлеченность военных компаний в реализацию проектов только растет. Например, принадлежащая армии компания El Arish Cement Co недавно построила крупнейший в Египте цементный завод стоимостью 1 млрд долл.¹². В настоящее время военные компании работают в молочной, фармацев-

11 (Национальные проекты) المشروعات القومية تنفذها شركات مدنية مصرية ودور أجييش إشرافاً
 реализуют гражданские египетские компании, а армия выполняет надзорную
 роль) <https://www.sis.gov.eg/Story/190562/> مدنية-شركات-القومية-تنفذها-السيسي-المشروعات
 (السيسي-المشروعات-القومية-تنفذها-شركات-مدنية-مصرية-ودور-الجييش-إشرافاً
 lang=ar(29.04.2020);

¹² From war room to boardroom. Military firms flourish in Sisi's Egypt.
<https://www.reuters.com/investigates/special-report/egypt-economy-military/>
(29.04.2020);

тической и транспортной отраслях. Кроме того, они практически монополизировали производство цемента. Египетская армия владеет супермаркетами и отелями, и даже выпускает собственные макаронные изделия.

Отставные и действующие офицеры входят в советы директоров частных компаний и владеют их акциями. Это дает армии возможность управлять предприятиями и получать прибыль, не владея предприятиями напрямую. Некоторые издержки удастся сократить за счет привлечения к производству армейских ресурсов: эксплуатации тяжелых транспортных средств и использования солдат-призывников в качестве дешевой рабочей силы¹³. Довольно часто принадлежащая армии собственность используется не по назначению. Например, военные могут позволить себе сдавать помещения в аренду для проведения свадеб. О коррумпированности армии много рассказывает один из египетских бизнесменов, которому доводилось работать с военными – Мохаммед Али. Он записывает и выкладывает в интернет видео, в которых проливает свет на коррумпированность военных, а также на нерациональное использование контролируемых ими предприятий и ресурсов.

В 2018 г. Абдель Фаттах ас-Сиси принял закон, который освободил военных и связанные с ними компании от гражданского надзора и аудита¹⁴. Принадлежащие Министерству обороны предприятия не публикуют финансовую отчетность, не раскрывают данные о выделяемых государством субсидиях. Работа многих подконтрольных армии компаний не связана с проведением

¹³ From war room to boardroom. Military firms flourish in Sisi's Egypt.
<https://www.reuters.com/investigates/special-report/egypt-economy-military/>
(29.04.2020);

¹⁴ الحكومة توافق على تعديل القانون الخاص بإنشاء صندوق مصر
внести поправки в закон об учреждении Фонда Египта)
<https://www.youm7.com/story/2019/12/26/الحكومة-توافق-على-تعديل-القانون-الخاص-بإنشاء-صندوق-مصر>
(29.04.2020(4561961/صندوق-مصر;

военных операций, финансовая информация о них не раскрывается под предлогом национальной безопасности.

В октябре 2019 г. произошло IPO многих военных предприятий, относящихся к отрасли инфраструктуры сельского хозяйства. Абдель Фаттах Ас-Сиси решился на IPO связанных с военными компаний, так как пытался восстановить авторитет армии и улучшить инвестиционный климат. Выход компаний на фондовый рынок должен дать возможность простым египтянам владеть акциями компаний. Для того, чтобы компания была зарегистрирована на фондовой бирже, она должна выполнить ряд условий, среди которых – раскрытие информации о капитале, прибыли, источниках финансирования, расходах и налогах. При этом для предприятий, принадлежащих военным, египетские власти делают исключение. Закономерно, что инвесторы опасаются покупать ценные бумаги компаний, принадлежащих военным.

Отсутствие гражданского контроля не позволяет рационализировать деятельность компаний, принадлежащих армии. Закрытость контролируемых военными предприятий, предоставляемые льготы и возможность обходить бюрократические барьеры способствуют росту уровня коррупции. Все это сдерживает рост производительности и инвестиционной активности, а выделение военным большого объема денежных средств на реализацию мегапроектов в областях индустрии и жилищного строительства, не позволяет направлять ресурсы на другие отрасли экономики. В результате подрывается динамика рынка, а доля частного сектора в экономике практически не растет. Еще в сентябре 2017 г. МВФ предупреждал, что вовлеченность в экономику подконтрольных Министерству обороны Египта компаний может препятствовать созданию новых рабочих мест и развитию частного сектора¹⁵. Вмешательство армии в экономику создает недобросовестную конкуренцию, от чего страдают как гражданские предприниматели, так

¹⁵ Egyptian Army Outrageous Expenditures Impact Already Troubled Economy. By Nada Fayad. <https://insidearabia.com/egyptian-army-outrageous-expenditures-impact-already-troubled-economy/> (29.04.2020);

и конечный потребитель. Во многом именно засилье военных в экономике не позволяет Египту сделать рывок вперед и выйти из того глубокого экономического кризиса, в котором Арабская республика сейчас находится.

Примечательно, что рост экономики происходит не за счет ее структурного изменения, а за счет реализации индустриальных мегапроектов. Сейчас в Египте возводится крупнейшая в Африке атомная электростанция – АЭС «Эль-Дабаа». Рекордный заказ в истории мировой атомной отрасли получила российская компания Росатом. Россия и Египет подписали контракт о строительстве крупнейшей АЭС на африканском континенте в 2017 г., по предварительным данным его сумма должна составить почти 30 млрд долл. Примечательно, что большую часть этой суммы, 25 млрд долл., покрывает кредит, выданный Россией под 3% годовых¹⁶. Таким образом, выполнение Арабской республикой своих финансовых обязательств не должно нести серьезной нагрузки для бюджета страны. Интересно то, что проект направлен на реализацию комплекса проблем как экономической, так и социальной сферы. Во-первых, АЭС станет важнейшим источником электроэнергии. Во-вторых, государство сможет обеспечить египтян новыми рабочими местами. Помимо возведения станции, Россия обязалась подготовить египетских специалистов в российских вузах, чтобы потом они смогли работать на АЭС.

Самый крупный мегапроект, задуманный Абдель Фаттахом ас-Сиси – новая административная столица Египта «Новый Каир». Ее открытие планировалось на 2020 г., однако в связи с распространением коронавирусной инфекцией египетское руководство приняло решение о переносе открытия города на 2021 г. Новую столицу строят для того, чтобы разгрузить переполненный «Большой Каир», в котором, по разным оценкам, проживает от 10 до 20 млн человек. Общая стоимость проекта – 58 млрд долл.,

¹⁶ АЭС «Эль-Дабаа» в Египте – что стоит за самым масштабным проектом Росатома? <http://www.iarex.ru/articles/55143.html> (дата обращения: 29.04.2020);

из которых 4,5 млрд долл. приходится на китайские инвестиции¹⁷. В январе 2019 г. здесь были открыты самые большие в стране мечеть и христианский храм. «Новый Каир», по замыслу Абдель Фаттаха ас-Сиси, станет первым египетским «умным городом», полным видеокамер и сенсоров. В новом административном центре Египта будут самые большие в Африке небоскребы. В ближайшее время сюда переедут все министерства, а после переезда 50 тыс. чиновников, в город начнут заселять и других жителей старой столицы. Однако у египетского руководства нет уверенности, что люди, живущие в «Большом Каире», захотят переехать в новую административную столицу. Она находится всего лишь в 30 км от старой, и можно предположить, что люди будут ездить на работу в новый город, не покидая привычное место проживания.

Другой мегапроект – «Новый Суэцкий канал». Канал является главной транспортной артерией Египта. Его эксплуатация приносит казне весомую долю доходов, занимающую второе место после доходов от туризма¹⁸. Модернизация канала, в которую входило расширение и углубление русла, обошлась бюджету в 8,2 млрд долл¹⁹. По итогам проведенных работ удалось существенно сократить простой судов. Интересно то, что реализация проекта «Нового Суэцкого канала»²⁰ финансировалась в основном за счет средств, полученных в результате продажи египтянам

¹⁷ Egypt's new desert capital faces delays as it battles for funds. <https://www.reuters.com/article/us-egypt-new-capital/egypts-new-desert-capital-faces-delays-as-it-battles-for-funds-idUSKCN1SJ10I> (29.04.2020);

¹⁸ Новый Суэцкий «канал процветания»: Египет надеется на экономическое чудо. <https://www.dw.com/ru/новый-суэцкий-канал-процветания-египет-надеется-на-экономическое-чудо/a-18632632> (дата обращения: 29.04.2020);

¹⁹ \$8,2 млрд в воду: зачем Каиру новый Суэцкий канал. <https://www.rbc.ru/politics/07/08/2015/55c3c59c9a794740812e0728> (дата обращения: 29.04.2020);

²⁰ Egypt's 'gift to the world' cost \$8 billion and probably wasn't necessary. <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2015/08/06/egypts-gift-to-the-world-cost-8-billion-and-probably-wasnt-necessary/> (29.04.2020);

облигаций с доходностью 12% годовых²¹. Этому предшествовала развернутая властями большая рекламная кампания, в которой покупка облигаций преподносилась как долг перед Родиной, в исполнении которого египтянам следует принять участие. Несмотря на то, что русло Суэцкого канала было углублено и расширено, проект не принес ожидаемых экономических выгод. Наоборот, доходы от эксплуатации канала снизились впервые за несколько лет. Так, в 2014 г. они составляли 5,5 млрд долл., затем упали до 5 млрд долл. в 2016 г. – всего 5 млрд долл., и только в 2018 г. вернулись на прежний уровень.

«Новый Суэцкий канал» – проект, который реализовывался при активном содействии со стороны Пекина. При участии Китая активно модернизируется инфраструктура Египта, готовится к запуску китайская экономическая зона в районе Суэцкого канала, которая находится на востоке от египетского города Порт-Саид. Общий объем инвестиций в 192 проекта зоны составит 25 млрд долл., еще 55 млрд долл. инвестируют позже, в ближайшие 15 лет²². Предполагается, что эксплуатация экономической зоны будет способствовать индустриальному развитию Египта и оживлению деловой активности в стране.

В последние годы, после свержения египетского президента Мохаммеда Мурси летом 2013 г., экономическое сотрудничество Египта с Китаем значительно расширилось и укрепилось. Сейчас Китайская народная республика (КНР) – крупнейший экспортер для Египта. Так, в 2017 г. экспорт достиг 8,07 млрд долл., что составило 13% всего импорта АРЕ²³. В то же время, стоимость

²¹ حصيلّة بيع شهادات إستثمار السويس قناة «تتجاوز التوقعات» (Прибыль от продажи облигаций Суэцкого канала «превысила ожидания») http://www.bbc.com/arabic/business/2014/09/140921_suez_canal_investments (29.04.2020);

²² Celebrating the 4th anniversary of the New Suez Canal Inauguration. https://www.suezcanal.gov.eg/English/MediaCenter/News/Pages/sca_06-08-2019.aspx (29.04.2020);

²³ The Observatory of Economic Complexity. https://oec.world/en/profile/country/egy/#Trade_Balance (29.04.2020);

импортируемых из Египта в Китай товаров составила всего лишь 1,19 млрд долл²⁴. Импортируемые арабской республикой товары отличаются разнообразием: Пекин поставляет синтетические волокна (4,8%), телекоммуникационное оборудование (4,7%), телефоны (3,8%) и ряд других технологичных товаров²⁵. В основные статьи египетского экспорта в Китай входит сырая нефть (63%), мрамор, травертин и алебастр (8,1%), а также цитрусовые фрукты (6,1%)²⁶.

Египет – государство, обладающее уникальным географическим положением, что делает его важным связующим звеном между Индийским океаном и Средиземным морем. Китай в лице премьера Государственного совета КНР Ли Кэцзяна в 2015 г. заявил о необходимости активизации деятельности Китая в Балтийском, Черном и Адриатических морях²⁷. Неудивительно, что средиземноморье сейчас становится одним из ключевых направлений внешней политики Поднебесной. Активная политика в регионе соответствует выдвинутой в 2013 г. концепции «Экономического пояса Шелкового пути», цель которого – усовершенствовать существующие и создать новые торговые пути, транспортные и экономические коридоры, связывающие более 60 стран Старого Света. Данный проект направлен на развитие торгово-экономических отношений Китая с другими государствами. В морской путь «Пояса и пути» помимо Египта входят и другие страны, включая Италию и Грецию. Однако здесь Китай встречается с серьезным противодействием со стороны стран ЕС, лидеры которых воспринимают

²⁴ The Observatory of Economic Complexity. https://oec.world/en/profile/country/egy/#Trade_Balance (29.04.2020);

²⁵ The Observatory of Economic Complexity. https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/chn/egy/show/2017/c (29.04.2020);

²⁶ The Observatory of Economic Complexity. https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/egy/chn/show/2017/ (29.04.2020);

²⁷ European Council on Foreign Relations. China and the Mediterranean: Open for Business? 2017. P. 2. https://www.ecfr.eu/page/-/China_Analysis_June_2017.pdf (29.04.2020);

инициативу «Один пояс, один путь» как угрозу для европейских экономик. С Египтом, который уже долгие годы не может выйти из глубокого социально-экономического кризиса, Пекину договориться гораздо проще.

В декабре 2014 г., во время визита президента Египта Абдель Фаттаха ас-Сиси в КНР, было сделано совместное заявление о совпадении интересов КНР при создании «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского шелкового пути XXI в.» Стороны договорились расширять сотрудничество в ряде отраслей, таких как строительство, аэрокосмическая промышленность, ядерная энергетика и альтернативные источники энергии. Главы государств заявили, что считают необходимым интенсифицировать обмен опытом в области государственного администрирования, что по факту означает обращение Египта к китайской модели управления. С тех пор встречу между председателем КНР Си Цзиньпином и президентом АРЕ Абдель Фаттахом ас-Сиси проходят на регулярной основе, иногда – по несколько раз в год. В ходе них главы государств подтверждают стратегический характер сотрудничества во всех ключевых сферах, включая экономическую.

В декабре 2019 г. в Китае началась эпидемия коронавируса COVID-19. 14 февраля 2020 г. в Египте был зарегистрирован первый случай заражения коронавирусной инфекцией. АРЕ оказалась не готова к борьбе с эпидемией. В стране катастрофически не хватало тестов для обнаружения инфицированных. Как и все другие страны, Египет был вынужден предпринимать меры для борьбы с вирусом. В Арабской республике были временно закрыты кинотеатры, театры и зоопарки, в стране был введен комендантский час. Из-за эпидемии COVID-19 на 2021 г. было перенесено открытие «Нового Каира», Большого египетского музея и других крупных проектов. Но самое главное – было прекращено международное авиасообщение. Вскоре начали закрываться курорты, специальные службы стали проводить дезинфекцию египетских достопримечательностей. Все это не могло не отразиться на туристической отрасли экономики. И те финансовые потери, которые Арабская

республика понесла из-за пандемии коронавируса, еще только предстоит оценить. Стоит отметить, что в странах Европейского союза, США и многих других государствах, столкнувшихся с коронавирусом, эпидемия вызвала экономический кризис. По и без того хрупкой экономике Египта тоже был нанесен серьезный удар. Так, за март 2020 г. валютные резервы АРЕ были сокращены на 5 млрд долл²⁸. В связи с эпидемией COVID-19 египетский фондовый рынок (EGX) рухнул, зафиксировав самое большое падение среди всех арабских фондовых рынков, и потерял 95 млрд египетских фунтов (около 5,5 млрд долл)^{29,30}. Был нанесен удар по военным компаниям, акции которых находятся в свободном обращении. Туристический сектор экономики заработал на практически нулевой прибыли, при том что это – ключевая статья доходов египетского бюджета.

В феврале 2020 г. было объявлено о том, что численность населения Египта перешагнула психологическую отметку в 100 млн человек³¹. Президент АРЕ однажды сказал, что две главные проблемы, с которыми приходится сталкиваться Арабской республике – это терроризм и рост населения, и это заявление не лишено оснований³². За считанные десятилетия численность населения АРЕ увеличилась в разы, при этом в стране крайне

²⁸ Валютные резервы Египта сократились на \$5 миллиардов из-за COVID-19/
<https://ria.ru/20200408/1569722781.html> (дата обращения: 29.04.2020);

²⁹ Egypt's stock market suspends trade on 79 shares as market dips below 5% decline benchmark/ <http://english.ahram.org.eg/NewsContent/3/12/365371/Business/Economy/Egypt's-stock-market-suspends-trade-on--shares-as-.aspx> (29.04.2020);

³⁰ البورصة المصرية تخسر 95 مليار جنيه في أسبوع (Египетская фондовая биржа потеряла 95 млрд фунтов за неделю) <https://www.youm7.com/story/2020/3/19/البورصة-المصرية-تخسر-95-مليار-جنيه-في-أسبوع-ومؤشر-ها-يتراجع/4679110> 29.04.2020 (29.04.2020);

³¹ 10 ملايين يسكنون القاهرة .. وتعداد مصر 100 مليون نسمة..
Население Египта превысило 100 млн человек)
<https://www.alhurra.com/egypt/2020/02/11/10-100-ملايين-يسكنون-القاهرة-وتعداد-مصر-100-مليون-نسمة/>
29.04.2020 (29.04.2020);

³² Высокая рождаемость разоряет Египет.
<https://vz.ru/amp/world/2017/10/19/891663.html> (дата обращения: 29.04.2020).

ограничены возможности развития сельского хозяйства. Учитывая то, как быстро растет население Египта, можно предположить, что АРЕ в ближайшем будущем не будет хватать водных ресурсов, столь необходимых для функционирования ирригационной системы страны.

Кризисная ситуация, в которой оказался Египет, формировалась на протяжении последних нескольких десятилетий. Одна из основных причин кризиса – демографический взрыв. Остаются проблемы, связанные с обеспечением растущего населения продовольствием. В стране по-прежнему высокий уровень безработицы, особенно среди молодежи. Государство пытается обеспечить трудоспособное население рабочими местами, в основном за счет реализации крупных проектов, таких как «Новый Каир», «Новый Суэцкий канал», экономическая зона в районе Суэцкого канала, Большой египетский музей и других. Тем не менее, египетскому руководству не всегда удается привлечь достаточно инвестиций, приходится постепенно наращивать и без того большой государственный долг.

Предполагаются, что развитие индустриальных и инфраструктурных проектов приведет к промышленному развитию страны. Однако экономическая целесообразность мегапроектов вызывает большие сомнения. Ситуация с падением доходов от эксплуатации Суэцкого канала наглядно показывает, что проекты могут и не принести желаемый результат. Крупные индустриальные и инфраструктурные проекты, реализуемые правительством, направлены на долгосрочную перспективу.

Можно предположить, что ставка на крупные проекты – это ошибка, ведь они оттягивают на себя много ресурсов. Отдавая им приоритет, руководство страны лишает денежных средств другие проекты, которые могли бы принести египтянам ощутимые экономические улучшения. Помимо строительства безусловно важных объектов, таких как АЭС и предприятий экономической зоны Суэцкого канала, необходимо проводить структурные изменения экономики. Контракты на реализацию крупных проектов

отдают армии, и это усиливает влияние военных на экономику и мешает сделать шаг вперед. Вмешательство армии в экономические процессы не дает Египту построить устойчивую систему рыночной экономики с добросовестной конкуренцией и сформировать благоприятный инвестиционный климат.

Египет сейчас переживает довольно сложный, если не судьбоносный период своего развития. Насколько успешна будет его борьба с новыми и старыми вызовами – покажет время. Пока можно лишь констатировать, что в Египте начинается новая волна социально-экономического кризиса. Скорее всего, Китай попытается воспользоваться ситуацией и усилит свое влияние на Арабскую республику.

§3.11. Современные социально–экономические вызовы в Пакистане на фоне эпидемии COVID–19

Первый вызов, с которым столкнулось правительство во главе с премьер-министром Имран Ханом, пришедшее к власти в июле 2018 г., это была надвигавшаяся угроза кризиса платежного баланса. Рост бюджетного дефицита упал до уровня 6%–6.6% ВВП в 2017-2018 финансовом году (завершился 30 июня 2018 г.). Казна не досчиталась 8 млрд долл., для погашения внешнего долга¹. В спешном порядке руководство страны обратилось за финансовой помощью к Королевству Саудовская Аравия (КСА), Малайзии, Китаю, а также к Международному валютному фонду (МВФ). Помощь была предоставлена поздней осенью 2018 и весной 2019 г., однако, каждый адресат выдвигал свои условия. Исламабад, будучи в крайне сложных обстоятельствах, соглашался.

Международный валютный фонд (МВФ) еще в начале 2020 г. с удовлетворением отмечал положительные тенденции в пакистанской экономике, которые стали результатом мер, принятых правящей администрацией по достижению бюджетной консолидации и макроэкономической стабильности. Однако аналитики все еще называли экономику страны «хрупкой»². Совокупный долг и финансовые обязательства Пакистана на конец декабря 2019 г. превышали 41 трлн рупий, что было эквивалентно почти 94% ВВП страны³.

¹ PM to visit three friendly countries in two weeks.

<https://www.dawn.com/news/1440552/pm-to-visit-three-friendly-countries-in-two-weeks> (дата обращения 23.10.2018).

² IMF backs govt package for construction sector.

<https://www.dawn.com/news/1550965/imf-backs-govt-package-for-construction-sector> (дата обращения: 21.04.2020).

³ UNSG endorsed PM call for debt relief: FM Qureshi. <https://tribune.com.pk/story/2201708/1-uns-g-endorsed-pm-call-debt-relief-fm-qureshi/> (дата обращения: 19.04.2020).

Эпидемия COVID-19 нанесла беспрецедентный удар по мировой экономике, особые потрясения переживали весной 2020 г. развивающиеся страны, включая Пакистан. Иностранные инвесторы вновь стали выводить капитал из страны. Начиная с середины марта до конца апреля 2020 г. на долговом рынке Пакистана они частично сократили резервы на сумму около 2,69 млрд долл. В свою очередь власти использовали валютные резервы для погашения внешнего долга⁴. Срочно требовалась помощь внешних доноров.

Аналитики МВФ заявляли, что Пакистан «...сталкивается с беспрецедентными медицинскими и экономическими потрясениями, вызванными быстрым распространением вспышки COVID-19. Прогнозируется резкое снижение экономического роста на 1,5% в 2020 финансовом году, сокращение объемов экспорта, де-нежных переводов, а также снижение налоговых поступлений. Учитывая временную потерю доступа к внешним рынкам, вновь остро встает вопрос о платежном балансе (ПБ). В дополнение к этому ожидается усиление давления на государственные финансы в связи с незапланированным и резким увеличением расходов на здравоохранение и принятыми мерами для смягчения последствий эпидемии»⁵.

Система здравоохранения большинства стран, включая Пакистан, как показал опыт, не были подготовлены к подобным атакам. Эпидемия стала экзаменом не только отечественной медицине, но и всей системе государственного управления, выстроенной правящей администрацией. В одночасье центральное провинциальные правительства были поставлены перед необходимостью

⁴ Pakistan receives \$1.39b from IMF to cope with coronavirus. <https://tribune.com.pk/story/2204604/2-pakistan-receives-1-39b-imf-cope-coronavirus/> (дата обращения: 23.04.2020).

⁵ Pakistan : Request for Purchase Under the Rapid Financing Instrument-Press Release; Staff Report; and Statement by the Executive Director for Pakistan. <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2020/04/16/Pakistan-Request-for-Purchase-Under-the-Rapid-Financing-Instrument-Press-Release-Staff-49342> (дата обращения: 17.04.2020).

оперативно развернуть медицинские учреждения с надлежащим оборудованием и провести карантинные мероприятия в национальном масштабе. Система здравоохранения современного Пакистана – один из самых слабых социальных институтов страны, который однозначно не обладал требуемыми ресурсами. Власти достаточно быстро приняли решение об увеличении расходов на здравоохранение и разработали ряд мер по усилению социальной поддержки населения.

Основной удар по защите населения от эпидемии уже в первые дни оперативно взяли на себя подразделения федеральной армии⁶. Начальник штаба армии генерал Камар Джавед Баджва отдал приказ ускорить операции, чтобы помочь гражданской администрации⁷ и оказать максимальную помощь в доставке критически важных ресурсов, чтобы смягчить страдания людей в отдаленных районах таких как Гилгит-Балтистан, Азад Джамму и Кашмир, а также внутренние районы Синда и Белуджистана⁸.

Опыт борьбы с эпидемией в Испании, Италии, Китае, Корее, России показал, что наиболее эффективным оружием против вируса являются мероприятия, направленные на предотвращение его распространения: локализация и социальное дистанцирование. Это в свою очередь породило ситуацию, которая требовала урегулирование нарастающего конфликта между мерами по предотвращению распространения COVID-19 и мерами по поддержанию слабеющей экономики.

⁶ PM Imran, General Qamar visit ISI headquarters. <https://tribune.com.pk/story/2205260/1-pm-imran-general-qamar-visit-isi-headquarters/> (дата обращения: 23.04.2020).

⁷ Countering coronavirus: COAS Bajwa directs Army to speed up assistance to civil administration. <https://www.thenews.com.pk/latest/632432-coas-bajwa-directs-army-to-fast-track-help-to-civil-administration-to-counter-coronavirus> (дата обращения: 21.03.2020).

⁸ PRESS RELEASE 231st Corps Commanders' Conference chaired by General Qamar Javed Bajwa, Chief of Army Staff (COAS) held today at Rawalpindi. Rawalpindi - April 07, 2020 No PR-55/2020-ISPR. <https://www.ispr.gov.pk/press-release-detail.php?id=5680> (дата обращения: 07.04.2020).

Сложное решение должен быть принять премьер-министр И.Хан в первых числах апреля 2020 г. – объявить в стране карантин или в противном случае в ответ на его бездействие страна столкнется с высоким уровнем смертности⁹.

Запоздалые меры.

Правительство, хотя и с запозданием, предприняло действия, направленные на сдерживание распространения эпидемии: объявило о введении режима самоизоляции и меры по поддержанию экономики¹⁰. Сразу следует оговориться, что меры по самоизоляции в стране не соблюдались населением и не могли соблюдаться в силу разных причин. Например, большое количество бездомных людей, особенно те, которые проживают в песчаных пещерах за окружной линией и в портовой зоне в Карачи, они вряд ли даже слышали о карантине.

Несмотря на неоднократные призывы главы кабинета министров И.Хана к населению оставаться дома, в то же время он сам защищал решение своего правительства открыть двери мечетей в священный месяц Рамазан. Объясняя свою позицию, он подчеркивал, что Пакистан является «независимой нацией», и граждан нельзя остановить от посещения мест отправления культа¹¹.

В стране остро ощущалась нехватка медицинской инфраструктуры, койко-мест, квалифицированного персонала, оборудования и требуемого количества тестеров и защитных препаратов. Исламабад достаточно быстро наладил импорт необходимого медицинского оборудования, включая защитные комплекты и тестеры, вентиляторы, тепловые сканеры.

⁹ Pakistan faced with dilemma of starvation and lockdown: PM Imran Khan. <https://nation.com.pk/04-Apr-2020/pakistan-faced-with-dilemma-of-starvation-and-lockdown-pm-imran-khan> (дата обращения: 04.04.2020).

¹⁰ An open letter to political parties and the government. <https://nation.com.pk/26-Mar-2020/an-open-letter-to-political-parties-and-the-government> (дата обращения: 26.03.2020).

¹¹ Can't stop people from visiting mosques: PM. <https://nation.com.pk/22-Apr-2020/can-t-stop-people-from-visiting-mosques-pm> (дата обращения: 22.04.2020).

Вслед за генштабом, одним из первых государственных учреждений, который оперативно отреагировал на известие о надвигавшейся на страну эпидемии, было внешнеполитическое ведомство. Во-первых, сотрудники пожертвовали более 10 млн рупий личных средств в специальный фонд премьер-министра; во-вторых, МИД запустил специальное приложение, благодаря которому Исламабад круглосуточно поддерживал связь с 117 миссиями в разных странах и пакистанцами, находившимися за рубежом. Эта мера была крайне важна, так как с вводом карантинных мер в аэропортах многих стран застряли сотни пакистанцев, не имевших возможности вылететь на родину. В первые дни карантина в Министерство иностранных дел поступило 39 748 заявлений от пакистанцев со всего мира. Постепенно благодаря принятым дипломатами мерам число возвращавшихся пакистанцев на родину стало увеличиваться с 2000 до 7000 человек в неделю.

Сложная ситуация сложилась на пакистано-афганской границе. В связи с закрытием пакистано-афганской границы из-за угрозы COVID-19 сотни пакистанских граждан оказались «в ловушке» в Афганистане. И только в середине апреля 2020 г. стороны договорились открыть контрольно-пропускной пункт в Торхаме для прохода населения и проезда грузовиков.

Уже первые ограничительные меры в стране привели к резкому сокращению внутреннего потребления (учитывая, что спрос в последние два года снижался в силу ряда причин); а также спровоцировали падение экспорта по подсчетам экономистов на 15%–20%. и, как результат, к массовой безработице¹².

Даже временная приостановка торговли лишила миллионы граждан средств к существованию; у них не было другого выбора, кроме как ждать помощи и финансовой поддержки от государства, благотворительных организаций или частных лиц.

¹² How Pakistan's economy can grow post COVID-19. <https://tribune.com.pk/story/2201394/6-pakistans-economy-can-grow-post-covid-19/> (дата обращения: 19.04.2020).

Одновременно премьер-министр Имран Хан подчеркивал невозможность полной остановки промышленных предприятий и торговли, учитывая, разрушительные последствия, как для экономики страны, так и для среднего и бедного слоев общества.

Одной из основных экспортных статей Пакистана остается хлопок и изделия из хлопчатобумажной ткани¹³. Тем сложнее было для руководства большинства предприятий в марте 2020 г. столкнуться с отменой уже выполненных заказов. По заявлению Пакистанской ассоциации экспортеров текстиля более 50 % экспортных заказов, готовых к отправке, были задержаны импортерами в нескольких странах, особенно в Европе, где большинство городов оказались заблокированными из-за вспышки COVID-19. В связи с этим руководство нескольких компаний приняло непростое решение увольнять работников, в основном наемных¹⁴.

Ситуация в стране усугублялась резким сокращением денежных переводов от пакистанцев, работавших за рубежом¹⁵. Одним из таких крупных источников в последние годы стал Катар, небольшое государство Персидского залива, где быстрыми темпами росло число приехавших пакистанцев. Согласно местным СМИ в последние годы диаспора насчитывала 125 000 тысяч человек, и высказывались предположения об увеличении этой цифры еще на 100 000 в ближайшие годы. Трудовая миграция, увеличение числа иностранных рабочих в этой стране объяснялось потребностью местного строительного рынка в преддверии Чемпионата мира по футболу в 2022 г. Исламабад воспользовался увеличением

¹³ Каменев С.Н. История экономических процессов в Пакистане (XX – начало XXI в.). ISBN 978-5-89282-909-0 М.: 2019.

¹⁴ Textile exporters say order cancellations growing.
<https://www.dawn.com/news/1542563/textile-exporters-say-order-cancellations-growing> (дата обращения: 21.03.2020).

¹⁵ Замаева Н.А. Трудовая миграция Пакистана в странах Персидского залива: проблемы и вызовы // Сб. статей. Нестабильность геостратегического пространства в странах Ближнего, Среднего и Дальнего Востока: актуальные проблемы. М. ИВ РАН. 2019. ISSN 2658-5367 С.152-162.

квоты Дохи на дешевую рабочую силу, которую направлял на строительство спортивных сооружений¹⁶.

Но уже в апреле 2020 г. эти планы рухнули как в Катаре, так и в других странах Персидского залива из-за остановок коммерческих предприятий в связи с эпидемией, а также на фоне падения цен на сырую нефть. Работу потеряли нескольких тысяч низкоквалифицированных рабочих в строительном секторе¹⁷.

В урбанизированных центрах страны власти открыли карантинные центры. Например, только в Исламабаде их насчитывалось шестнадцать. В борьбу с вирусом включились благотворительные и неправительственные организации, а также частные лица, которые безвозмездно оказывали помощь малоимущим слоям населения. Они раздавали деньги и распределяли продовольственные пайки. Например, Женская ассоциация выделила 1000 масок N-95, защитные комплекты, перчатки и щитки для врачей Мултана.

В ответ на кризис правительство Пакистана приняло меры, чтобы остановить распространение вируса, и ввело пакет экономических стимулов, направленных на покрытие расходов, необходимых для решения чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения и поддержки экономической деятельности. Важно, что власти увеличили расходы на здравоохранение и укрепление программ социальной защиты, чтобы обеспечить немедленную помощь наиболее нуждающимся слоям населения.

Премьер-министр И.Хан создал Специальный фонд по борьбе с коронавирусом, в который большое количество людей жертвовало деньги. Однако даже эти первые мероприятия были недостаточны, требовались масштабные общенациональные действия - укрепление системы социальной защиты и одновременно

¹⁶ Envoy says Qatar to provide jobs to 100,000 Pakistanis. <https://www.the-news.com.pk/print/464086-envoy-says-qatar-to-provide-jobs-to-100-000-pakistanis> (дата обращения – 28.04.2019).

¹⁷ Pakistan, Qatar ink three MoUs. <https://tribune.com.pk/story/1998417/1-pakistan-qatar-ink-three-mous/> (дата обращения – 24.06.2019).

разработка мероприятий по поддержке бизнеса. Это был час «X» и для населения, и для экономики страны.

С задержкой, конечно, но правительство разработало план по стимулированию внутреннего спроса, запустив Программу экстренной раздачи наличности Ehsaas, в рамках которой власти раздавали каждой малообеспеченной семье 12 000 рупий наличными для покупки продуктов питания и предметов первой необходимости в период карантина. Общая сумма Программы 144 млрд рупий. Конечно, этого было недостаточно, учитывая, во-первых, что 25% населения живет за чертой бедности, и, во-вторых, еще миллионы граждан ждали своей очереди на материальную помощь, так как их частная предпринимательская деятельность или торговля пострадали из-за карантина¹⁸. Но эта мера имела не только финансовой, но и социальный характер. Власти опасались, что массовое голодание могло спровоцировать социальный взрыв, но это было недопустимо.

Следующим общенациональным мероприятием федерального правительства была объявлена программа стимулирования общественных работ. Имелось в виду расширение строительного сектора экономики, который, согласно заявлению властей, ставил целью увеличение количества рабочих мест при одновременном повышении внутреннего спроса (привлечь больше инвестиций для строительного блока). Однако власти оговорились, что объявленная амнистия для инвестиций в строительный сектор носит временный характер до нормализации обстановки¹⁹. Немногим позднее, 20 апреля 2020 г., Международный валютный фонд поддержал открытие трудоемкого сектора, который дал работу тысячам наемным рабочим.

¹⁸ No room for complacency <https://nation.com.pk/18-Apr-2020/no-room-for-complacency> (дата обращения: 19.04.2020).

¹⁹ IMF backs govt package for construction sector. <https://www.dawn.com/news/1550965/imf-backs-govt-package-for-construction-sector> (дата обращения: 21.04.2020).

*Экономические и социальные вызовы в ответ на
карантинные меры.*

Финансовой и экономической помощи населению явно не хватало. В ответ на введенные ограничения Ассоциация трейдеров провинции Синд выдвинула ультиматум провинциальному правительству в трехдневный срок отменить действовавший уже несколько дней режим самоизоляции, введенный в связи с коронавирусом. Они обвинили власти всех уровней в том, что трейдерам не были предоставлены льготы (снижение счетов за электричество и газ, аренду, а также беспроцентные кредиты)²⁰.

В сложившихся условиях власти столкнулись с мародёрством, а также сокрытием товаров первой необходимости. Во избежание социального кризиса федеральное правительство в середине апреля 2020 г. одобрило постановление о проверке запасов продовольствия и медикаментов в условиях распространения коронавируса. Предусматривалось судебное наказание сроком на три года и конфискация ряда наименований товаров, укрываемых с целью накопления: пшеницы, сахара, муки, топленого масла, дезинфицирующих средств, масок для лица и других предметов первой необходимости²¹.

Действия властей также не остались без внимания и Верховного суда (ВС). Коллегия судей ВС подверглась критике действия членов федерального правительства за отсутствие прозрачности, в частности при распределении финансовой помощи населению. Например, центральные власти выделили провинциям более 9 млрд рупий. Однако, как заявил главный судья ВС Гульзар Ахмед распределялись они бесконтрольно и «непрозрачно». Он также обратил внимание властей на необходимость бесплатного

²⁰ Traders give govt three days to lift coronavirus lockdown. <https://tribune.com.pk/story/2202162/1-traders-give-govt-three-days-lift-coronavirus-lockdown/> (дата обращения: 20.04.2020).

²¹ Govt introduces new hoarding ordinance amidst spread of coronavirus. <https://nation.com.pk/19-Apr-2020/govt-introduces-new-hoarding-ordinance-amidst-spread-of-coronavirus> (дата обращения: 20.04.2020).

содержания граждан в карантинных центрах или больницах в случае, если они финансово не в состоянии оплатить пребывание²².

Международный аспект.

Эпидемия коронавируса стала глобальной проблемой, и решать ее необходимо было совместными усилиями всех стран. Самостоятельно восстановить экономику Исламабад был уже не в состоянии. Высокие темпы заразившихся COVID-19 и одновременно крайне ограниченные ресурсы еще в марте 2020 г. убедили премьер-министра И. Хана обратиться к мировому сообществу рассмотреть возможность списания займов для развивающихся стран, таких как Пакистан, с целью обеспечения выделения ресурсов для борьбы с эпидемией. Он подчеркнул важность облегчения бремени развивающихся стран, учитывая их долги с тем, чтобы обеспечить распределение ресурсов для спасения жизней и предотвращения экологического спада²³. Генеральный секретарь ООН Антонио Гутерриш положительно отреагировал и поддержал призыв премьер-министра И. Хана об облегчении бремени задолженности развивающихся стран после пандемии коронавируса²⁴.

На встрече министров финансов стран G-20 15 апреля 2020 г. также было принято решение в пользу бедных и наименее развитых стран приостановить выплату основной суммы и процентов сроком на один год. Всемирный банк и МВФ обещали оказать указанным странам финансовую помощь. Эти договоренности, поддержанные Парижским клубом кредиторов, вступили в силу с 1 мая 2020 г.

²² No transparency in govt measures to combat virus, says CJP Gulzar Ahmed. <https://www.dawn.com/news/1550759/no-transparency-in-govt-measures-to-combat-virus-says-cjp-gulzar-ahmed> (дата обращения: 20.04.2020).

²³ FM Qureshi calls for debt write-off relief to developing nations. <https://tribune.com.pk/story/2181400/1-fm-qureshi-calls-debt-write-off-relief-developing-nations/> (дата обращения: 22.03.2020).

²⁴ UNSG endorsed PM call for debt relief: FM Qureshi. <https://tribune.com.pk/story/2201708/1-ung-endorsed-pm-call-debt-relief-fm-qureshi/> (дата обращения: 19.04.2020).

МВФ с первых дней анализировал ситуацию на внутреннем рынке Пакистана и начал оказывать поддержку в решении социально-экономических проблем, связанных с COVID–19. МВФ планировал несколько программ. Одна из них – программа под названием «Инструмент быстрого финансирования»/ИБФ, рамках которой Исполнительный совет МВФ одобрил выплату Пакистану 1,386 млрд долл. для решения проблемы пандемии²⁵ и устранения экономических последствий шока COVID–19.

Уже 23 апреля 2020 г. Пакистан получил чрезвычайный кредит в размере 1,39 млрд долларов в рамках программы ИБФ МВФ. Валютные резервы страны достигли месячного максимума, превышающего 12 млрд долл. Это в свою очередь помогло рупии восстановить позиции против доллара США, учитывая, что в первой декаде апреля 2020 г. валютные резервы резко упали до четырехмесячного минимума – 10,97 млрд долл.²⁶.

По оценке МВФ влияние COVID-19 на пакистанскую экономику приведет к увеличению государственного долга, сокращению объемов импорта²⁷, снижению сумм денежных переводов, а также сбора налогов; темпы экономического роста замедлятся до 1,5%²⁸. Именно в этом контексте выделенные средства в рамках программы «Инструмент быстрого финансирования», как считают в МВФ, помогут Пакистану покрыть финансовую брешь.

²⁵ IMF Executive Board Approves a US\$ 1.386 Billion Disbursement to Pakistan to Address the COVID-19 Pandemic PRESS RELEASE NO. 20/167.

<https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/04/16/pr20167-pakistan-imf-executive-board-approves-disbursement-to-address-covid-19> (дата обращения: 16.04.2020).

²⁶ Pakistan receives \$1.39b from IMF to cope with coronavirus. <https://tribune.com.pk/story/2204604/2-pakistan-receives-1-39b-imf-cope-coronavirus/> (дата обращения: 23.04.2020).

²⁷ IMF backs govt package for construction sector. <https://www.dawn.com/news/1550965/imf-backs-govt-package-for-construction-sector> (дата обращения: 21.04.2020).

²⁸ IMF backs govt package for construction sector. <https://www.dawn.com/news/1550965/imf-backs-govt-package-for-construction-sector> (дата обращения: 21.04.2020).

В результате COVID-19 страна оказалась на пороге социально-экономической неопределенности с длительным периодом чрезвычайного реагирования. И, как результат, это приведет к глобальной рецессии, и в дальнейшем страна столкнется с серьезным продовольственным кризисом. В этих обстоятельствах международные кредиторы, такие как МВФ, будут пересматривать свою роль и должны выступить в качестве социально-экономического спасителя, чтобы обеспечить «стабильность» развивающихся стран²⁹.

Известно, что из-за ограничительных мер в связи с эпидемией по оценкам МВФ мировой ВВП сократится на 3 %³⁰. Этот кризис станет самым резким спадом глобальной экономики со времен Великой депрессии. Необходимые ограничительные меры по борьбе с вирусом и методы социального дистанцирования привели к тому, что мир оказался в состоянии «Великого карантина». Кризис и последующее восстановление могут стоить мировой экономике около 9 трлн долл. Это больше чем совокупный ВВП Германии и Японии. По прогнозам экономистов, частичное восстановление экономики возможно лишь в 2021 г. При этом, как отмечают экономисты, этот процесс напрямую зависит от развития ситуации с коронавирусом: от эффективности мер сдерживания пандемии, а также разработки вакцины и лекарства. Эти факторы трудно предсказать.

Специалисты МВФ заявляют, что «несмотря на высокую степень неопределенности, ожидается, что краткосрочный экономический эффект от COVID-19 будет значительным, и это потребует больших бюджетных затрат и внешнего финансирования»³¹.

²⁹ IMF backs govt package for construction sector.
<https://www.dawn.com/news/1550965/imf-backs-govt-package-for-construction-sector> (дата обращения: 21.04.2020).

³⁰ <https://news.mail.ru/society/41489532/?frommail=1> 22.04.2020).

³¹ IMF Executive Board Approves a US\$ 1.386 Billion Disbursement to Pakistan to Address the COVID-19 Pandemic PRESS RELEASE NO. 20/167.

Однако поддержка МВФ поможет обеспечить защиту от сокращения международных резервов и обеспечить финансирование бюджета для целевого и временного увеличения расходов для целей сдерживание пандемии и смягчения ее экономического воздействия.

Многие в Пакистане задавались вопросом – как экономика Пакистана будет восстанавливаться после COVID–19? Общее мнение сводилось к ее реформированию. И первыми действиями в этом направлении – должна быть предпринята реструктуризация глобальных цепочек логистики (в первую очередь из-за напряженности в отношениях между США и Китаем). Это делается, чтобы привлечь иностранных инвесторов и выделить ресурсы для новых отраслей экономики.

COVID–19, как это не парадоксально, открывает перспективные геополитические и экономические возможности для Пакистана. Следует, конечно, пояснить этот тезис. Вашингтон принимает решение о выводе американских войск из Афганистана в более сжатые сроки с учетом быстрого и неконтролируемого распространения эпидемии в этой стране. Вывод войск был подтвержден еще 29 февраля 2020 г. Соглашением о мире в Афганистане между Исламским Эмиратом Афганистан, который не признан Соединенными Штатами как государство и известное как Талибан и Соединенными Штатами Америки³².

Учитывая, что Исламабад на протяжении многих лет поддерживает представителей вооруженной оппозиции из Движения Талибан в Афганистане, то дальнейшее ослабление внимания США к внутриафганскому диалогу, открывает простор для

<https://www.imf.org/en/News/Articles/2020/04/16/pr20167-pakistan-imf-executive-board-approves-disbursement-to-address-covid-19> (дата обращения: 16.04. 2020).

³² Agreement for Bringing Peace to Afghanistan between the Islamic Emirate of Afghanistan which is not recognized by the United States as a state and is known as the Taliban and the United States of America. <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/Agreement-For-Bringing-Peace-to-Afghanistan-02.29.20.pdf> (дата обращения: 29.02.2020).

маневра Исламабада в регионе. Это означает, что Афганистан в перспективе будет открыт для проектов китайской Инициативы Пояса и Пути³³, экономический выигрыш от которых получит Исламабад³⁴.

В то же время еще в период эпидемии COVID-19 Пакистана получил важные политические дивиденды. Они касались Кашмира. Сразу две международные организации – Европейский парламент (ЕП) и Организация Исламская Конференция (ОИК) выступили в поддержку кашмирцев, проживающих в контролируемой Индией части Кашмира.

Напомним, что премьер-министр Индии Н. Модии объявил в конце марта 2020 г. режим самоизоляции первоначально сроком на 21 день, позднее режим был продлен до 3 мая 2020 г. В реальности это означало экономическую и социальную блокаду региона. Действия Индии в Кашмире весной 2020 г. являются, по мнению Европарламента и ОИК, продолжением односторонних шагов Индии в Кашмирском вопросе, начиная с августа 2019 г., т.е. отмены особого статуса спорной территории в августе 2019 г.

Группа всех партий Европейского парламента приняла Совместное заявление относительно ситуации с правами человека в условиях пандемии коронавируса в «оккупированных Индией Джамму и Кашмире»³⁵. Организация подчеркнула необходимость выполнения Индией соответствующих резолюций Совета Безопасности ООН и Генеральной Ассамблеи по Джамму и Кашмиру, а также рекомендаций, содержащихся в докладах Верховного

³³ КНР и проблемы мирного урегулирования в Афганистане // Проблемы Дальнего Востока 2019. Выпуск 3. С. 43-55. . <http://ras.jes.su/pdv/s013128120005264-1-1> (дата обращения: 25.06.2019). Код статьи S013128120005264-1-1 DOI 10.31857 / S013128120005264-1 <https://ras.jes.su/pdv/s013128120005264-1-1>

³⁴ CPEC. A precursor to regional economic growth and stability/ Editor Zafar Iqbal Cheema. China studies & information center (CSIC) Strategic vision Institute (SVI) Islamabad. ISBN 978-069-9907-04-3. 2019. P.325.

³⁵ Draft declaration on the right to international solidarity The General Assembly, <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Solidarity/DraftDeclarationRightInternationalSolidarity.pdf> (дата обращения: 17.04.2020).

комиссара ООН по правам человека в 2018 и 2019 гг. В них поднимались вопросы защиты основных прав человека населения Джамму и Кашмира и реализации права на самоопределение; также содержались призывы к индийской стороне соблюдать Международный пакт о гражданских и политических правах и Пакт об экономических, социальных и культурных правах.

Более того, Европарламент подчеркнул, что использует свои прямые и косвенные дипломатические каналы и «... никакое торговое соглашение не будет достигнуто, если ситуация с правами человека (и особенно положение заключенных) будет ухудшаться в Джамму и Кашмире, и если Индия с помощью силовых действий продолжит осуществлять запланированные демографические изменения вопреки международному праву и резолюциям Организации Объединенных Наций по Кашмиру»³⁶. Заявление Европарламента резонансное, учитывая, что в прошлом эта международная организация дистанцировалась, занимала нейтральную позицию и избегала называть контролируруемую Индией часть Кашмира «оккупационной территорией».

С аналогичным заявлением выступила и Независимая постоянная комиссия по правам человека Организации Исламской Конференции (ОИК), Она высоко оценила коллективные глобальные меры против пандемии COVID-19 и настоятельно призвала «...все заинтересованные стороны международного сообщества обеспечить благополучие и защиту прав маргинальных слоев, особенно тех, кто живет в условиях иностранной оккупации или в зонах конфликта, а также мигрантов, беженцев и лиц, ищущих убежище»³⁷. В коммюнике подчеркивалось, что «...случаи

³⁶ Draft declaration on the right to international solidarity The General Assembly. <https://www.ohchr.org/Documents/Issues/Solidarity/DraftDeclarationRightInternationalSolidarity.pdf> (дата обращения: 17.04.2020).

³⁷ OIC-IPHRC appreciates the collective global response against the COVID-19 pandemic and urges all concerned in the international community to ensure the wellbeing and protection of the rights of the marginalized segments in particular those living under foreign occupation or in conflict zones, migrants, refugees and asylum seekers

заболеваемости и смертельных исходов уже зарегистрированы в таких районах, как оккупированная Палестина, оккупированные Индией Джамму и Кашмир, мусульмане-рохинья в Мьянме и группы беженцев в разных частях мира.

Неутешительные прогнозы.

Пакистану потребуется несколько лет для выхода из глубокого экономического кризиса. Его следствием станет обнищание значительной части населения страны. Предпринятые правительством жесткие меры по сдерживанию распространения коронавируса и одновременно мероприятия по поддержке малообеспеченных слоев населения в рамках очень ограниченных ресурсов явно недостаточны. И власти открыто говорили об этом. Но главная опасность для правительства премьер-министра И. Хана впереди – как, каким образом вернуть доверие общества. Отсутствие этого доверия в недавнем прошлом приводило к смене правящих элит. Пакистан не может себе позволить себе в дни испытаний.

ГЛАВА IV.

ТРАНСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

§4.1. Международный транспорт Японии в условиях глобализации

В конце 1970-х гг. резко увеличилось свободное перемещение через национальные границы капиталов, товаров, информации. Роль транспорта и связи в ускорении этих процессов, имманентных глобализации, несомненна. Другими словами, процесс глобализации, охвативший большинство стран мира, самым тесным образом связан с развитием международной транспортной инфраструктуры. Как отмечает профессор Токийского университета И. Ёкота, «благодаря научно-техническому прогрессу в таких областях, как транспорт и связь, растущим масштабам и транснациональному характеру экономической деятельности, а также свободному передвижению людей, товаров, денег и информации через государственные границы, проблемы, которые отдельно взятые страны привыкли считать внутренними, глобализировались»¹.

Одним из очевидных проявлений глобализации является значительное расширение международных экономических отношений, включая торговлю. Так, если в 1970 г. мировой экспорт составлял 313,7 млрд долл. (США), а импорт – 331,9 млрд долл., то уже в 1980 г. – 1 995,1 млрд долл. и 2 048,4 млрд долл. соответственно. В 2018 г. экспорт исчислялся уже 19,5 трлн долл.².

¹ Japan Review of International Affairs. Tokyo, 1999, p. 89.

² Japan Review of Maritime Transport. Tokyo, 2019.

Быстрый рост международной торговли не возможен без ускоренного развития и повышения эффективности функционирования международного транспорта. Однако эти процессы происходят по-разному в отдельных странах.

Таблица IV-1.1. Международные грузовые перевозки
(в тыс. тонн и млн тонно-км)

Год	Морской транспорт	Авиационный транспорт	
	тыс. тонн	тыс. тонн	млн тонно-км
1990	597 822	620	4 288
1995	703 606	857	5 596
2000	739 377	1 188	7 389
2005	779 108	1 319	7 711
2010	819 075	1 323	6 658
2015	1 056 143	1 402	7 947
2016	1 018 441	1 529	8 412
2017	997 068	1 750	9 700

Источник: Ун'ю Кэйдзай Токэй Ёран. Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма. Токио, 2019.

В Японии – стране, расположенной на четырех основных и тысячи мелких островов протяженностью около 4 тыс. километров, основным, если не сказать единственным, видом международного транспорта, обеспечивающим грузоперевозки, является морской (см. табл. IV-1.1). Причина такой однобокой модели кроется не только в особенностях географического положения, но и в стратегии транспортного развития Страны восходящего солнца. Еще в начале 1970-х гг. во главу угла этой стратегии ввиду ограниченности финансовых ресурсов был положен избирательный подход. В соответствии с ним определялись основные направления научно-технического развития отдельных отраслей транспорта и выделение тех его видов, которые будут получать приоритетную поддержку государства. В области международного грузового транспорта такой приоритет получил морской, а не авиационный

транспорт. В результате доля последнего в перевозках внешнеторговых грузов до сих пор ничтожно мала – 0,2%.

Господствующая роль морского транспорта в перевозках грузов объясняется, помимо вышеуказанных причин, еще и следующими обстоятельствами. Во-первых, авиаперевозки, хотя и обеспечивают большой выигрыш во времени, но всегда дороже по цене. Во-вторых, преобладающую долю в импорте Японии, стране бедной на полезные ископаемые и отличающейся низкой самообеспеченностью сырьем, составляют крупногабаритные объемные грузы, которые оптимально перевозить сухогрузами и танкерами. В-третьих, в отличие, например, от Англии, которая соединена с континентом евротоннелем через Ла-Манш, Япония по известным политическим соображениям, затягивает обсуждение и строительство с Россией так называемого Северо-Японского коридора, который соединил бы сеть авто- и железных дорог Страны восходящего солнца с общеевропейской сетью железных и автодорог.

Самым наглядным проявлением глобализации является свободное перемещение товаров, людей, информации и капиталов через национальные границы. В связи с этим остановимся на вопросе изменения доли товаров международной торговли в общем объеме товаров, погруженных и отгруженных в японских морских портах.

Из таблицы IV-1.2 следует, что доля внешнеторговых грузов, погруженных и отгруженных в портах, от общего объема всех обработанных грузов увеличилась с 30% в 1990 г. до 45% в 2017 г.

Хотя за период 1990–2017 гг. валовый объем всех морских грузов внешней и внутренней торговли сократился на 14%, но объем внешнеторговых грузоперевозок увеличился на 27%. Этот рост объясняется следующими факторами. До 2002 г. японская экономика переживала рецессию. В 2002–2007 гг., т.е. до начала мирового финансово-экономического кризиса, полюсом роста японского промышленного производства стало машиностроение.

Но именно транспортное, общее и электромашиностроение составляют львиную часть японского экспорта.

Таблица IV-1.2. Объем грузов, обработанных в портах
(тыс. gross-тонн)

Год	Всего	Международная торговля	Внутренняя торговля
1990	3 252 616	968 976	2 283 640
1995	3 418 410	1 071 084	2 347 326
2000	3 177 771	1 137 401	2 040 370
2005	3 174 267	1 226 323	1 947 944
2010	2 807 754	1 235 348	1 572 406
2015	2 811 967	1 253 432	1 558 536
2017	2 781 775	1 238 384	1 543 391

Источник: Ун'ю Кэйдзай Токэй Ёран. Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма. Токио, 2019.

В то же самое время другие (преимущественно неэкспортные) производства показывали умеренный рост или вообще стагнировали. Начавшийся в 2008 г. мировой финансово-экономический кризис больно ударил почти по всем отраслям народного хозяйства Японии, но накопленный за предыдущий период потенциал машиностроительных отраслей позволил смягчить его воздействие, что и отразилось на показателях роста при ретроспективном анализе за рассматриваемый временной период.

Импортные грузы состоят, в основном, из продукции добывающей, пищевой, легкой промышленности, сельского хозяйства. Как правило, это продукция отраслей невысоких технологий. С 1990 по 2016 гг. грузооборот импортных грузов увеличился на 14%.

Физический объем экспортных грузов, состоящий преимущественно из продукции отраслей высоких технологий (производство ЭВМ, компьютеров, телекоммуникаций и т.д.) или приближающихся к ним (автомобилестроение, электробытовой техники, станков с ИПУ) увеличился на 35%.

Географическая структура экспорта за рассматриваемый период времени также претерпела определенные изменения. Значительно увеличилась доля Азии в общем объеме грузоперевозок (с менее 40% до свыше 50%) за счет роста торговли с Китаем. Торговля с НИЭ и странами АСЕАН стагнирует, а с США объемы перевозок грузов сокращаются.

Анализ структуры обработанных в портах грузов показывает, что по многим товарам импорта степень зависимости от внешнего рынка возросла лишь незначительно. За счет разгружаемых в портах грузов страна удовлетворяет потребность в свинцовой и цинковой руде, алюминиевых сплавах, а также соли, сахара и пшеницы на 80%. Импорт покрывает 99% спроса на нефть, природный газ, каменный уголь и 100% потребности страны в бокситах, никелевой руде, фосфоритах. Вместе с тем, в удачно вписавшейся в процесс глобализации Японии номенклатура загруженных в международных портах экспортных грузов постоянно изменялась в сторону увеличения удельного веса товаров с высокой добавленной стоимостью, технологически сложных и наукоёмких. Существенно выросла доля автомашин, деталей, электроники, оборудования, составившая вместе со сталью 52% всех отгруженных в международных портах товаров³.

Рассмотрение специфики морского транспорта должно обязательно включать вопрос о портах. Если местные морские порты расположены повсеместно по территории Японии, то основные международные порты (всего их – 23⁴) и другие главные порты (102) распределены крайне неравномерно в зависимости от значимости экономического района в народном хозяйстве. Так, шесть экономических районов острова Хонсю, на которые приходится большая часть площади населения и производства страны, обладают самыми крупными, хорошо оснащенными и

³ Ун'ю Кэйдзай Токэй Ёран. Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма. Токио, 2019.

⁴ В конце 1980-х их было 21.

высокотехнологичными портами. Но и среди этих шести районов главными являются Канто, Токай и Кинки. Роль остальных экономических районов в международных транспортных перевозках значительно меньше.

Основные японские порты, расположенные в крупных прибрежных равнинах, представляют собой не только современные высокоавтоматизированные и механизированные транспортные узлы. Они концентрируют вокруг себя крупные промышленные и транспортно-логистические центры. По сути дела, эти портовые города являются едиными огромными транспортно-промышленными комплексами. Появление таких комплексов обязано строительству в 1950-х гг. гигантских предприятий обрабатывающей промышленности, прежде всего тяжелой, химической, нефтеперерабатывающей и др., вблизи портов. «Симбиоз» больших морских портов и промышленных предприятий оптимизировал территориальную структуру транспорта и промышленности, особенно связанной с мировым рынком, повысил эффективность производства и снизил себестоимость продукции.

Некоторые из воздвигнутых в портовых зонах гигантских промышленных комбинатов построены не просто на морском побережье, а на специально намытых для этих целей площадях. Наиболее яркий этому пример – крупнейший металлургический комбинат на Внутреннем Японском море Фукуяма, сооруженный на намывной территории площадью в 900 га. Он спланирован таким образом, что весь технологический процесс осуществляется на территории между причалами, где разгружается преимущественно импортное сырье и топливо, и причалами, на которых отгружается готовая продукция. Динамика грузооборота основных международных портов представлена в таблице IV-1.3.

Из 23 японских портов четыре (Иокагама, Кавасаки, Токио и Тиба) находятся в экономическом районе Канто, расположенном на тихоокеанском побережье Японии. Здесь находится основной промышленный центр Японии – Кэйхин (Токио – Иокогама).

Таблица IV-1.3. Грузооборот основных портов в 2016 г.
(тыс. гаросс. тонн)

Порты и гавани	Всего между- народные и внутренние перевозки	Международные перевозки		
		Всего	Экспорт	Импорт
Томакомай	47 479	17 033	1 067	15 966
Муроран	19 941	10 354	1 190	9 164
Сендайсиогама	47 479	15 499	2 385	13 114
Тиба	154 333	92 337	9 529	82 808
Токио	85 954	48 102	13 368	34 734
Кавасаки	81 969	53 048	9 007	44 041
Иокогама	109 124	68 933	30 625	38 308
Ниигата	30 367	15 069	1 020	14 049
Фукусикитояма	6 392	4 420	937	3 483
Симидзу	14 964	10 092	3 869	6 223
Нагоя	193 257	128 476	52 714	75 762
Иоккаити	61 408	40 536	4 234	36 302
Сакансенбоку	74 093	30 331	4 655	25 676
Осака	82 029	34 112	9 363	24 749
Кобе	98 314	51 726	23 307	28 419
Химедзи	35 389	22 604	883	21 721
Вакаямасимоцу	37 921	22 803	5 081	17 722
Мизусима	86 747	55 121	9 489	45 632
Хиросима	14 465	6 476	4 694	1 782
Симоносеки	4 128	2 412	1 076	1 336
Токуямакудамацу	48 350	18 496	3 176	15 320
Хаката	33 790	17 379	7 062	10 317
Китакоюсю	98 527	32 354	7 215	25 139
Итого	1 533 504	797 713	205 946	591 767

Источник: Ун'ю Кэйдзай Токэй Ёран. Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма. Токио, 2019.

В портах района Канто отгружается продукция транспортного, общего и электромашиностроения, нефтепродукты, металлические изделия, текстиль. На специализированных причалах района Канто разгружаются импортируемая железная руда, сжиженный газ, сырая нефть и нефтепродукты, уголь, продовольствие.

Крупнейшим портом района Канто является порт Тиба. Порт Токио связан с портами Иокогама и Кавасаки каналом

Кэйхин. Они образуют единый транспортно-промышленный комплекс. Район обслуживается еще целым рядом портов, крупнейшие из которых Касима и Хитати являются транспортно-промышленными зонами. На юго-западе от района Канто по тихоокеанскому побережью находится район Токай. В районе находятся крупнейший в Японии международный порт и промышленно-транспортный узел страны – Нагоя, а также крупные порты Иоккайти и Симидзу. Порт Иоккайти специализируется на разгрузке нефти, а построенные на его территории огромные нефтеперерабатывающие и нефтехимические заводы отгружают свою продукцию на местные рынки и за границу в этом же порте. На прилегающих к порту Симидзу территориях расположены заводы по производству нефтепродуктов, оборудования, алюминия, целлюлозы. Порт является транспортным узлом международного и внутреннего значения.

Экономический район Кинки, находящийся еще юго-западнее района Токай, обслуживается портами Осака, Кобе, Химедзи, Сакаисенбоку и рядом других менее крупных портов. Крупнейшим в районе Кинки международным портом является порт Кобе. Основные статьи вывоза продукции за границу – автомашины и оборудование, металл и металлические изделия, удобрения, лес, текстиль. Ввозятся из-за рубежа – сырая нефть и нефтепродукты, руда, продовольствие.

Осака – один из крупнейших промышленных и транспортных узлов не только района Кинки, но всей Японии. Через порт Осака ввозятся нефтепродукты, уголь, известняк, зерно, продовольствие. Вывозится продукция транспортного машиностроения, удобрения, металлоизделия, цемент.

Назначение порта Сакаи – разгрузка импортной нефти.

Основные порты трех других экономических районов о. Хонсю, а также порты Хоккайдо, Кюсю и Сикоку, входящие в группу 23 основных портов Японии, также заслуживают специального рассмотрения, но формат главы в монографии не позволяет этого.

Таким образом, в условиях глобализации произошли значительные изменения в перевозках грузов морским транспортом. Но глобализация характеризуется и свободным перемещением людей через национальные границы. Спецификой Японии, в которой рынок иностранной рабочей силы был в 1950–1960-е гг. почти совсем закрыт, является медленный переход к свободному рынку в ходе глобализации. Зарубежной рабочей силе была уготована второстепенная роль. Она занимает периферийное положение на японском рынке труда. При этом и количественно анклав иностранной рабочей силы самый незначительный по сравнению с другими промышленно развитыми странами. И все же международные перевозки пассажиров растут и не только за счет туризма. Растет число деловых поездок, в том числе происходит и миграция рабочей силы.

Таблица IV-1.4. Международные пассажирские перевозки
(количество пассажиров и млн пассажиро-км)

Год	Морской транспорт	Авиационный транспорт	
	тыс. пассажиров	тыс. пассажиров	млн пасс.-км
1990	206	10 884	50 695
1995	290	13 797	68 883
2000	469	19 249	96 829
2005	580	17 909	83 127
2010	630	14 565	63 352
2015	–	18 254	82 105
2016	–	20 505	90 400
2017	–	22 144	97 522

Источник: Ун'ю Кэйдзай Токэй Ёран. Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма. Токио, 2019.

Отсутствие данных о пассажирских перевозках с 2011 г. объясняется скорее не экономико-статистическими, а морально-психологическими причинами. В результате крупнейшего в истории Японии разрушительного землетрясения и цунами 2011 г. сильно пострадал пассажирский морской транспорт, погибло

много людей. Тем не менее есть все основания полагать, что уже к 2020 г. доля морского транспорта в международных пассажирских перевозках превысит показатель 2010 г.

Из таблицы IV-1.4 следует, что международные пассажирские перевозки осуществляются, в основном, авиационным, а не морским транспортом. Однако с 1990 по 2010 гг. доля морского транспорта в перевозках выросла с 2% до 4%.

В целом морской транспорт является динамичной отраслью транспорта Японии. Его доля в грузо-и пассажирских перевозках растет. Но структура международного транспорта Японии не является оптимальной.

В век глобализации большой экономический интерес для развития евроазиатских связей представляет так называемый Северо-Японский транспортный коридор. Согласно этому проекту предполагается соединить сеть автомобильных и железных дорог Японии с общеевропейской сетью железных дорог через порт Вакканай (о. Хоккайдо) и порт Корсаков (о. Сахалин), где будет проложен туннель под проливом Лаперуза (возможно, мост над ним) и Ванино – Холмск (о. Сахалин), где проектируется тоннель под Татарским проливом. Этот проект транспортного коридора между Японией и Европой японцы рассматривают наряду с планом создания такого же сообщения между портом Симоносэки и портом Пусан (Южная Корея). Железнодорожный и автомобильный транспортный коридор как альтернатива морскому транспортному пути из Азии в Европу будет способствовать увеличению эффективности транспортировки грузов между Японией и Европой.

С открытием Северо-Японского автодорожного и железнодорожного моста воплотится в жизнь одно из предвидений видного американского ученого и политического деятеля Ляруша о ключевой роли транспортных коридоров, в том числе между Японией и материковой частью Азии, в обеспечении экономических связей между «полюсами роста» в Европе и Азии.

Итак, морской транспорт Японии имеет исключительно важное значение для экономики этого островного государства,

отличающегося, с одной стороны, низкой самообеспеченностью сырьем и соответственного зависящего от его импорта, а, с другой стороны, ориентированного, в значительной степени, на экспорт технологически сложной с высокой добавленной стоимостью продукции. В ходе глобализации объем японского экспорта вырос. Причиной является усиление международной специализации и перевод крупными японскими многоотраслевыми холдингами своих филиалов за рубеж. Значительна роль морского транспорта и в обеспечении внутренних перевозок.

§4.2. Российско-китайское транспортное сотрудничество: разность потенциалов как фактор риска

Инициатива «Пояса и пути» (BRI, Belt and Road Initiative), которую в нашей литературе часто именуют «Один пояс, один путь» (ОПОП), предложена лидерами пятого поколения китайских руководителей в рамках реализации выдвинутой Пекином на рубеже тысячелетий стратегии внешнеэкономического наступления «идти вовне» (цзоу чуцзюй). Цель стратегии – превратить КНР в мощную глобальную державу. Концепция «Пояса и пути» представлена в 2015 г. Госкомитетом по развитию и реформе КНР совместно с Министерством коммерции и МИД КНР¹, и декларирует, что инициатива будет проводиться в интересах не только Китая, но и государств-партнеров на основе принципа взаимного выигрыша, что приведет к экономическому росту и развитию всех участников².

Си Цзиньпин, говоря о курсе «в отношении сопредельных стран», подчеркнул, что «стратегической целью китайской внешней политики является служение задаче национального возрождения»³, интегральной частью которой является ОПОП. В отдельном разделе Концепции⁴ присутствует тезис о том, что Китай не только по-прежнему привержен «политике открытости», но и намерен

¹ Видение и действия по совместному строительству Экономического Пояса Шелкового пути 21-го века и Морского Шелкового пути // http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpcxbayzlt2015nnh/t1249618

² Салицкий А.И., Семенова Н.К. Шелковое наступление Китая // Перспективы. №1 (5) (январь – март). М.: Фонд исторической перспективы, 2016. 112 с. С.5-14.

³ Си Цзиньпин посетил выставку «Путь возрождения» в Пекине // <http://russian.people.com.cn/31521/8437415.html>

⁴ Уянаев С.В. Новые «Шелковые Пути» Китая: принципы и параметры официальной «дорожной карты» / Китай в мировой и региональной политике (История и современность). М.: РАН. Ин-т Дальн. Востока, 2015. С.242-259.

строить ее новый вариант. Речь идет о «модели открытости по всем азимутам» и направлениям (цюань фанвэй кайфан)⁵. В своей внешнеполитической стратегии КНР опирается на детерминанты глобального уровня⁶, стремясь трансформировать под свои национальные интересы современную архитектуру международных отношений⁷. При этом в официальных документах КНР стало расширенно трактоваться понятие «коренных интересов», за которые Китай готов бороться всеми имеющимися у него средствами⁸.

Мировая печать наполнена сообщениями о проблемах реализации инициатив ОПОП. Во многих статьях содержатся обвинения в хищническом использовании ресурсов, загрязнении окружающей среды, кредитном закабалении правительств и местного бизнеса, использование собственных кадров вместо местных и т.п.⁹ Китайские действия вызывают все большую критику в самих государствах – партнерах по инициативе ОПОП¹⁰.

Есть мнение, что реализация ОПОП будет способствовать доминированию китайского бизнеса на новых международных площадках в ущерб национальному бизнесу. При таком развитии ситуации присутствует возможность протестов национальных правительств и бизнесменов, чреватые срывом начатых проектов,

⁵ Видение и действия по совместному строительству Экономического Пояса Шелкового пути 21-го века и Морского Шелкового пути // http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpcxbayzlt2015nnh/t1249618

⁶ Косоруков А.А. Стратегия Китая в начале XXI века: выход на глобальный // *ВВ: Национальная безопасность*. 2014. № 4. С.31-69.

⁷ Семенова Н.К. Российско-китайское взаимодействие в Центральной Азии: нефтегазовые аспекты. М.: ИВ РАН. 2018. 248 с. С.55.

⁸ Лукин А.В. Соккрытие возможностей или триумфальное шествие? // http://www.ng.ru/ideas/2018-11-19/7_7442_idei.html

⁹ Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Геополитический шанс России: транспортная система в формате РФ-КНР-Центральная Азия. Изд. 2-е, испр. Отв. ред. д.э.н. А.И. Салицкий. М.: ИВ РАН, 2018. 162 с.

¹⁰ Лукин А.В. Соккрытие возможностей или триумфальное шествие? // http://www.ng.ru/ideas/2019-11-19/7_7442_idei.html

ростом антикитайских выступлений, ударом по интересам стран-участников¹¹. Частично подобные риски уже стали реальностью¹².

За последние четверть века КНР и Россия продвинулись в своих связях от «отношений дружественных государств» до «отношений конструктивного сотрудничества» и, наконец, к отношениям «всеобъемлющего стратегического партнерства». Официальная риторика констатирует, что отношения России и Китая находятся на беспрецедентном уровне доверия и сотрудничества. Но некоторые эксперты указывают на имеющуюся вероятность многовариантности поведения Китая на новом этапе его развития в связи с внутренними (снижение темпов развития и др.) и внешними (разлад с США) негативными факторами. Возможность многовариантности действий КНР подтверждается публикациями китайских авторов. По их мнению, «нынешнее состояние китайско-российских отношений лучше всего можно охарактеризовать как «дружественный нейтралитет». Россия и Китай являются «независимыми стратегическими игроками». Партнерство имеет некоторые характеристики альянсных отношений, есть реальная поддержка в стратегических сообществах обеих стран. Однако реальность такова, что «гибкое партнерство» служит интересам обеих сторон гораздо лучше, чем альянс: у такого рода отношений меньше обязательств¹³. К тому же, в Китае очень небольшой опыт союзов и он пока не придерживается блоковой политики.

¹¹ Луконин С.А. Экономический пояс Шелкового пути: риски и возможности для России / Международная торговля и торговая политика, 2015. №4. С. 18-29.

¹² Антикитайская осень. Почему власти Казахстана не справляются с протестами против Китая // <https://stanradar.com/news/full/36848--antikitajskaja-osen-pochemu-vlasti-kazahstana-ne-spravljajutsja-s-protestami-protiv-kitaja.html?page=6>(13.11.2019); Киргизия: почему важны антикитайские протесты в Центральной Азии (Stratfor, США) // <http://www.dialog.tj/news/kirgiziya-pochemu-vazhny-antikitajskie-protesty-v-tsentralnoj-azii-stratfor-ssha>; Лукин А.В. Соккрытие возможностей или триумфальное шествие? // http://www.ng.ru/ideas/2018-11-19/7_7442_idei.html

¹³ Чжао Хуашэн, Произошли ли изменения в природе китайско-российских отношений? Pengbo, 10 July 2016. (Чжао Хуашэн - ведущий специалист по России Фуданьского университета, Шанхай – прим. авт.).

Китай не намерен формально создавать альянс с Россией и не будет антиамериканским или антизападным альянсом. Китай хочет, чтобы стабильные китайско-российские отношения могли обеспечить двум крупным соседним странам гарантии достижения своих целей национального развития в безопасной обстановке и оказывать друг другу поддержку посредством взаимовыгодного сотрудничества, которое дает крупным державам преимущества в преодолении разногласий и развитии сотрудничества. Тем не менее, Китай рассматривает Россию в качестве ключевого стратегического партнера в продвижении китайского видения будущего международного порядка¹⁴. Подобные формулировки, а также «многовариантность» выбора действий с ограничением конкретных обязательств четко отражают китайскую ментальность и практичность.

Подобная многовариантность, помимо прочих, уже очевидных рисков участия России в проекте «Пояс и путь»¹⁵, не позволяет точно просчитать все риски, поэтому возможности их минимизации связаны не столько со стратегией реагирования на те, или иные изменения, сколько с созданием фундаментальных балансиров для РФ на случай действий Китая по неблагоприятному для России сценарию.

Участие России в ОПОП и обязательно, и неизбежно. Этот исторический, хозяйственный и геополитический шанс необходимо использовать. Имеется ли на сегодняшний день политическая воля и необходимый запас прочности у российской

¹⁴ Fu Ying, How China sees Russia, Foreign Affairs, January/February 2016; 29. Fù yíng tán zhōng é guānxì: Shì huǒbàn háishi méngyǒu. Zuòzhě: Fù yíng “guāngmíng rìbào”(2015 nián 12 yuè 23 rì 16 bǎn. (Фу Ин. О китайско-российских отношениях: партнер или союзник. Гуанмин Дейли. 23 декабря, 2015- 16). (Фу Ин - бывший заместитель министра иностранных дел, а ныне председатель комитета по иностранным делам Всекитайского собрания народных представителей - прим. авт.).

¹⁵Гуня А. Н., Ефимов А. Б. Возможности и риски китайской инициативы «Нового Шелкового пути» для развития России // Культурное наследие России, 2019. С.3-9.

экономики для формирования равноправных отношений в глобальном проекте? Позволит ли потенциал России избежать роли ведомого партнера?

В широком смысле слова потенциал (от лат. *potentia* — сила) это средства, запасы, источники, имеющиеся в наличии и доступные для мобилизации, приведения в действие, использования для достижения определённой цели, осуществления плана, решения какой-либо задачи; а также возможности отдельных лиц, общества, государства в определённой области¹⁶.

На уровне отдельного государства в укрупненном виде можно выделить несколько видов потенциалов: территориальный, демографический, ресурсный, экономический, производственный, научный, культурный, военный, геополитический и т.д. В экономической литературе рассматриваются различные точки зрения на классификацию, взаимозависимость и взаимообусловленность, а также пересечение и взаимопоглощаемость потенциалов. Так, экономический потенциал рассматривается как обобщенная характеристика уровня развития экономики. В понятие экономического потенциала входят экономические ресурсы и экономические результаты.

В свою очередь экономические ресурсы включают все накопленные на территории государства материальные ценности, научные, интеллектуальные, информационные и трудовые ресурсы, включая предпринимательские способности, а также природные ресурсы. Они характеризуются общим объемом, структурой и качеством. При этом экономические результаты отражаются в объеме, структуре, качестве и техническом уровне производимых товаров и услуг. Обобщенной характеристикой экономических результатов выступают Валовой внутренний продукт (ВВП), Валовой региональный продукт (ВРП) и их структура, а также физические объемы производства стратегических видов товаров, количественные и качественные показатели внешней торговли.

¹⁶ Потенциал / Большая советская энциклопедия: [в 30 т.]. гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. Том 20. Часть 3. М.: Советская энциклопедия, 1969–1978/

Как показывают приводимые ниже данные (см. табл. IV-2.1, рис. IV-2.1, IV-2.2, IV-2.3, IV-2.4), в уходящем десятилетии соотношение экономических потенциалов России и Китая существенным образом изменилось в пользу последнего и образовавшийся разрыв продолжает увеличиваться. Это означает, что значение нашей страны для экономического развития КНР снижается, что, в конечном итоге, может отразиться и на всем комплексе отношений с этой страной, ее мотивации к углублению взаимного сотрудничества и учету российских интересов.

Таблица IV-2.1. Асимметрия экономических потенциалов Китая и России, 2018 г.

Экономические параметры	КНР	РФ
ВВП в текущих ценах, трлн. долл.	13,4	1,6
ВВП по ППС, трлн. долл.	25,3	4,2
ВВП на душу населения, ППС, тыс. долл.	18,1	29,3
Доля в мировом ВВП, %	18,7	3,1
Внешняя торговля, трлн. долл.		
экспорт	2,4	0,5
импорт	2	0,3
Золотовалютные резервы, трлн. долл.	3,2	0,5
Годовой рост ВВП, %	6,6	2,3

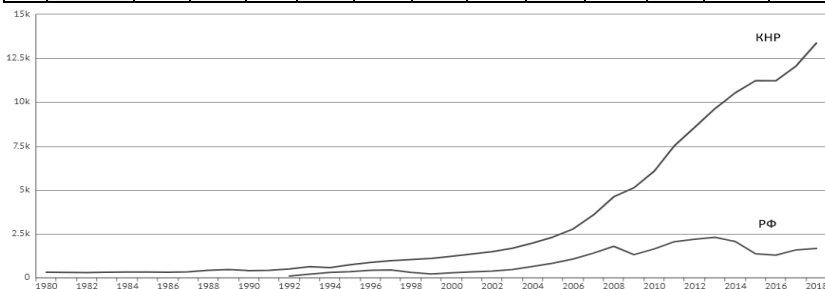
Источник: МВФ, ВБ (данные округлены).

В начале 1990-х годов Россия и Китай находились примерно на одном уровне по величине производимого ВВП, однако на сегодняшний день различие уже существенно. Хотя подушевой ВВП Китая сейчас почти вдвое ниже российского, но в последнее время разрыв стремительно сокращается, а в абсолютных величинах ВВП Китая значительно превосходит ВВП России. (см. рис. IV-2.1, IV-2.2). В 2018 г. ВВП Китая составил 13,37 трлн долл.

В период с 1999 по 2018 гг. ВВП Китая существенно вырос с 1,097 до 13,37 трлн долл., увеличиваясь с ежегодным ростом, который достиг максимума в 28,83 % в 2008 г., а затем снизился до 10,83% в 2018 г.

Рисунок IV-2.1. ВВП в текущих ценах, трлн долл.

	Год	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2007
РФ	Значение	1,66	1,58	1,28	1,36	2,06	2,29	2,19	2,05	1,64	1,31	1,78	1,39
	Изменение	4,94%	23,33%	-5,62%	-34,08%	-10,21%	4,72%	6,90%	25,19%	25,10%	-26,60%	27,83%	
КНР	Значение	13,37	12,06	11,22	11,23	10,53	9,64	8,57	7,52	6,07	5,12	4,6	3,57
	Изменение	10,83%	7,49%	-0,04%	6,57%	9,34%	12,42%	13,94%	24,00%	18,44%	11,24%	28,92%	

Источник: МВФ, ВБ (данные округлены).

В 2018 г. ВВП Российской Федерации составил 1,66 трлн долл. ВВП Российской Федерации увеличился с 0,21 трлн долл. в 1999 г. до 1,66 трлн долл. в 2018 г., увеличиваясь в среднем на 13,51% в год¹⁷.

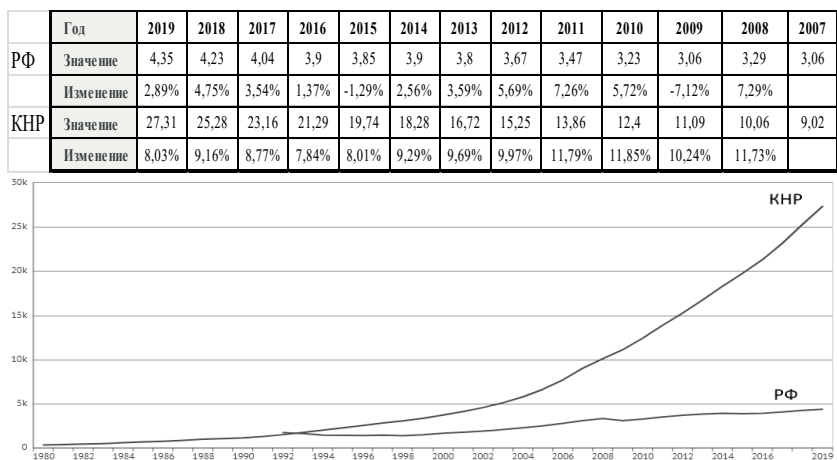
Экономика Китая имеет более высокую стабильность по сравнению с российской, показывает более значительный рост, благодаря высоким темпам роста объема производства. Всемирный банк понизил прогноз роста китайской экономики в связи с сокращением спроса на китайские товары в странах Европейского союза и Японии, а также в связи с торговыми войнами США и КНР¹⁸. В период экономического кризиса 2008 – 2009 гг. в

¹⁷ Мировой атлас данных // <https://knoema.com/atlas/China/GDP>

¹⁸ Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К. Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1. С. 35-46.

экономике Китая не происходило серьезных изменений, благодаря высоким темпам роста экономики, нежели в России, где объем производства в эти годы сильно снизился (см. рис. IV-2.1, IV-2.2).

Рисунок IV-2.2. ВВП по ППС (трлн долл.)

Источник: МВФ, ВБ (данные округлены).

В 2019 г. ВВП на основе ППС для Китая составил 27,31 трлн долл. За последние 20 лет ВВП, основанный на ППС Китая, существенно вырос с 3,7 до 27,31 трлн долл., увеличиваясь с ежегодным ростом, который достиг максимума в 17,32% в 2007 г.¹⁹, а затем снизился до 8,03% в 2019 г.

В 2019 г. ВВП по ППС для Российской Федерации составил 4,35 трлн долл. ВВП на основе ППС Российской Федерации увеличился с 1,64 трлн долл. в 2000 году до 4,35 трлн долл. в 2019 г., увеличиваясь в среднем на 5,37% в год²⁰.

В 2018 г. реальный рост ВВП Китая составил 6,6%. Хотя в последние годы темпы роста реального ВВП Китая существенно колебались, в период с 1999 по 2018 гг. он имел тенденцию к

¹⁹ Мировой атлас данных // <https://knoema.com/atlas/China/GDP>

²⁰ Мировой атлас данных // <https://knoema.com/atlas/China/GDP>

снижению, а в 2018 г. находился на уровне 6,6%²¹. Темпы роста экономики Китая имеют тенденцию к замедлению. В третьем квартале 2019 г. этот показатель упал до рекордно низкого с марта 1992 г. значения. Аналитики объясняют такую динамику давлением торговой войны с США, замедлением роста мировой торговли и нарастающим недоверием со стороны потенциальных инвесторов²².

В 2000-е гг. в экономике России отмечался рост ВВП в связи с проведением ряда социально-экономических реформ и благоприятной внешней конъюнктурой. Финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. в России был связан с мировым финансовым кризисом. Антикризисные меры правительства потребовали значительных расходов, но имели краткосрочный эффект. В декабре 2014 г., с обвальным падением курса рубля по отношению к доллару США и евро, в России начался валютный и социально-экономический кризис²³, вызванный стремительным снижением мировых цен на нефть, а также введением экономических санкций с событиями на Украине. Многие эксперты дают сдержанные оценки относительно положительной динамики ВВП РФ²⁴. В 2018 г. реальный рост ВВП по Российской Федерации составил 2,3%. Хотя рост реального ВВП Российской Федерации в последние годы существенно колебался, он имел тенденцию к снижению в период с 1999 по 2018 гг., на уровне 2,3% показатель находился в 2018 г.²⁵. По оценке Минэкономразвития, в 2019 г. ВВП РФ «продолжил демонстрировать слабую динамику»²⁶ (см. рис. IV-2.3).

²¹ Мировой атлас данных // <https://knoema.com/atlas/China/GDP>

²² Эксперты призывают Пекин «запастись терпением и набраться мужества» // <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6681043>

²³ Бюллетень социально-экономического кризиса в России - июль 2015. Положение регионов России в условиях кризиса // <http://ac.gov.ru/files/publication/a/5976>

²⁴ Эксперты: рост ВВП России в 2019 году составит около 1%

²⁵ Мировой атлас данных // <https://knoema.com/atlas/China/GDP>

²⁶ ВВП РФ в I полугодии увеличился на 0,7% // <https://www.interfax.ru/business/>

Рисунок IV-2.3. Темп прироста ВВП (%).

	Год	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2007
РФ	Значение	2,3	1,6	0,3	-2,3	0,7	1,8	3,7	5,1	04. май	-7,8	5,2	8,5
	Изменение	38,34%	395,44%	-114,25%	-429,71%	-61,11%	-51,35%	-26,96%	12,48%	-157,59%	-249,03%	-38,51%	
КНР	Значение	6,6	6,8	6,7	6,9	7,3	7,8	7,9	9,5	10,6	9,4	9,7	14,3
	Изменение	-2,81%	0,34%	-2,41%	-5,48%	-6,41%	-1,27%	-16,84%	-10,06%	12,36%	-2,58%	-32,29%	

Источник: МВФ, ВБ (данные округлены).

С другой стороны, за последнее десятилетие показатели дохода в расчете на душу населения в Китае и России выровнялись (см. рис. IV-2.4), что вполне правомерно рассматривать как предпосылку плодотворного сотрудничества в силу схожести структуры потребления населения в обеих странах, его покупательской способности, а также инвестиционных возможностей предприятий, технологической политики, средней квалификации работников, расходов бюджета и т.п. По идее, такое положение могло бы послужить основой по-настоящему массового взаимодействия сторон, в том числе малого и среднего бизнеса. Кроме того, выровнялись и уровни заработной платы в обрабатывающей промышленности, что теоретически позволяет выдерживать конкуренцию со стороны Китая.

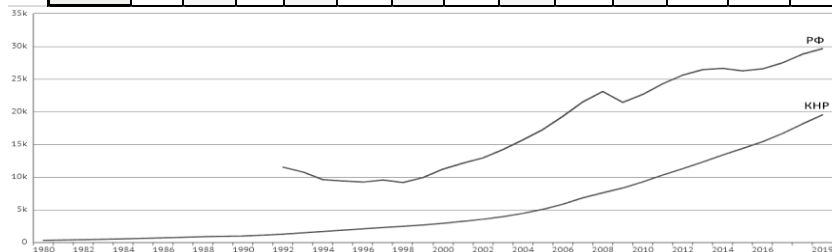
В 2019 г. ВВП на душу населения по ППС для Китая составил 19504 долл. За последние 20 лет ВВП на душу населения, основанный на ППС Китая, существенно вырос с 2916 до 19504 долларов, ежегодно увеличиваясь, ростом которого достиг максимума 16,72 % в 2007 г., а затем снизился до 7,66 % в 2019 г.

В 2019 г. ВВП на душу населения по ППС в Российской Федерации составил 29642 международных долларов, увеличившись с 11202 долл. в 2000 г. до 29642 долл. в 2019 г., возрастая в среднем на 5,36% в год²⁷.

По объемам внешней торговли Китай существенно опережает российские показатели. Внешний товарооборот Китая в 2017 г. составил 11,5% от мирового показателя, и находился на первом месте в мире. По итогам 2018 г. Китай показал рекордные результаты и достиг 4,623 трлн долл. (+12,6% к 2017 г.)²⁸. Китайский экспорт вырос до 2,4 трлн долл. (+9,08% к 2017 г.), импорт составил около 2 трлн долл. (+16,8% к 2017 г.). (см. рис. IV-2.5, IV-2.6).

Рисунок IV-2.4. ВВП на душу населения, по ППС (долл.)

	Год	2019	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2007
РФ	Значение	29642	28797	27474	26551	26247	26626	26430	25587	24260	22634	21424	23082	21409
	Изменение	2,94%	4,82%	3,47%	1,16%	-1,43%	0,74%	3,30%	5,47%	7,19%	5,65%	-7,18%	7,81%	
КНР	Значение	19504	18116	16659	15397	14362	13363	12291	11260	10290	9250	8309	7575	6824
	Изменение	7,66%	8,75%	8,19%	7,21%	7,48%	8,72%	9,15%	9,43%	11,25%	11,32%	9,70%	11,00%	

Источник: МВФ, ВБ

В 2017 г. объем внешней торговли России равнялся 1,7% от мирового оборота, что ставило ее на 18-е место²⁹. Товарооборот

²⁷ Мировой атлас данных // <https://knoema.com/atlas/China/GDP>

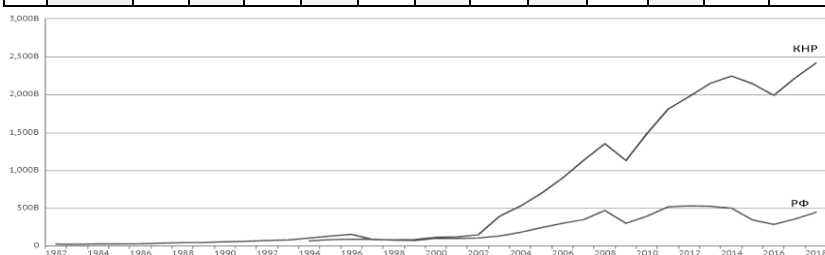
²⁸ Торговый оборот Китая падает быстрее ожиданий. Рекорды 2018 года уходят в прошлое // <https://www.kommersant.ru/doc/3853862>

²⁹ Государства – лидеры мировой торговли // <https://credinform.ru/ru-RU/Publications/Article/70c051c725f5>

России в 2018 г. – 0,688 трлн долл. (+ 17,82% к 2017 г.), экспорт России – 0,45 трлн долл. (+ 26,01% к 2017 г.), импорт 0, 238 трлн долл.(+ 4,93% к 2017 г). (см. рис. IV-2.5, IV-2.6).

Рисунок IV-2.5. Экспорт товаров, в текущих ценах (трлн долл.)

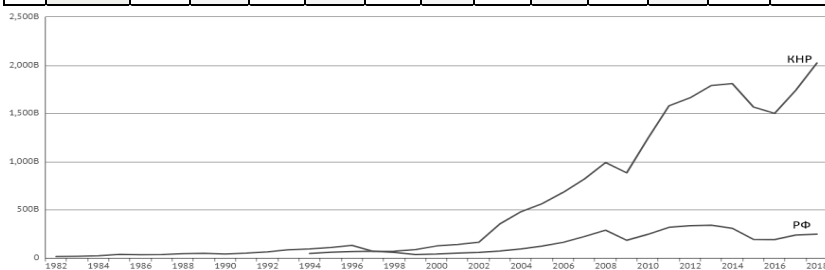
	Год	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2007
РФ	Значение	0,44	0,35	0,28	0,34	0,5	0,52	0,53	0,52	0,39	0,3	0,47	0,35
	Изменение	25,50%	25,34%	-17,49%	-31,28%	-4,80%	-1,06%	2,33%	31,26%	32,14%	-36,27%	34,56%	
КНР	Значение	2,42	2,22	1,99	2,14	2,24	2,15	1,97	1,81	1,49	1,13	1,35	1,13
	Изменение	9,08%	11,39%	-7,15%	-4,50%	4,43%	8,87%	9,17%	21,62%	31,87%	-16,51%	19,30%	

Источник: МВФ, ВБ (данные округлены).

Рисунок IV-2.6. Импорт товаров, в текущих ценах (трлн долл.)

	Год	2018	2017	2016	2015	2014	2013	2012	2011	2010	2009	2008	2007
РФ	Значение	0,25	0,24	0,19	0,19	0,31	0,34	0,34	0,32	0,25	0,18	0,29	0,22
	Изменение	4,33%	24,49%	-0,79%	-37,31%	-9,79%	1,64%	5,40%	29,66%	33,58%	-36,29%	29,40%	
КНР	Значение	2,02	1,74	1,5	1,57	1,81	1,79	1,66	1,58	1,24	0,88	0,99	0,82
	Изменение	16,20%	15,97%	-4,21%	-13,39%	1,07%	7,68%	5,25%	27,35%	40,33%	-10,75%	20,76%	

Источник: МВФ, ВБ (данные округлены).

По данным Федеральной таможенной службы России в 2018 г. товарооборот России с Китаем составил 108,3 млрд долл. (+24,51% к 2017 г.), экспорт России в Китай - 56,1 млрд долл. (+ 44,05% к 2017 г.), импорт России из Китая – 52,2 млрд долл. (+ 8,69% к 2017 г.)³⁰. Сальдо торгового баланса России с Китаем в 2018 г. сложилось положительное, впервые за 12 лет российский экспорт в КНР превысил импорт.

По этой позиции опять же наблюдается асимметрия. По доле в российском товарообороте, экспорте и импорте в 2018 г. Китай занял 1 место (в 2017 г. – также 1 место).

По динамике роста Россия оказалась на первом месте в десятке ключевых партнеров КНР³¹, но по доле в товарообороте Китая у РФ 11 место³².

Товарооборот России с Китаем

В 2019 г. товарооборот России с Китаем составил 110,9 млрд долл. (+2,43% к 2018 г.), экспорт России в Китай – 56,8 млрд долл. (+ 1,30% к 2018 г.), импорт России из Китая в 2019 г. – составил 54,1 млрд долл. (+ 3,66% к 2018 г.). По сравнению с 2018 г. положительное сальдо уменьшилось на 30,75%³³.

В 2019 г. доля Китая во внешнеторговом обороте России составила 16,6 % (15,7% в 2018 г.), в экспорте – 13,4% (12,5 % в 2018 г.), в импорте – 22,2% (21,9% в 2018 г.)³⁴. По доле в

³⁰ Внешняя Торговля России на основе данных Федеральной таможенной службы России // <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-kitaem-v-2018-g/>

³¹ Задачи на сложение и умножение: каким будет товарооборот между РФ и Китаем // <https://tj.sputniknews.ru/columnists/20190115/1027983890/russia-china-zadacha-tovarooborot.html>

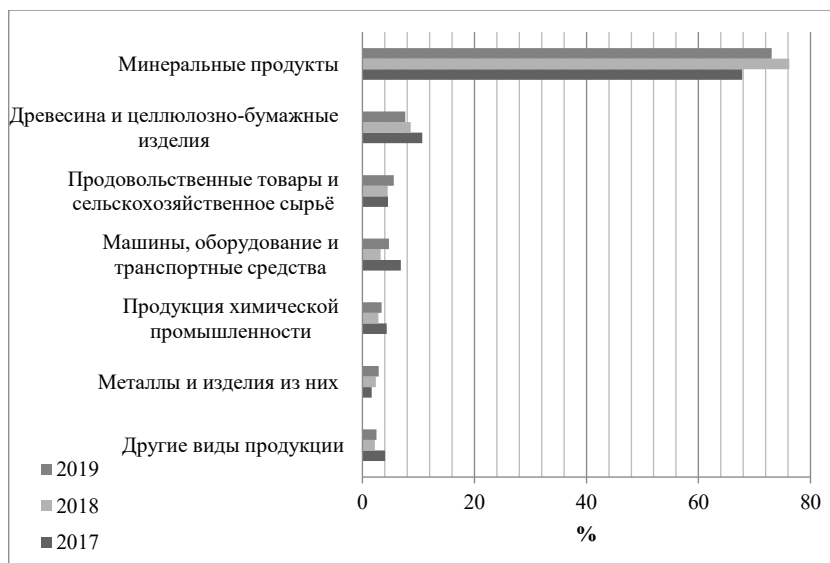
³² Торгпредство России в Китае // http://www.russchinatrade.ru/assets/files/ru-ru-cn-coop/stat_2018.pdf

³³ Торговля между Россией и Китаем в 2019 г. // <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-kitaem-v-2019-g/>

³⁴ Торговля между Россией и Китаем в 2019 г. // <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-kitaem-v-2019-g/>

российском товарообороте, экспорте и импорте в 2019 г. Китай занял 1 место.

Рисунок IV-2.7. Товарная структура российского экспорта в Китай 2017–2019 гг.

Источник: составлено автором по данным Минэкономразвития и ФТС РФ³⁵.

Примечания:

Наибольший прирост экспорта России в Китай:

В 2018 г. по сравнению с 2017 г. прирост экспорта зафиксирован по следующим товарным группам:

- Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (+ 15,96 млрд долл.);
- Медь и изделия из нее (+ 0,61 млрд долл.);
- Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные (+0,403 млрд долл.);
- Руды, шлак и зола (+0,35 млрд долл.);
- Древесина и изделия из нее; древесный уголь (+ 0,29 млрд долл.);

³⁵ Внешняя Торговля России на основе данных Федеральной таможенной службы России. <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-kitaem-v-2018-g/>; <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-kitaem-v-2019-g/>

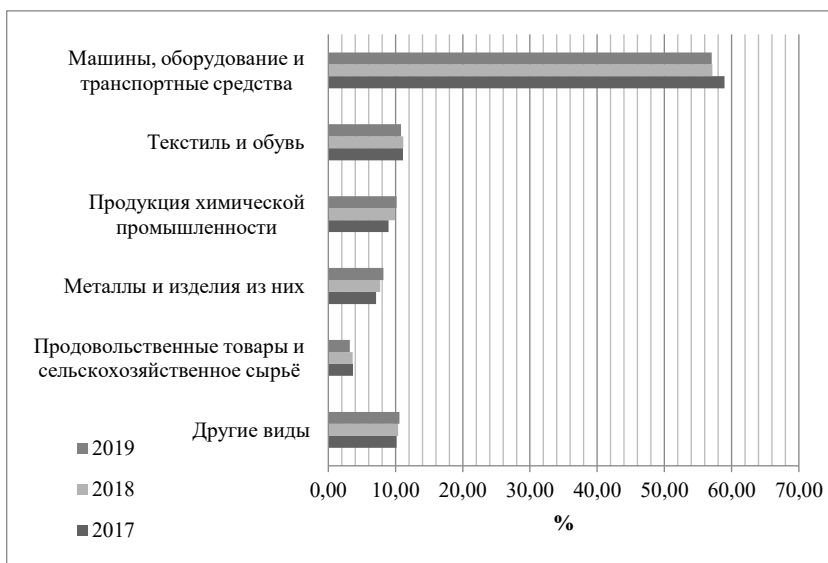
- Масса из древесины или из других волокнистых целлюлозных материалов; регенерируемые бумага или картон (макулатура и отходы) (+ 0,27 млрд долл.).
- В 2019 г. наибольший прирост экспорта России в Китай по сравнению с 2018 г. зафиксирован по следующим товарным группам:
- Руды, шлак и зола (+ 0,46 млрд долл.);
- Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности (+ 0,4млрд долл.);
- Черные металлы (+ 0,36 млрд долл.);
- Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части (+ 0,34 млрд долл.);
- Удобрения (+ 0,24 млрд долл.);
- Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые жиры; воски животного или растительного происхождения (+ 0,23млрд долл.);
- Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные (+ 0,19 млрд долл.).

Наибольшее сокращение экспорта России в Китай:

В 2018 г. по сравнению с 2017 г. сокращение экспорта зафиксировано по следующим товарным группам:

- Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности - сокращение на 0,53млрд долл.;
- Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности - сокращение на 0,22 млрд долл.
- Наибольшее сокращение экспорта России в Китай в 2018 г. по сравнению с 2017 г. зафиксировано по следующим товарным группам:
- Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части и принадлежности - сокращение на 0,53млрд долл.;
- Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности - сокращение на 0,22 млрд долл.
- В 2019 г. наибольшее сокращение экспорта России в Китай по сравнению с 2018 г. зафиксировано по следующим товарным группам:
- Топливо минеральное, нефть и продукты их перегонки; битуминозные вещества; воски минеральные (- 1,64 млрд долл.);
- Масса из древесины или из других волокнистых целлюлозных материалов; регенерируемые бумага или картон (макулатура и отходы) (-0,34 млрд долл.).

Рисунок IV-2.8. Товарная структура российского импорта из Китая в 2017–2019 гг. (%).

Источник: составлено автором по данным Минэкономразвития и ФТС РФ ³⁶.

Примечания:

Наибольший прирост импорта России из Китая в 2018 г. по сравнению с 2017 г. зафиксирован по следующим товарным группам:

- Электрические машины и оборудование, их части; звукозаписывающая и звуковоспроизводящая аппаратура, аппаратура для записи и воспроизведения телевизионного изображения и звука, их части (+2,58 млрд долл.);
- Пластмассы и изделия из них (+ 0,29 млрд долл.);
- Изделия из черных металлов (+ 0,266 млрд долл.);
- Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности (+ 0,24 млрд долл.);
- Органические химические соединения (+0,22 млрд долл.);
- Обувь, гетры и аналогичные изделия; их детали (+ 0,16 млрд долл.).

В 2019 г. по сравнению с 2018 г. прирост импорта зафиксирован по следующим товарным группам:

³⁶ Внешняя Торговля России на основе данных Федеральной таможенной службы России. <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-kitaem-v-2018-g/>; <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiy-i-kitaem-v-2019-g/>

- Изделия из черных металлов (+ 0,42 млрд. долл.);
- Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части (+ 0,36 млрд долл.);
- Средства наземного транспорта, кроме железнодорожного или трамвайного подвижного состава, и их части и принадлежности (+ 0,35 млрд долл.);
- Органические химические соединения (+ 0,19 млрд долл.).

Наибольшее сокращение импорта России из Китая в 2018 г. по сравнению с 2017 г. зафиксировано по следующим товарным группам:

- Реакторы ядерные, котлы, оборудование и механические устройства; их части (- 1,57 млрд долл.).
- В 2019 г. значительного сокращения импорта по товарным группам не зафиксировано.

Экспортно-импортная структура российско-китайской торговли показывает, что Россия делает ставку на продажу в Китай природных ресурсов, покупая у него готовые изделия. Россия планомерно увеличивает экспорт углеводов в КНР. Практически наша страна прочно заняла нишу производителя сырья и топлива для китайского хозяйства без особых перемен к лучшему и это хорошо иллюстрируют приводимые далее данные о структуре российско-китайского товарооборота (см. рис. IV-2.7, IV-2.8), товарный состав которой за 2017-2019 гг. не претерпел каких-либо заметных изменений. Экспортные объемы минерального сырья по итогам 2018 г. показали существенное увеличение (+8,4% к 2017 г.).

Существенной проблемой становится стремление сторон доказать близость политических позиций в международных отношениях через формальные экономические показатели³⁷. Осуществлению планов нарастить объем товарооборота РФ с КНР до 200 млрд долл.³⁸, вероятно, станет препятствием пандемия COVID-19. Между тем, необходима диверсификация российского экспорта, создание совместных проектов в сферах высоких

³⁷ Выгода или зависимость? Россия изменила торговый баланс с Китаем // <https://eurasia.expert/vygoda-ili-zavisimost-rossiya-izmenila-torgovyy-balans-s-kitaem/>

³⁸ Китай планирует довести товарооборот с Россией к 2020 году до \$200 млрд // <http://www.finmarket.ru/news/4772423>

технологий, реализация «окон возможностей», возникающих на китайском рынке в условиях торговой войны КНР с США.

Таблица IV-2.2. Российско-китайское инвестиционное сотрудничество, 2018 г.

Показатели	Китайские в РФ	Российские в КНР
Объем накопленных прямых инвестиций (млрд. долл)*	13, 8	1, 06
Основные сферы капиталовложений	<ul style="list-style-type: none"> • энергоресурсы • сельское и лесное хозяйство • строительство • производство стройматериалов • торговля • легкая и текстильная промышленность • производство бытовой электротехники • услуги и др. 	<ul style="list-style-type: none"> • производственная отрасль • строительство • транспортные перевозки
Причины, тормозящие инвестиционное сотрудничество	<ul style="list-style-type: none"> • санкции против России со стороны Запада • экономическая нестабильность экономики и курса рубля • недостаточно развитая инфраструктура и транспорт • языковой барьер и отсутствие людей, способных вести переговоры с местными властями и подрядчиками • неблагоприятный инвестиционный климат, • отсутствие четких, прозрачных правил на законодательном уровне, • сложность решения административных проблем, чрезмерная бюрократизированность 	<ul style="list-style-type: none"> • высокая конкуренция с мировыми инвесторами; • сложный инвестиционный климат в Китае для реализации проектов с российским капиталом; • санкции против России со стороны Запада

Источник: Минкоммерции КНР, ГСУ КНР.

В немалой степени такое положение возникло из-за того, что уже в течение нескольких десятилетий Китай последовательно проводит курс на создание и укрепление целостной и высокотехнологичной промышленной системы, с успехом решая задачи защиты внутреннего рынка и внешней товарной экспансии. Россия же практически отказалась от промышленной политики и соответствующей внешнеэкономической стратегии, что сказывается на всех географических направлениях, включая китайское. Улучшить ситуацию могло бы более тесное сотрудничество промышленников двух стран, в том числе в рамках ОПОП и его сопряжения с ЕАЭС, однако без кардинальных перемен в общей хозяйственной политике России серьезных сдвигов вряд ли можно ожидать. Есть лишь некоторые надежды на частичную модернизацию производ-

ственного потенциала РФ с помощью китайских технологий и оборудования (их доля в нашем импорте имеет тенденцию к росту).

С сожалением приходится констатировать, что многие благоприятные для взаимного сотрудничества предпосылки остаются нереализованными, что, в свою очередь, снижает ценность сотрудничества для партнеров из обеих стран, усиливает обоюдный скептицизм, недоверие и потенциальные риски взаимодействия. Немалый негативный осадок оставляют намеченные, но несостоявшиеся крупные двусторонние проекты (широкофюзеляжный самолет, скоростная железная дорога).

Отражением невысокого предпринимательского тонуса по поводу развития двустороннего сотрудничества является инвестиционная сфера (см. таб. IV-2.2). Китайские прямые инвестиции, накопленные в экономике России, в 2018-2019 гг. сокращались и составляют в настоящее время около 10 млрд. долл. С российскими прямыми инвестициями в КНР дело обстоит еще хуже: их накопленный объем едва достиг 1 млрд. долл.

Между тем прямые зарубежные инвестиции Китая в 2018-2019 гг. продолжали увеличиваться несмотря на их значительное сокращение в страны Запада, особенно США.

Это явление объясняется, на наш взгляд, своеобразием нынешней стадии развития китайского хозяйства, в котором сохраняется высокий уровень сбережений и накопления, а национальные промышленные корпорации, опираются на мощную внутреннюю научно-производственную базу. Фактически в стране происходит исторически беспрецедентный процесс капиталообразования в реальном секторе, переросший в новом веке национальные рамки. В отличие от западных ТНК китайские корпорации охотно инвестируют в развивающиеся страны, хозяйства которых представляются им вполне перспективными, поскольку и сам Китай в недалеком прошлом был относительно бедной и неразвитой страной.

Экономическая асимметрия двух моделей сохранится на ближайшую и среднесрочную перспективу. Для «равенства» партнерства Россия должна компенсировать свое экономическое

отставание от Китая сохранением лидерства в военно-стратегических компонентах и развитием инновационно-технологической составляющей собственной экономики.

Конечно, у России есть уникальные характеристики, связанные с размером территории, мощным оборонным потенциалом, особой ролью в геополитике и международных отношениях. Однако рассчитывать только на эти факторы в строительстве отношений с практичными китайцами было бы, по-видимому, недостаточно. Другое дело, что эти же факторы могут служить «российским приданым» в продвижении ОПОП, которой при такой постановке вопроса следовало бы трактовать как «Общий пояс, общий путь» и еще как важный элемент стратегической концепции «Большой Евразии», предусматривающей, помимо прочего, значительное улучшение отношений России со странами Европы.

Отмеченная выше асимметрия экономических потенциалов России и Китая содержит не только риски, но и возможности для России, располагающей теперь партнером, сопоставимым с западными странами в качестве источника модернизации производительных сил. Здесь важно определиться с собственными потребностями, тщательно изучать на глазах меняющийся Китай, не впадая в излишний оптимизм по поводу намерений Поднебесной.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

С начала XXI в. ощутимо стали проявляться изменения соотношения сил в мировой экономике. Неравномерность и противоречивость социально-экономического развития отдельных стран и регионов нарастали с такой быстротой, что привели к кардинальным сдвигам в мировом порядке конца XX в.

Принципы мировой экономики XXI в., особенно если ее рассматривать в рамках социальных институтов и институциональных связей, все более приближаются к философии неомодернизма. Категория, получившая название неомодернизма, широко используется при характеристике современной мировой политики¹, но пока еще не вошла в парадигму экономических понятий. Однако многочисленные изменения, происходящие на социально-экономическом пространстве стран Востока, убедительно свидетельствуют о необходимости внедрении новых подходов к исследованию экономического роста, а точнее говоря – о более глубоком осмыслении (и возможно преобразовании) уже разработанных теоретических концепций, таких как институционализм, холизм, противоречие Восток–Запад, подчинении индивидуума общественным и традиционным ценностям.

Возможно, используя категориальную базу неомодернизма, объяснение некоторых аспектов неравномерности экономического роста и неравенства социального развития в странах Востока примет более законченный вид. Одним из детерминантных понятий неомодернизма выступает холизм². Экономический холизм исходит из того, что решающее влияние на поведение

¹ Кузнецов В.А. Арабские общества эпохи неомодерна: поиск новых единств. Восток (Oriens). 2020. №2. С. 28–40.

² Кортунов А.В. От постмодернизма к неомодернизму, или воспоминания о будущем // «Россия в глобальной политике». №1 Январь–февраль 2017 https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ot-postmodernizma-k-neomodernizmu-ili-vospominaniya-o-budushch/?sphrase_id=42172196

людей оказывают принятые в обществе правила, т.е. экономическое поведение индивидуума в значительной степени подчиняется институциональным соглашениям и социальным правилам. Данный аспект играет важнейшую роль в объяснении поведения агентов производства. В частности, в сельском хозяйстве Индии (и ряда других стран Азии) принятие решений в деревнях, где преобладают традиционные отношения, по преимуществу зависит от неформальных институтов. Сам по себе этот факт не мог бы свидетельствовать о нарастании неформальных связей, если бы не возвращение к таким отношениям в ряде стран и районов Южной, Юго-Восточной, Средней Азии. Действие неформальных институтов консервирует, а в процессе быстрого экономического развития других отраслей – усиливает как неравномерность экономического роста, так и социальное неравенство.

Возрастание внимания с начала XXI в. к новой институциональной теории (Д. Норт, Р. Коуз, А. Аузан) косвенно подтверждает невозможность объяснения поведения экономических агентов посредством привычных западному миру классической, неоклассической, кейнсианской теорий. Психология, религиозные, межличностные взаимоотношения в экономическом поведении выходят на первое место, причем, как показывают события 2020 г., уже не только в развивающихся странах Востока, но и в развитых странах Запада.

В XXI в. в планировании экономического роста начинает приобретать высшее значение процесс выбора цели развития, или целеполагание. Темпы экономического роста, увеличение производительности ресурсов (труда, капитала) не могут служить целями сами по себе. Появляются такие концепции, как экономическое развитие без экономического роста, зеленый рост, инклюзивный экономический рост, т.е. в теорию экономики возвращаются идеи эпохи модерна, которыми по большому счету пренебрегали в эпоху постмодерна. Приведем несколько позитивных примеров, подтверждающих смену вектора целеполагания, причем наиболее остро они обозначились с 2010-х гг. Концентрация внимания государства не на количественных показателях экономического

роста, а на социальном положении населения (Япония, Россия), построение общества «сяокан» и сохранение экологии в Китае, создание космического корабля Crew Dragon частной компанией Илона Маска, принятие ООН программы Цели в области устойчивого развития (ЦУР), известные как «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Подобные планы в конце XX в. вряд ли могли иметь серьезную подоплеку.

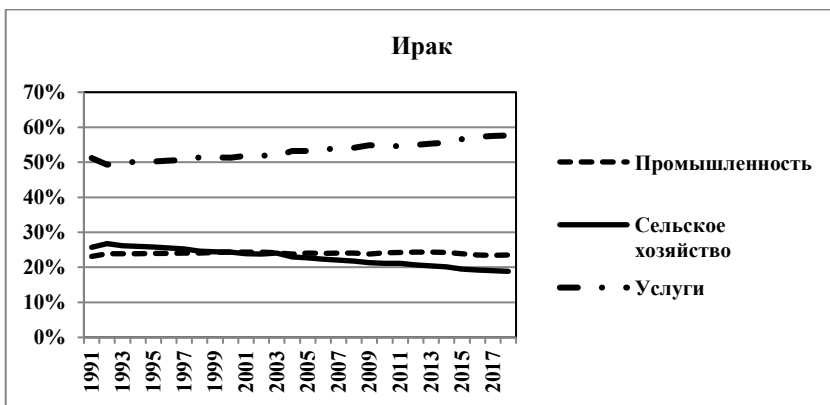
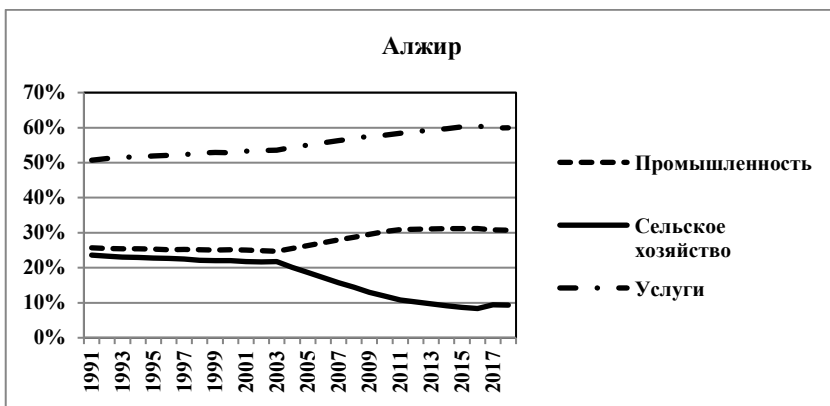
Быстрое развитие научно-технического прогресса, вступление в эру Четвертой промышленной революции изменили соотношение сил в мировой экономике, в лидеры экономического роста выдвинулись новые страны, в результате чего изменились традиционные схемы «Запад–Восток» и «Север–Юг». В результате сам процесс неравномерности экономического роста приобрел не только новые формы, но и новую сущность.

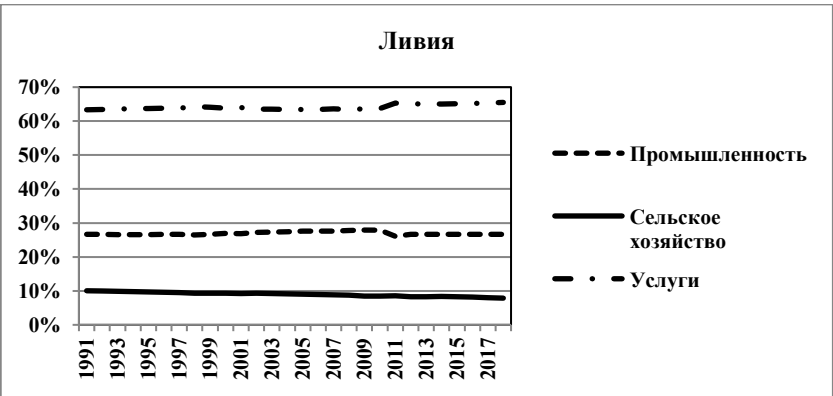
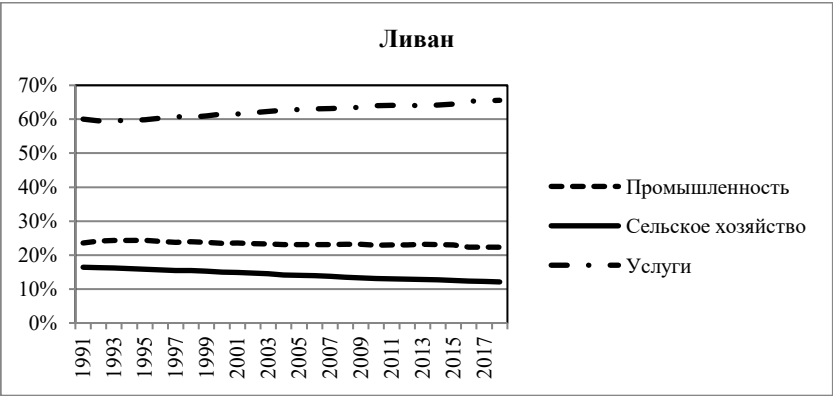
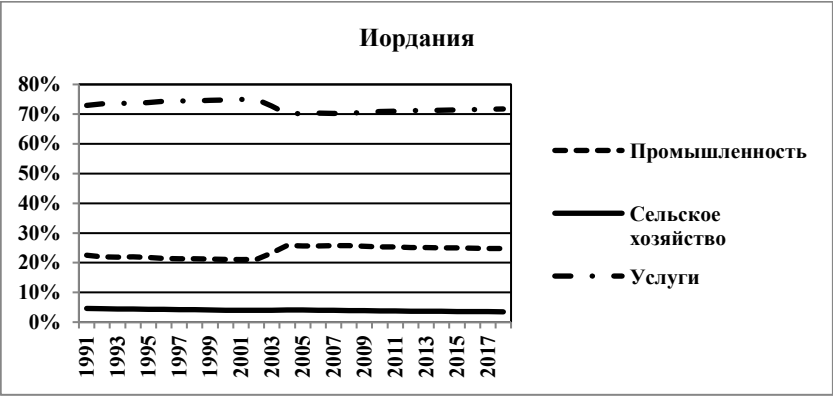
С середины XX в. в международных экономических отношениях преобладала схема «Центр–Периферия» – «Центр», воздействуя на «периферию», преобразует ее путем вовлечения в орбиту международного разделения труда через торговые, финансовые, технологические потоки. Тем самым «центр» создает в масштабах мирового хозяйства экономические пространства, в которых он сохраняет за собой ведущую роль, опираясь на наиболее передовые технологии, отрасли, монополизировав «вершину» научно-технического прогресса. Однако с начала XXI в. эта схема начала постепенно расщепляться. Появились новые страны – Китай, Индия, Япония, Россия, которые по ряду направлений технологического развития берут на себя роль лидеров и создают новый тип международных связей. Эти связи уже не укладываются в привычные схемы и формируют новую реальность – процесс, набирающий силу с 2010-х гг. К этим странам начинают подтягиваться новые индустриальные страны (НИС) с первой по четвертую волну. Таким образом, постоянно меняющаяся неравномерность становится перманентным рычагом международных экономических отношений.

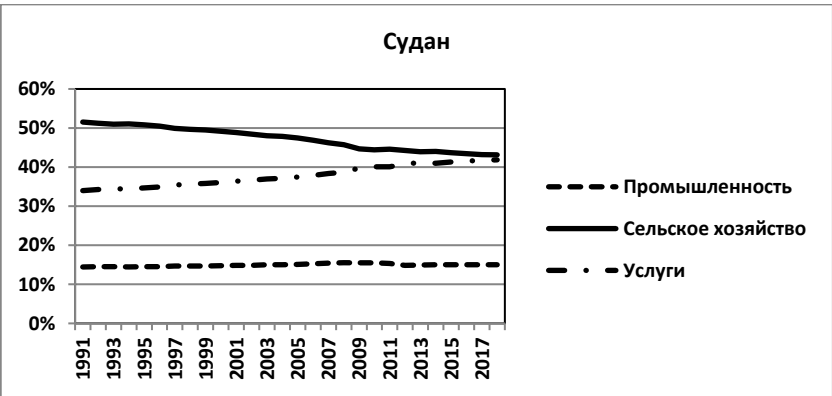
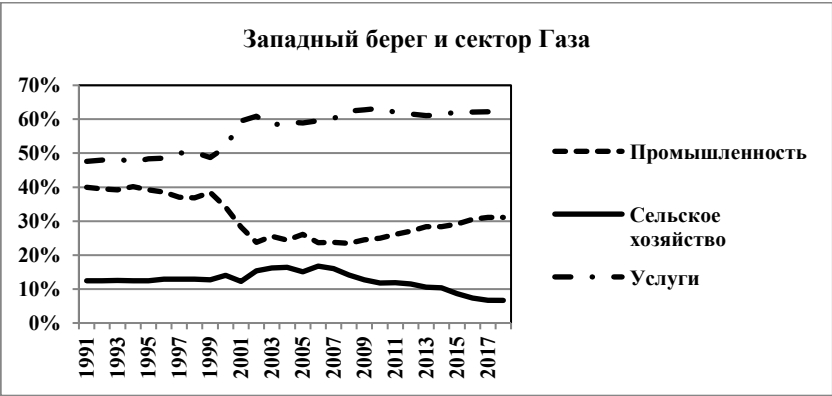
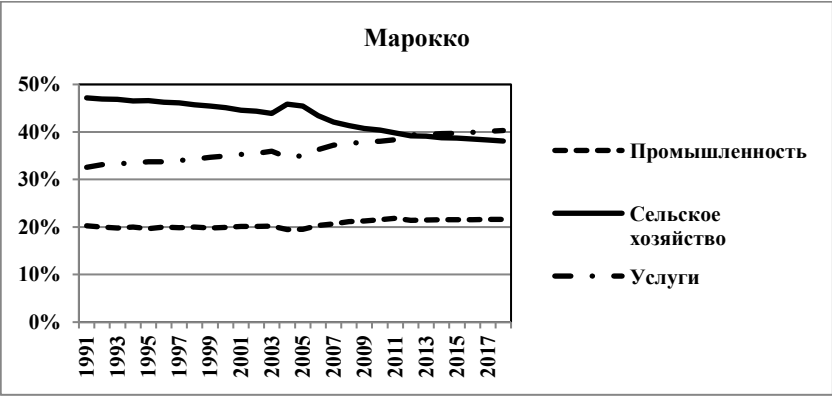
ПРИЛОЖЕНИЕ

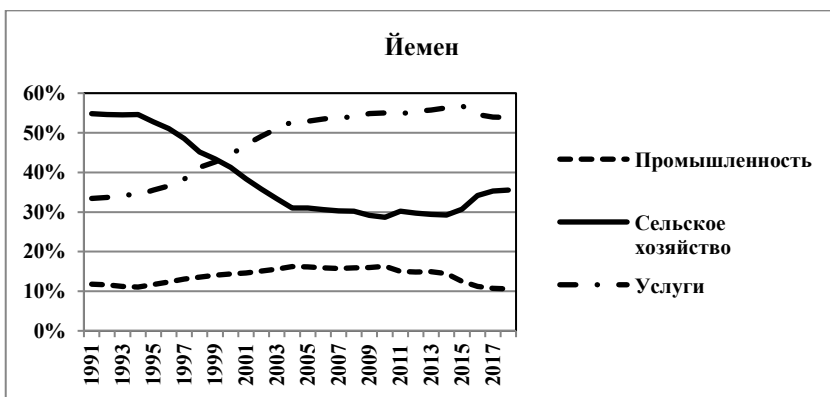
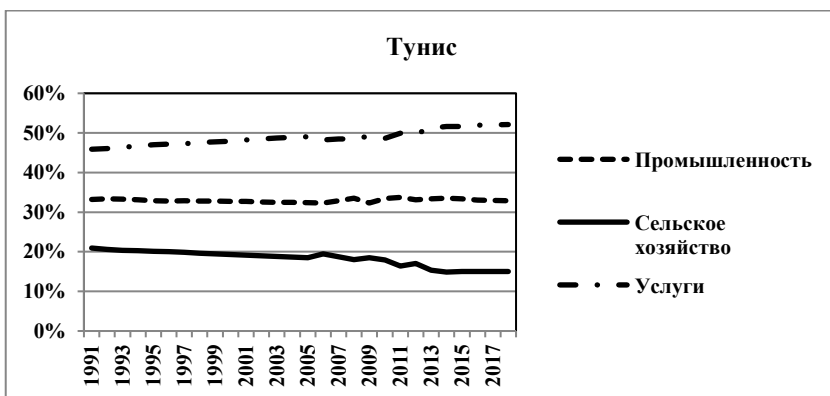
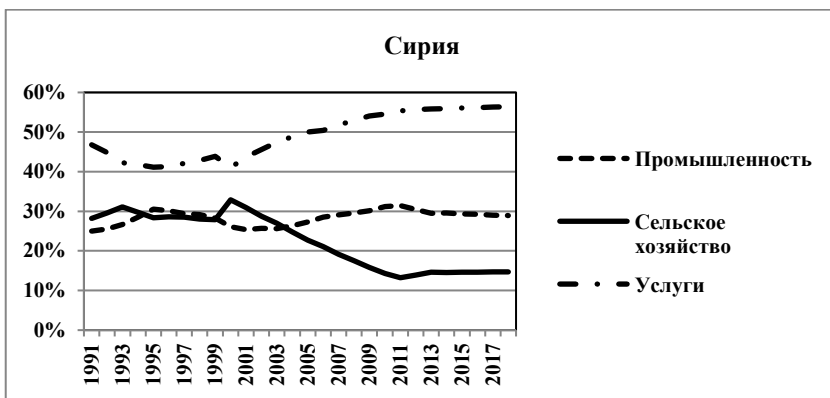
Приложение к §3.9

Приложение 3.9.1. Структура занятости в не нефтяных арабских странах (1991-2018)

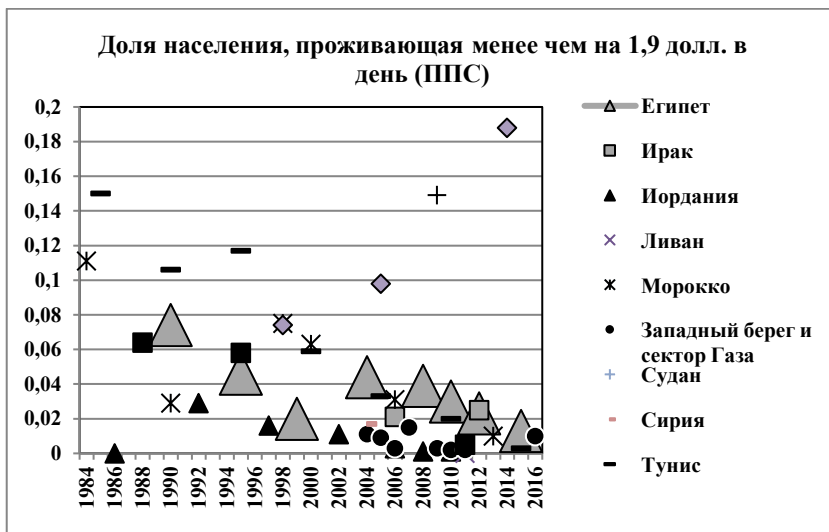
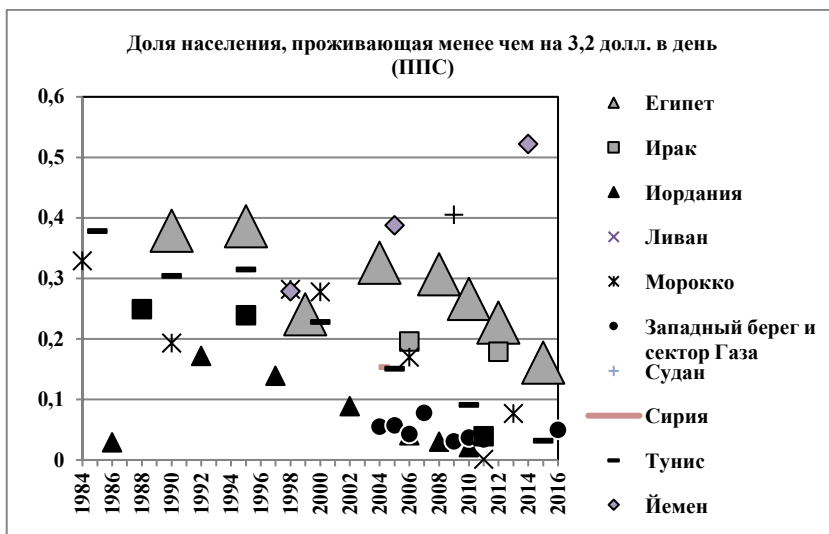

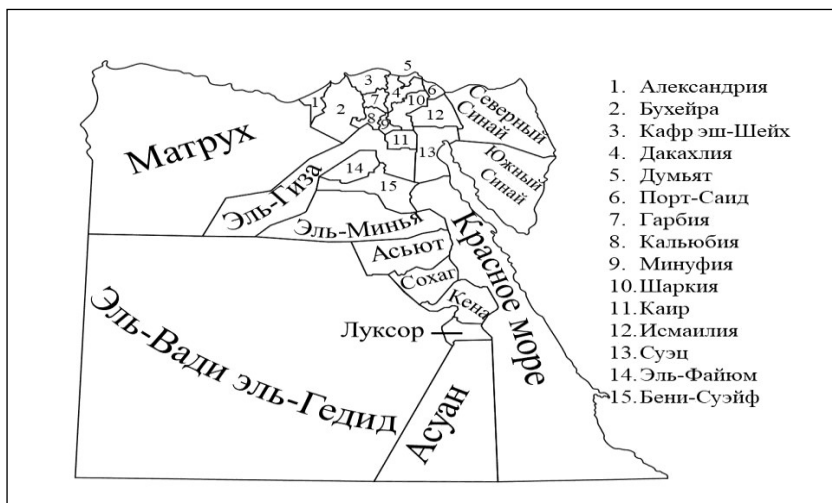
Источник: Всемирный банк.

Приложение 3.9.2 Доля бедного населения в не нефтяных арабских странах (1981-2016)

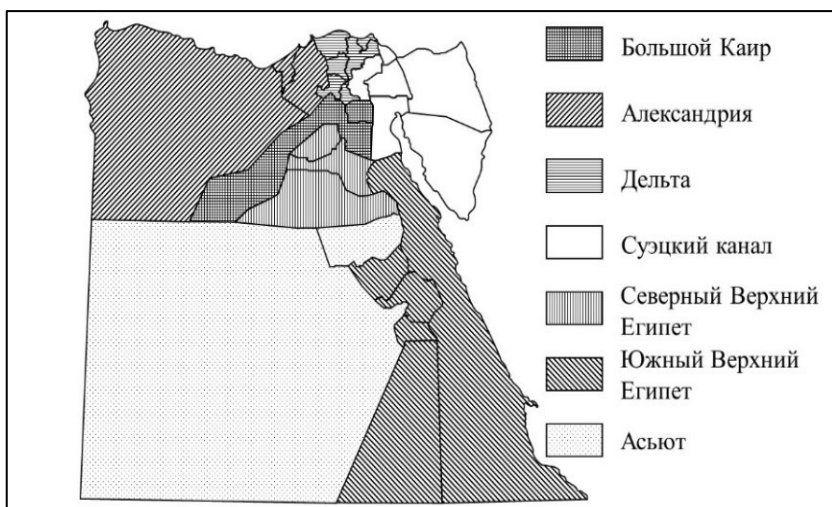
Источник: Всемирный банк.

Приложение 3.9.3. Карта провинций Египта

Источник: Главное управление физического планирования Египта.

Приложение 3.9.4. Экономические районы Египта

Источник: Главное управление физического планирования Египта.

Приложение 3.9.5. Население, уровень урбанизации и доля работающих в сельском хозяйстве от занятого населения по провинциям Египта

Провинция	Население (тыс. чел.) в 2018 г.	Уровень урбанизации (%) в 2018 г.	Доля работающего населения, занятого в с/х (%) в 2017 г.
Александрия	5 226	98,5	3,3
Асуан	1 501	41,5	23,4
Асьют	4 472	26,1	35,0
Бени-Суэйф	3 214	23	44,1
Бухейра	6 277	18,7	47,0
Гарбия	5 066	28,6	22,5
Дакахлия	6 577	28,8	24,4
Думьят	1 516	39,6	17,7
Исмаилия	1 325	44,6	28,1
Каир	9 655	100	2,5
Кальюбия	5 703	42,7	12,0
Кафр эш-Шейх	3 414	24	41,2
Кена	3 224	18,7	35,3
Красное море	366	96,6	5,1
Луксор	1 270	40,7	27,2
Матрух	441	63	8,2
Минуфья	4 366	21	28,1
Порт-Саид	757	100	1,4
Северный Синай	457	62,7	9,8
Сохаг	5 063	21,3	35,8
Суэц	738	100	2,8
Шаркия	7 270	24,6	30,6
Эль-Вали эль-Гедид	245	46,7	21,7
Эль-Гиза	8 759	60,9	11,3
Эль-Минья	5 607	18	46,4
Эль-Файюм	3 666	23,1	33,5
Южный Синай	104	53,4	4,3

Источник: Центральное агентство государственной мобилизации и статистики Египта.

Приложение 3.9.6. Распределение занятого населения старше 15 лет по видам деятельности по провинциям Египта (2017)

	Первичный сектор	Вторичный сектор	Услуги	С/х, охота, лесничество	Добыча полезных ископаемых	Производство	Электроника, газ	Вода и канализация	Строительство	Торговля и ремонт транспорта	Транспорт и хранение	Питание и гостиничные услуги	Инфо-телеком услуги	Страхование и финансы	Собственность и аренда	Наука и технологии	Администрирование	Государственное управление, оборона	Образование	Здравоохранение	Развлечение	Другие услуги	Домашние услуги	Провинция Египта
По стране	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%
Каир	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%	25%
Александрия	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%	25%
Порт-Саид	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%
Суэц	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%
Дамietta	0%	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%
Шархия	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%
Шархия	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%
Копиолия	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%
Кафр эл-Шейх	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%
Гарбия	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%
Менуфия	0%	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%
Бухайра	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%	25%	26%	27%
Исмаилия	0%	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%
Гиза	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%
Бени-Суейф	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%
Эль-Файюм	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%
Эль-Минья	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%	25%	26%
Альбат	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%
Сохат	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%	25%
Кена	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%
Асуан	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%	25%
Лухор	0%	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%
Красное море	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%
Новая Дамия	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%
Матрух	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%	25%
Сев. Синай	0%	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%
Юж. Синай	1%	2%	3%	4%	5%	6%	7%	8%	9%	10%	11%	12%	13%	14%	15%	16%	17%	18%	19%	20%	21%	22%	23%	24%

Источник: Центральное агентство государственной мобилизации и статистики Египта.

Приложение 3.9.7. Матрица главных компонент до вращения

	Компонент	
	1	2
Мед. учреждений на тыс. чел.	,916	,167
Длина дорог (м. на человека)	,876	,397
Количество рабочих мест в малых предприятиях на тыс. чел.	,857	,422
Доля работающего населения	,794	,450
Средние расходы на человека в год	,761	-,505
Доля занятых в сфере услуг	,743	-,534
Уровень неграмотности	-,696	,630

Источник: собственные расчёты, Центральное агентство государственной мобилизации и статистики Египта, Hlasny V., Verme P.

Приложение 3.9.8. Парные коэффициенты корреляции между долями занятых в разных секторах экономики в Египте в 2017 г.

Доля занятых		В сфере услуг	Во вторичном секторе	В первичном секторе
В сфере услуг	Корреляция Пирсона	1	,092	-,892 ¹
Во вторичном секторе	Корреляция Пирсона	,092	1	-,532 ¹
В первичном секторе	Корреляция Пирсона	-,892 ¹	-,532 ¹	1

Источник: собственные расчёты, Центральное агентство государственной мобилизации и статистики Египта.

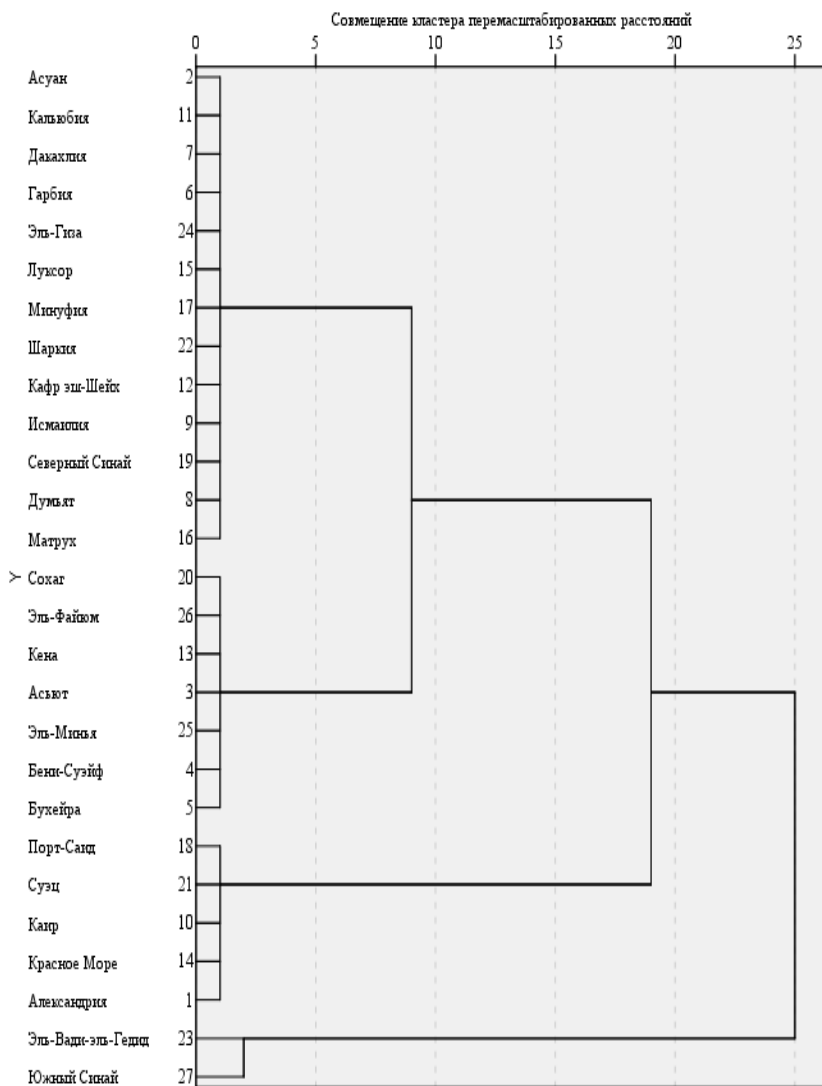
Примечание: ¹ Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

Приложение 3.9.9. Коэффициенты парной корреляции безработицы и других показателей по 27 регионам Египта

	Средние доходы на человека в год 2008/2009	Средние расходы на человека в год 2008/2009	Доля занятых в сфере услуг	Уровень неграмотности	Доля людей с высшим образованием	Доля занятых в науке и технологиях	Длина дорог на человека	Рабочие места в малых предприятиях на тыс. чел.	Мед. учреждений на тыс. чел.	Доля работающего населения
Безработица	-,044	,149	,265	-,361	,205	,080	-,455	-,457	-,380	-,564

Источник: собственные расчёты, Центральное агентство государственной мобилизации и статистики Египта, Hlasny V., Verme P.

Приложение 3.9.10. Дендрограмма распределения провинций Египта по кластерам.

Источник: собственные расчёты, Центральное агентство государственной мобилизации и статистики Египта, Hlasny V., Verne P.

Приложение 3.9.11. Парные коэффициенты корреляции между социально-экономическими показателями по 27 регионам Египта

	Средние доходы на чел. в год 2008/2009	Средние расходы на чел. в год 2015	Средние расходы на чел. в год 2008/2009	Средние расходы на чел. в год 2015	Доля занятых в сфере услуг	Уровень неграмотности	Доля людей с высшим образованием	Доля занятых в науке и технологиях	Длина дорог на человека	Рабочие места в малых предприятиях на тыс. чел.	Мед. учреждений на тыс. чел.	Доля работающего населения
Средние доходы на чел. в год 2008/2009	1	,574**	,915**	,664**	,713**	-,705**	,590**	,635**	,721**	,626**	,794**	,543**
Средние доходы на чел. в год 2015	,574**	1	,624**	,930**	,861**	-,679**	,696**	,609**	,348	,312	,361	,420*
Средние расходы на чел. в год 2008/2009	,915**	,624**	1	,775**	,744**	-,770**	,743**	,730**	,462*	,404*	,655**	,366
Средние расходы на чел. в год 2015	,664**	,930**	,775**	1	,863**	-,730**	,789**	,671**	,304	,264	,404*	,327
Доля занятых в сфере услуг	,713**	,861**	,744**	,863**	1	-,807**	,712**	,682**	,479*	,405*	,519**	,374
Уровень неграмотности	-,705**	-,679**	-,770**	-,730**	-,807**	1	-,808**	-,637**	-,326	-,377	-,520**	-,284
Доля людей с высшим образованием	,590**	,696**	,743**	,789**	,712**	-,808**	1	,847**	,152	,226	,362	,219
Доля занятых в науке и технологиях	,635**	,609**	,730**	,671**	,682**	-,637**	,847**	1	,310	,305	,408*	,299
Длина дорог на человека	,721**	,348	,462*	,304	,479*	-,326	,152	,310	1	,925**	,851**	,802**
Рабочие места в малых предпр. на тыс. чел.	,626**	,312	,404*	,264	,405*	-,377	,226	,305	,925**	1	,811**	,817**
Мед. учреждений на тыс. чел.	,794**	,361	,655**	,404*	,519**	-,520**	,362	,408*	,851**	,811**	1	,754**
Доля работающего населения	,543**	,420*	,366	,327	,374	-,284	,219	,299	,802**	,817**	,754**	1
**. Корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя).												
*. Корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).												

Источник: собственные расчёты, Центральное агентство государственной мобилизации и статистики Египта, Hlasny V., Verme P.

Приложение 3.9.12. Повёрнутая матрица компонентов.

Признаки	Компонент	
	(1)	(2)
Количество рабочих мест в малых предприятиях на тыс. чел.	,933	,204
Длина дорог (м. на человека)	,932	,237
Доля работающего населения	,901	,144
Мед. учреждений на тыс. чел	,820	,441
Уровень неграмотности	-,151	-,926
Доля занятых в сфере услуг	,248	,881
Средние расходы на человека в год 2008/2009	,280	,870

Источник: собственные расчёты, Центральное агентство государственной мобилизации и статистики Египта, Hlasny V., Verme P.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамова И.О. Арабский город на рубеже тысячелетий: (на примере Египта). / Отв. ред. АМ. Васильев. М. 2005.
2. Авдаков И.Ю. Транспорт Японии: особенности стратегии инновационного развития. // История и современность, 2012 № 2.
3. Акимов А.В. Трудосберегающие технологии и общественное развитие в XXI веке // Восток (Oriens). 2015. № 1.
4. Акимов А.В., Борисов М.Г., Дерюгина И.В., Кандалинцев В.Г. Страны Востока к 2050 году: Население, энергетика, продовольствие, инвестиционный климат. М. 2017.
5. Акимов А.В., Яковлев А.И. Общество и технологии в XXI веке: прогнозы и управление развитием в странах Востока и Запада. Институт востоковедения РАН, Институт стран Востока. М. 2020.
6. Александров Ю.Г. Аграрное перенаселение в странах Востока. М. 1988.
7. Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Геополитический шанс России: транспортная система в формате РФ-КНР-Центральная Азия. Изд. 2-е, испр. Отв. ред. д.э.н. А.И. Салицкий. М.: ИВ РАН, 2018.
8. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: Деньги, власть, истоки нашего времени / Пер. с англ. М., 2006.
9. Аузан А.А., Никишина Е.Н. Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов. Журнал экономической теории. 2013. №4.
10. База данных Турецкого статистического общества по регионам Турции: <https://biruni.tuik.gov.tr/bolgeselististik/tabloOlustur.do#>

11. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана XX век. М.: ИВ РАН.2008.
12. Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н., Шаумян Т.Л. Южная Азия в мировой политике. М.: Международные отношения. 2003.
13. Бони Л.А. Китайская деревня на пути к рынку (1978–2004 гг.) М.: ИДВ РАН. 2005.
14. Бурыкин С.И. Производство и рынок минерального сырья. Екатеринбург, 2007.
15. Бюллетень социально-экономического кризиса в России. Июль 2015. Положение регионов России в условиях кризиса // <http://ac.gov.ru/files/publication/a/5976.pdf>.
16. Валлерстайн И. Мир-система Модерна. В 4-х томах / Пер. с англ. М., 2015–2016.
17. Валлерстайн И. Структурный кризис, или почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? // И. Валлерстайн, Р. Коллинз, М. Манн, Г. Дерлугьян, К. Калхун. Сборник статей. М. 2015.
18. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире. Пер. с англ. / Сост. Т. Шанина. Под ред. А. В. Гордона. М. 1992.
19. Виноградов А.О., Салицкий А.И., Семенова Н.К. Американско-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 1.
20. Внешняя Торговля России на основе данных Федеральной таможенной службы России // <http://russian-trade.com/reports-and-reviews/2019-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-kitaem-v-2018>.
21. Война и общество в XX веке. Кн. 2. Война и общество накануне и в период Второй мировой войны. М. Наука. 2008.
22. Галишева Н.В. Экономика Пакистана. М.: МГИМО. 2018.

23. Гальперин В.М., Игнатьев С. М., Моргунов В. И. Микроэкономика. Т.2. Санкт-Петербург, 1999.
24. Гельбрас В.Г. Экономика Китайской Народной республики: курс лекций. М.: Квадрига. 2010.
25. Грайворонский В. Монголия: пастбищно-кочевое животноводство – рекордный рост скота и экологическая угроза. // Азия и Африка сегодня. 2018. №9.
26. Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Межстрановое неравенство: динамика и проблема стадий развития // Вопросы экономики. 2018. №7.
27. Григорьев Л.М., Павлюшина В.А. Социальное неравенство в мире: тенденции 2000 – 2016 гг. // Вопросы экономики. 2018. № 10.
28. Григорьев Л.М., Салмина А.А. «Структура» социального неравенства современного мира: проблемы измерения. Социологический журнал. 2013. № 3.
29. Гринин Л.Е., Коротаев А.В. Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-системы: исследование кондратьевских, жюглярских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек. М. 2012.
30. Гукасян Г.Л., Разин А.Д. «Экономическая модернизация и инфраструктура: опыт Объединенных Арабских Эмиратов». // «Инновации и инвестиции». Научно-аналитический журнал. № 12/ 2019.
31. Гуня А. Н., Ефимов А. Б. Возможности и риски китайской инициативы «Нового Шелкового пути» для развития России // Культурное наследие России, 2019.
32. Денисов Ю.Д. Стратегия инновационного развития экономики Японии. // Япония. Ежегодник 2008. М., ИВ РАН. 2008.
33. Дерюгина И.В. Продовольственная безопасность в странах Юго-Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. М.: ИВРАН 2019 №2 (43).

34. Дерюгина И.В. Сельское хозяйство мира: прошлое и будущее 1980–2010–2050. М. 2015.
35. Дерюгина И.В. Сельское хозяйство стран Азии и Северной Африки: экономический рост и модернизация. М.: ИВ РАН, 2018.
36. Дерюгина И.В. Сельское хозяйство в странах Азии: инновации в целях продовольственной безопасности // Инновации и инвестиции. 2019 №7.
37. Доклад о неравенстве в мире 2018. Основные положения. Авторы и составители: Facundo Alvaredo, Lucas Chancel, Thomas Piketty, Emmanuel Saez, Gabriel Zucman. Лаборатория неравенства в мире, 2017.
38. Доклад о человеческом развитии 2019. За рамками уровня доходов и средних показателей сегодняшнего дня: неравенство в человеческом развитии в XXI веке. Резюме. ПРООН. NY 2019.
39. Загадки экономического роста: движущие силы и кризисы – сравнительный анализ / Научный редактор Л. Бальцерович и А. Жоньцы / Пер. с польск. М., 2012.
40. Кадри Джамиль. Кадая иктисадийя. Хауля аль-азма аль-иктисадийя аль-алямийя ва иникасатуха аля Сурия. Димашк 2016 // Экономические проблемы. Мировой экономический кризис и его влияние на Сирию. Дамаск 2016.
41. Каменев С.Н. История экономических процессов в Пакистане (XX-начало XXI в.). М.:ИВ РАН. 2019.
42. Кандалинцев В.Г. Анализ соотносительной динамики ВВП и НВПИИ на примере Китая, Индии и Японии // Восточная Аналитика. 2020 №1.
43. Капельюшников Р.Т. Команда Т. Пикетти о неравенстве в России: коллекция статистических артефактов. Препринт WP3/2020/01 / Р. И. Капельюшников ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. 2019.
44. Китай в мировой экономике и международном бизнесе. Коллективная монография / Отв.ред. Р.И. Хасбулатов, С.В. Иванова. ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова». 2019.

45. Кокудзэйтё токэй нэмпошё. Хэйсэй 26 нэндохан (Статистический ежегодник налогового управления. 2014 фин. г.). Т. 2016.
46. Кокумин сэйкацу-ни кансуру сэрон тёса (Опрос общественного мнения относительно жизни народа). Канцелярия кабинета министров. Июнь 2019 г. https://survey.gov-online.go.jp/r01/r01-life/3_chosahyo.html
47. Кондратьев В.Б. Глобальный рынок редкоземельных металлов // Горная промышленность. 2017, №4.
48. Кондратьев В.Б. Роль горной промышленности в экономике // Горная промышленность. 2017 №1.
49. Кондратьев В.Б., Попов В.В., Кедрова Г.В. Глобальный рынок меди // Горная Промышленность. 2019, №4.
50. Кондратьев Н.Д. Динамика цен промышленных и сельскохозяйственных товаров (К вопросу о теории относительной динамики и конъюнктуры) // Кондратьев Н.Д. Особое мнение. Избранные произведения в 2-х книгах. Кн. 2. М. 1993. С. 246.
51. Картунов А.В. От постмодернизма к неомодернизму, или воспоминания о будущем // «Россия в глобальной политике». №1 Январь–февраль 2017
52. Косоруков А.А. Стратегия Китая в начале XXI века: выход на глобальный // ВВ: Национальная безопасность. 2014. № 4.
53. Кузнецов В.А. Арабские общества эпохи неомодерна: поиск новых единств. Восток (Oriens). 2020. №2. С. 28-40.
54. Латышева Н.Н. Морской транспорт современной Японии. М., Наука, 1985.
55. Лебедева И.П. Монодзукури в условиях глобализации // Япония. Ежегодник 2010. М., ИВ РАН. 2010.
56. Лемутов В.А. Роль новых технологий в экономическом развитии Китайской Народной Республики в 2000-2010-е гг. Выпускная квалификационная работа. М.: ИСАА МГУ, 2020

57. Леонтьев Л.И., Юсфин Ю.С., Малышева Т.Я. Сырьевая и топливная база черной металлургии: учебное пособие для вузов. М., 2007
58. Лукин А.В. Сокрытие возможностей или триумфальное шествие? // http://www.ng.ru/ideas/2018-11-19/7_7442_idei.html
59. Луконин С.А. Экономический пояс Шелкового пути: риски и возможности для России // Международная торговля и торговая политика, 2015. №4.
60. Лянь Хуа. Новым данным по росту ВВП Китая никто не верит. 20.01.2016. <http://inosmi.ru/economic/20160120/235108703.html> (accessed 20.01.2016).
61. Макеев Ю.А. Практика разработки пятилетних планов в КНР // Восточная аналитика. 2016 №3.
62. Марков Г.Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 2010, 318 с.
63. Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевнического общества. 2-е изд. Алматы, 2011.
64. Мельянцев В.А. Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность. М. 1996.
65. Мельянцев В.А. КНР и США, кто кого: сравнение основных параметров экономического развития. // Азия и Африка сегодня. 2019, № 8.
66. Мельянцев В.А. Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен (сравнительная оценка эффективности роста в 1980–2000-е гг.). М. 2009.
67. Мельянцев В.А. Умные технологии, парадокс Солоу и противоречия социально-экономического развития в странах Запада и Востока в начале XXI в. // Восток (Oriens). 2017. № 3.
68. Мельянцев В.А., Матюнина Л.Х. Очерки макроэкономического и финансового развития стран Востока и Запада (1980–2010-е годы). М. 2019.
69. Мировой кризис и Япония. М., Аиро-XXI, 2009.

70. Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 1-2030 гг.: очерки по макроэкономической истории / Пер. с англ. М., 2015.
71. Никель. Т. 2. Окисленные никелевые руды. Характеристика руд. Пирометаллургия и гидрометаллургия окисленных никелевых руд. / Отв.ред. И. Д. Резник, Г. П. Ермаков, Я. М. Шнерсон. М. 2004.
72. Новая система производительных сил и страны Востока: (коллективная монография) / Отв. ред. А.В. Акимов, С.А. Панарин, науч. ред. И.В. Дерюгина, Н.Н. Цветкова; Ин-т востоковедения РАН. М. 2019.
73. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера М. 1997.
74. Общие основы получения цветных металлов. Отв. ред. А.Н. Бурухин. М. 2005.
75. Оганесян Л.В., Мирлин Е.Г. Проблема исчерпания минерально-сырьевых ресурсов земной коры // Горная Промышленность. 2019, №6.
76. ООН. Декларация тысячелетия. Саммит тысячелетия. Нью-Йорк, 6-8 сентября 2000 г.
77. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015
78. Померанц К. Великое расхождение: Китай, Европа и создание современной мировой экономики / Пер. с англ. М., 2017.
79. Пшихачев С.М. Сельское хозяйство США: основные тенденции развития и эколого-экономическая устойчивость отрасли. М., 2003. 325 с.
80. Растянников В.Г. НТР и проблемы стадий капиталистической эволюции в развивающихся странах Востока // Страны Азии и Африки в XXI веке: экономическое развитие и научно-технический прогресс. К 90-летию Виктора Георгиевича Растяникова / Отв. ред. А.В. Акимов, И.В. Дерюгина. М. 2018.

81. Растянников В.Г., Дерюгина И.В. «Большие циклы» в агро-сфере. XX век. Опыт межстранового сравнительно-исторического анализа М.1997.
82. Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Два технологических способа производства в сельском хозяйстве стран Запада и Востока. Часть I // Вопросы статистики. 2013 №11.; Часть II // Вопросы статистики. 2014 №2.
83. Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Модели сельскохозяйственного роста в XX веке. Индия, Япония, США, Россия, Узбекистан, Казахстан. М. 2004.
84. Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Сельское хозяйство: Восток vs Запад. Два технологических способа производства. М. 2017
85. 5. Растянников В.Г., Дерюгина И.В. Урожайность хлебов в России: 1795–2007. М. 2009.
86. Растянникова Е.В. БРИКС: первичный сектор экономики в мировом хозяйстве в начале XXI века М. 2016.
87. Растянникова Е.В. Вторичное использование ресурсов в металлургической промышленности в России и Китае // Инновации и инвестиции. 2019 №7.
88. Растянникова Е.В. Страны БРИКС на пороге четвертой промышленной революции: добывающая промышленность. М., 2019.
89. Растянникова Е.В. Страны БРИКС: тренды экономического роста добывающей промышленности в XXI веке // Вопросы статистики. 2019, №5. Том 26.
90. Рынок и социальные проблемы: Восток – Россия. М.: ИВ РАН, Центр стратегической конъюнктуры, 2013.
91. Салицкий А.И., Семенова Н.К. Шелковое наступление Китая // Перспективы. №1 (5) (январь – март). М.: Фонд исторической перспективы, 2016.
92. Самсонов В.В. Гносеологические возможности применения концепции эксполярных структур Т. Шанина в исследованиях

- неформальной экономики. Вестник // НГУ. Серия: Философия. 2010. Том 8. Выпуск 1.
93. Самуэльсон П., Нордхауз В. Экономика. Пер. с англ. М. 2007.
94. Семенова Н.К. Российско-китайское взаимодействие в Центральной Азии: нефтегазовые аспекты М.: ИВ РАН. 2018.
95. Словарь социологической статистики. 2004. https://sociological_statistics.academic.ru/70.
96. Страны Азии и Африки в XXI веке: экономическое развитие и научно-технический прогресс. К 90-летию Виктора Георгиевича Растянникова / Отв. ред. А.В. Акимов, И.В. Дерюгина. М. 2018
97. Уянаев С.В. Новые «Шелковые Пути» Китая: принципы и параметры официальной «дорожной карты» / Китай в мировой и региональной политике (История и современность). М. 2015.
98. Хазин Михаил. Воспоминание о будущем. Идеи современной экономики. М. 2019.
99. Хасимото Кэндзи. Син нихон-но кайкю сякай (Новое классовое общество Японии). Токио: Коданся гэндай синсё, 2018.
100. Хелпман Э. Загадка экономического роста / Пер. с англ. М. 2011.
101. Хонгава Ютака. Нихон-дэ ва сётоку какуса мо хинкон исики мо какудайсите инай кэттэйтэки дэта (Данные, подтверждающие отсутствие в Японии роста неравенства в доходах и ощущения бедности). Diamond online. 28.09.2016. <https://diamond.jp/articles/-/103116>
102. Хэйсэй 29 нэмпан косэй родо хакусё (Белая книга по здравоохранению, труду и благосостоянию 2017). Ministry of Health, Labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/wp/hakusyo/kousei/17>
103. Хэйсэй 29 нэн кокумин сэйкацу кисо тёса-но гайкё (Результаты базового обследования жизни населения 2018). Ministry of Health, Labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/toukei/sai-kin/hw/k-tyosa/k-tyosa17/dl/02.pdf>

104. Хэйсэй 29нэн сётоку сайхайбун тёса хококусё (Доклад 2017 г. Министерства здравоохранения о перераспределении доходов). <https://www.mhlw.go.jp/toukei/list/dl/96-1/h29hou.pdf>
105. Хэйсэй 30 нэмпан корэй сякай хакусё (Белая книга о стареющем обществе 2018). Cabinet Office. https://www8.cao.go.jp/kourei/whitepaper/w-2018/zenbun/pdf/1s1s_01.pdf.
106. Хэйсэй 30 нэмпан сёсика сякай тайсаку хакусё (Белая книга о политике в обществе со снижающейся рождаемостью 2018). Cabinet Office. <https://www8.cao.go.jp/shoushi/shoushika/whitepaper/measures/w-2018/30pdfgaiyoh/30gaiyoh.html>.
107. Хэйсэй 30нэндо эйсэй гэсэй хококурэй-но дзёкё (Доклад Министерства здравоохранения о состоянии общественной гигиены). https://www.mhlw.go.jp/toukei/saikin/hw/eisei_houkoku/18/dl/gaikyo.pdf
108. Цветкова Н.Н. Международные монополии и социальная эволюция в развивающихся странах Азии. М., 1983.
109. Цветкова Н.Н. Прямые иностранные инвестиции в Азии и в России: опыт сравнительного анализа. М. 2004.
110. Чжао Хуашэн, Произошли ли изменения в природе китайско-российских отношений? Pengbo, 10 July 2016.
111. Что догоняет догоняющее развитие. Поиски понятия. Отв.ред. А.М. Петров. М. 2011.
112. Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925. М. 2019.
113. Шарма Р. Взлеты и падения государств. Силы перемен в постиндустриальном мире. М. 2018.
114. Шарма Р. Прорывные экономики: в поисках следующего экономического чуда. М., 2013.
115. Шумпетер Й. Теория экономического развития. М. 1982.

116. Эрикссон М., Леф О. Роль горнодобывающей промышленности в экономике отдельных стран в период с 1996 по 2016 год // Горная Промышленность. 2019, №6.
117. Юрлов Ф.Н. Центр экономического развития мира перемещается с Запада в Азию // Страны Азии и Африки в XXI веке: экономическое развитие и научно-технический прогресс. К 90-летию Виктора Георгиевича Растяникова / Отв. ред. А.В. Акимов, И.В. Дерюгина. М. 2018.
118. Юшина Т.И., Петров И.М., Гришаев С.И., Черный С.А. Обзор рынка РЗМ и технологий переработки редкоземельного сырья // Горный информационно-аналитический бюллетень (научно-технический журнал). 2015. №S1.
119. Япония: Собрание очерков "Вслед за кистью" (дзуйхицу). Восточная литература. 2000.
120. Abhijit V. Banerjee and Esther Duflo. How Poverty Ends. The Many Paths to Progress – And Why They Might Continue // Foreign Affairs. January/February 2020.
121. Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail. The Origins of Power, Prosperity and Poverty. New York, Crown Publishers, 2012.
122. Agrawal Shaleen and Prachi Gupta. Budget 2020. Helping the poorest; why super rich must urgently step up tax game: Oxfam Interview. February 1, 2020 // <https://www.financialexpress.com/budget/budget-2020-helping-the-poorest-why-super-rich-must-urgently-step-up-tax-game-oxfam-interview/1841807/>
123. Aizawa, Toshiaki; Dekle, Robert; Helble, Matthias . Sources of income inequality: A comparison of Japan and the United States Working Paper. ADBI Working Paper, No. 663. Asian Development Bank Institute (ADBI), Tokyo. 2017. <https://www.econstor.eu/bitstream/10419/163162/1/881174378>.
124. Allen F., Qian M. A Review of China's Institutions. Article in SSRN // Electronic Journal. January 2018.

125. An Economy for the 99%. OXFAM Briefing Paper. January 2017.
126. Annual Health, Labour and Welfare Report 2017. Ministry of Health, Labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/english/wp/wp-hw11/dl/10e.pdf>.
127. APO Productivity Databook 2018. Tokyo, 2018; 2019.
128. ASEAN in Transformation: the future of jobs at risk of automation. ILO, Geneva, 2016.
129. Asia-Pacific Progress in Sustainable Energy. N.Y., U.N., ESCAP, 2017.
130. Atkinson Anthony B. Inequality. What Can Be Done? Harvard University Press. Cambridge, Massachusetts, London, England, 2015.
131. Baldwin R., Weder di Mauro B. Economics in the Time of COVID-19. The VoxEU. <https://voxeu.org/article/economics-time-covid-19-new-ebook>.
132. BIS, CGFS Papers No 60 Structural changes in banking after the crisis, 2018.
133. BKPM Statistic. Foreign Direct Investment. <http://www3.bkpm.go.id/en/statistic/foreign-direct-investment-fdi>
134. BNEF - 4 Q 2018 Off-Grid and Mini-Grid Market Outlook, <https://mediun.com/climateescape/4q-2018-off-grid-and-mini-grid-market-outlook-1dace7fc9087>.
135. Brown M. and Singh P. China's Technology Transfer Strategy: How Chinese Investments in Emerging Technology Enable A Strategic Competitor to Access the Crown Jewels of U.S. Innovation / Defense Innovation Unit Experimental, January 2018.
136. Burki S.J. Pakistan Under Zia 1977-1988. Asian Survey, 1988, N.12.

137. Celebrating the 4th anniversary of the New Suez Canal Inauguration. https://www.suezcanal.gov.eg/English/MediaCenter/News/Pages/sca_06-08-2019.aspx
138. Chen W., Chen X., Hsieh C., Song Z. A Forensic Examination of China's National Accounts. Brookings Papers on Economic Activity. BPEA Conference Drafts. 2019, March (<https://www.brookings.edu/bpea-articles/a-forensic-examination-of-chinas-national-accounts/>).
139. China's Debt Ration Is Growing as Its Economy Loses Steam. Bloomberg News. 17.07. 2019. <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-07-16/china-s-debt-growth-keeps-marching-on-as-economy-loses-pace>.
140. China's Industrial Policy Has Worked Better Than Critics Think. The Economist. 04.01.2020. <https://www.economist.com/finance-and-economics/2020/01/04/chinas-industrial-policy-has-worked-better-than-critics-think>
141. Cornell University, INSEAD, and WIPO. Global Innovation Index 2019. Geneva. 2019.
142. Country Complexity Rankings. <http://atlas.cid.harvard.edu/rankings/2017?country=>
143. Credit Suisse. Global Wealth Data Book, 2019. Geneva. 2019.
144. Databook of International Labour Statistics 2018. Japan Institute for Labour Policy and Training. <https://www.jil.go.jp/english/estatis/databook/2018/index.html>.
145. Databook of International Labour Statistics 2019. Japan Institute for Labour Policy and Training. <https://www.jil.go.jp/english/estatis/databook/2019/09.html>.
146. Deaton Angus. The Great Escape. Health, Wealth, and the Origins of Equality. Princeton. University Press. Princeton and Oxford, 2013.
147. Dinçer B., Özaslan M., Kavaşoğlu T. İllerin ve Bölgelerin Gelişmişlik Sıralaması Araştırması (1996). Ankara, DPT,1996.

148. Dinçer B., Özaslan M., Kavaşoğlu T. İllerin ve Bölgelerin Gelişmişlik Sıralaması Araştırması (2003). Ankara, DPT, 2003.
149. Distress Test: Beware China's \$3tn of Troubled Debt. The Financial Times. 30.01.2019. <https://www.ft.com/content/27950522-22dc-11e9-b329-c7e6ceb5ffdf>
150. Energy Policies Beyond IEA Countries. Morocco 2019. https://webstore.ica.org/download/summary/2736?file-Name=IDR_Morocco_ES_UK.pdf.
151. Environmental Performance Index Report 2018. <https://epi.envirocenter.yale.edu/>.
152. European Council on Foreign Relations. China and the Mediterranean: Open for Business? 2017. https://www.ecfr.eu/page/-/China_Analysis_June_2017.pdf.
153. FAOSTAT // www.fao.org/faostat/en/
154. Findlay St. India Predicts Economic Growth Will Rebound from Five-Year Low. // The Financial Times. 04.07.2019. <https://www.ft.com/content/a7e3cfba-9e3d-11e9-9c06-a4640c9feebb>
155. Framework of Inclusive Growth Indicators 2014. 4th Edition. Key Indicators for Asia and the Pacific Special Supplement. Manila, Asian Development Bank, 2014.
156. Fu Ying, How China sees Russia // Foreign Affairs. January/February 2016.
157. Global Innovation Index. 2019 Report. <https://www.globalinnovationindex.org/analysis-indicator>.
158. Global Off-Grid Solar Market Report. Utrecht, The Netherlands, 2017.
159. Green Technologies a Focus of Innovation in Morocco. UNESCO Media services. http://www.unesco.org/new/en/media-services/single-view/news/green_technologies_a_focus_of_innovation_in_morocco/
160. Gulf Business. 30.12.2019.

161. Gulf Economic Update. Economic Diversification for Sustainable and Resilient GCC. A World Bank Group for Gulf Cooperation Council Economies. Issue 5, Dec. 2019.
162. Handbook of Health and Welfare Statistics 2017. Ministry of Health, Labour and Welfare. <https://www.mhlw.go.jp/english/database/db-hh/6-1.html>.
163. Hlasny V., Verme P. Top incomes and the measurement of inequality in Egypt. // The World Bank Economic Review. 2016. Vol. 32. No. 2.
164. Human Development Report 2019. Inequalities in Human Development in the 21st Century. Briefing note for countries on the 2019 Human Development Report. UNDP. N.Y. 2019.
165. Ibrahim S. A Tale of Two Egypts: contrasting state-reported macro-trends with micro-voices of the poor. Third World Quarterly 32, No. 7. 2011.
166. IFR. World Robotics, 2019. Industrial Robots. Executive Summary. Shanghai, 2019. <https://ifr.org/downloads/press2018/IFR%20World%20Robotics%20Presentation%20-%2018%20Sept%202019.pdf>
167. Inflationary Trends in Saudi Arabia. KPMG in Saudi Arabia. August 2019.
168. Innovative China. New Drivers of Growth / World Bank Group; Development Research Center of the State Council, the People's Republic of China, 2019.
169. International Monetary Fund. <https://www.imf.org/ar/Countries/EGY/Egypt-qandas>.
170. IRENA, Off-Grid Renewable Energy Solutions: Global and Regional Status and Trends. Abu-Dhabi, 2018.
171. Japan Review of International Affairs. Tokyo. 1999.
172. Japan Review of Maritime Transport. Tokyo. 2019.

173. Japan Statistical Yearbook 2018. Statistics Bureau.
<https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/67nenkan/1431-22.html>.
174. Japan Statistical Yearbook 2020. Statistics Bureau.
<https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/69nenkan/>
175. Japanese women face a future of poverty, as confluence of factors conspire against them. // The Japan Times. 12.01.2020.
<https://www.japantimes.co.jp/news/2020/01/12/national/social-issues/japan-women-workforce-poverty-aging-birthrate/#.XtdWfTo-zYuU>.
176. Japan's household income gap down s//lightly but remains near record level, 2017 survey finds. // The Japan Times. 07.09.2019.
<https://www.japantimes.co.jp/news/2019/09/07/national/japans-household-income-gap-remains-near-record-level-2017-survey-finds/#.XkkWFGgzYuV>.
177. Jin K. China's 70 Years of Progress. // The Project–Syndicate. 30.09.2019. <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-70th-anniversary-celebration-agenda-ahead-by-keyu-jin-2019-09>
178. Jobs Lost, Jobs Gained: Workforce Transitions in a Time if Automation. McKinsey Global Institute. December 2017.
179. Kanbur R., Wang Y., Zhang X. The Great Chinese Inequality Turnaround // The VoxEU. 15.03.2019. <https://voxeu.org/article/great-chinese-inequality-turnaround>.
180. Kingdom of Saudi Arabia Budget Report. KPMG. Al Fozan & Partners Certified Public Accountants. December 2019.
181. Kitao Sagiri, Yamada Tomoaki. Dimensions of Inequality in Japan: Distributions of Earnings, Income and Wealth between 1984 and 2014. CAMA Working Paper. 2019. No.36. https://crawford.anu.edu.au/sites/default/files/publication/cama_crawford_anu_edu_au/2019-06/36_2019_kitao_yamada.pdf.
182. KOF Globalization Index. <http://www.kof.ethz.ch/forecasts-and-indicators/kof-globalization-index.html>.

183. Kuznets S. *Economic Growth of Nations*. Cambridge (Mass.). 1971.
184. Labor Situation in Japan and Its Analysis 2015/2016. // Japan Institute for Labour Policy and Training. <http://www.jilpt.go.jp/>
185. Leandro Medina and Friedrich Shneider. *IMF Working Paper. Shadow Economies Around the World: What Did We Learn Over the Last 20 Years?* African Department 2018.
186. Legatum Institute. *The Legatum Prosperity Index 2019*. London. 2019.
187. Maddison A. *Chinese Economic Performance in the Long Run*. P.: OECD. 1998.
188. Maddison A. *The World Economy: Historical Statistics*. Paris. 2003.
189. McCartney M. *India – Political Economy of Growth, Stagnation, and the State, 1951-2007*. Routledge. 2009.
190. McCartney M. *Pakistan – Political Economy of Growth, Stagnation, and the State, 1951-2009*. Routledge. 2011.
191. Miatta Fahnbulleh. *The Neoliberal Collapse. Markets are Not the Answer* // Foreign Affairs, January–February 2020.
192. Mitchell T., Liu X. *China’s Private Sector Struggles for Funding as Growth Slows*. // The Financial Times. 21.10.2019. <https://www.ft.com/content/56771148-1d1c-11e9-b126-46fc3ad87c65>
193. Morocco 2012. *Renewable Energy Country Profile*. www.recreee.org/sites/default/files/morocco_fact_sheet_print.pdf.
194. *Morocco Lights the Way for Africa on Renewable Energy*. <https://www.theguardian.com/global-development/2016/nov/17/cop22-host-morocco-lights-way-africa-renewable-energy-2020>.
195. Murray Charles. *Coming Apart*. Cox and Murray. Inc. New York, 2013.

196. New Perspectives of Pakistan's Political Economy. State, Class and Social Change. / Ed. M.McCartney and S.A.Zaidi. New York: Columbia University Press. 2019.
197. OECD (2019) Equity Market Review Asia 2019, OECD Capital Market Series, Paris. 2019.
198. OECD Interim Economic Assessment. Coronavirus: The World Economy at Risk. P. 2020.
199. OECPI-IEA «Sustainable development Goal 7: Access to clean cooking» <https://www.iea.org/sdg/cooking/>.
200. OFR Financial Stability Report 2017 FINANCIALRESEARCH.gov https://www.financialresearch.gov/financial-stability-reports/files/OFR_2017_Financial-Stability-Report.pdf
201. Overview of the Public Opinion Survey on the Life of the People. August 2016. Cabinet Office. <http://www.cfo.go.jp>.
202. Pakistan Economic Survey 1982-83. Government of Pakistan. Islamabad, 1983.
203. Pakistan Economic Survey 2018-19. Government of Pakistan. Islamabad. 2019.
204. Pakistan. Moving the Economy Forward. Ed. R.Amjad and S.J.Burki. Delhi: Cambridge University Press.2015.
205. People's Bank of China (2018): China Financial Stability Report 2018, September.
206. Pettis M. China's Growth Miracle Has Run Out of Steam. // The Financial Times. 19.11.2017. <https://www.ft.com/content/cb6bbf84-cb8e-11e7-ab18-7a9fb7d6163e>
207. Plender J. The Seeds of the Next Debt Crisis. // The Financial Times. 04.03.2020. <https://www.ft.com/content/27cf0690-5c9d-11ea-b0ab-339c2307bcd4>.
208. Plight of irregular workers. // The Japan Times. 05.01,2016. <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2016/01/05/editorials/plight-of-irregular-workers/#.XtIo9jozYuV>.

209. Policy Brief 19-6: Efforts of Oil Exporters in the Middle East and North Africa to Diversify Away from Oil Have Fallen Short. 1/8. Peterson Institute for International Economics. <https://www.piie.com/system/files/documents/pb19-6.pdf>
210. Poverty in Japan: Underclass struggles to achieve upward mobility. // The Japan Times. 13.07.2018.
211. Quatrepoint J.-M. La crise globale. On achève bien les classes moyennes et on n'en finit pas d'enrichir les élites. P., Mille et une nuits, 2008.
212. Ren21. Renewables 2019. Global Status Report. P., IRENA, 2019.
213. Renewable Energy Review. P., IRENA, 2019
214. Renewables 2016. Global Status Report. Ren 21 Secretariat. P., IRENA, 2017.
215. Rising Innovation in China. China Innovation Ecosystem. Development Report 2019 / Deloitte China, September 2019.
216. Robinson D. Saudi Arabia, the oil price war and Newcastle United: What a Premier League club takeover says about energy transition and Vision 2030. // OIL & GASUPSTREAMCRUDE. 01.06.2020. <https://www.nsenergybusiness.com/features/saudi-arabia-newcastle-united-oil-future/>
217. Sawako Shirahase. Social Inequality in Contemporary Japan. 2013, Volume 3, Issue 3.
218. Semiconductors – the Next Wave Opportunities and winning strategies for semiconductor companies / Deloitte, April 2019.
219. Sener to Complete Morocco's Noor Ouarzazate III Solar Plant Soon. By Tarek Bazza. <https://www.moroccoworld-news.com/2018/11/257329/sener-moroccos-noor-ouarzazate-solar-plant/>
220. Shanghai SE Composite Index. <https://markets.ft.com/data/indices/tearsheet/summary?s=SHI:SHH>

221. Sika N. Neoliberalism, marginalization and the uncertainties of being young: The case of Egypt. *Mediterranean Politics*. 2018.
222. Social Progress Index. 2019 <https://www.socialprogress.org/>
223. Statistik Indonesia. Statistical Yearbook of Indonesia 2019.
224. Stiglitz Joseph E. *The Price of Inequality. How Today's Divided Society Endangers Our Future*. W.W. Norton and Company. New York, London, 2013.
225. Stiglitz Joseph E., Todd N. Tucker, and Gabriel Zucman. *Why Capitalism's Salvation Depends on Taxation* // *Foreign Affairs*, Vol.99, № 1.
226. Study on Unlocking the Potential of the Fourth Industrial Revolution in Africa. Country case: Morocco. Technopolis, August 2019. www.4irpotential.africa/wp-content/uploads/2019/10/Morocco-Case-study-Temp.pdf.
227. Sudo Naoki. Why Do the Japanese Still See Themselves as Middle Class? The Impact of Socio-structural Changes on Status Identification. *Social Science Japan Journal*. Volume 22, Issue 1. Winter 2019. P. 25–44. <https://doi.org/10.1093/ssjj/jyy047>
228. Sustainable Development Goals. <http://www.fao.org/sustainable-development-goals/indicators/212/en/>
229. The Conference Board. *Productivity Brief 2019*. Washington, D.C. 2019. https://www.conference-board.org/retrievefile.cfm?filename=TED_ProductivityBrief_20191.pdf&type=subsite
230. The Economist. Special Report, 06.02.2020. China's Belt and Road. China wants to put itself back at the center of the world // <https://economist.com/special-report/2020/02/06/china-wants-to-put-itself-back-at-the-centre-of-the-world/>
231. The IMF. *World Economic Outlook*, 2019. October. Washington, D.C. 2019.
232. The KOF Globalisation Index. <https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html>

233. The Saudi Nuclear Energy Project. King Abdallah Petroleum Studies and Research Center (KAPSARK). January 2020.
234. The State of Food Security and Nutrition in the World 2019. <http://www.fao.org/3/ca5162en/ca5162en.pdf#page=32>
235. The UNDP. Human Development Report, 2019. N.Y. 2019.
236. The United Arab Emirates Government portal. // U.ae/en/about-the-uae/economy
237. The World Bank. <https://databank.worldbank.org/>
238. The World Bank. World Development Indicators. <http://wdi.worldbank.org/tables>
239. The World Bank. World Development Report, 1983; 1998/1999. Washington, D.C.
240. The World Bank. Worldwide Governance Indicators. <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#reports>
241. The World Economic Forum. The Global Competitiveness Report, 2019. Geneva. 2019.
242. The World Economic Forum. The Global Human Capital Report, 2017. Geneva. 2017. <https://weforum.ent.box.com/s/dari4dktg4jt2g9xo2o5pksjpatvawdb>
243. Tigari H., Aishwarya R. Capital Markets in India: A Conceptual Framework International Journal of Economics, December 2019
244. Trade and Foreign Investment – Keys to Diversification in the GCC. International Monetary Fund, 2018.
245. Trading Economics. <https://tradingeconomics.com/egypt/inflation-cpi>
246. Transnational Enterprises: Their Impact on Third World Societies and Cultures. Boulder (Col.), 1980.
247. UNDP. Human Development Report 2019. N.Y., 2019
248. UNDP. Data <http://hdr.undp.org>.

249. UNESCO Science Report: Towards 2030. Ch. 17. The Arab States. <https://unesdoc.unesco.org/>
250. Waters R. How the US and China Are Calculating on Super-computer Dominance. The Financial Times. 06.03.2020. <https://www.ft.com/content/ad9b2c28-5efe-11ea-b0ab-339c2307bcd4>
251. Weinland D. China's Shadow Banking Industry Roars Back. // The Financial Times. 25.09.2019. <https://www.ft.com/content/4c66b622-dea5-11e9-9743-db5a370481bc?desk-top=true&segmentId=d8d3e364-5197-20eb-17cf-2437841d178a#myft%E2%80%A6>
252. Wheatley J. China's Debt Problem Is Really an Asset Problem. // The Financial Times. 12.03.2020. <https://www.ft.com/content/17943d46-62fa-11ea-b3f3-fe4680ea68b5?desk-top=true&segmentId=d8d3e364-5197-20eb-17cf-2437841d178a#myft...>
253. Wildau G., Fleming S. Nervous Markets: How Vulnerable Is China's Economy? // The Financial Times. 04.01.2019. <https://www.ft.com/content/5839f5dc-0fdd-11e9-a3aa-118c761d2745>
254. Woetzel J., Seong J., Leung N., Manyika J., Madgavkar A., Ngai J., Lund S., Mironenko A. Reimagining Global Ties: How China and the World Can Win Together. N.Y. 2018.
255. Woetzel J., Seong J., Leung N., Manyika J., Madgavkar A., Ngai J., Lund S., Mironenko A. China and the World Inside the Dynamics of a Changing Relationship. N.Y. 2019.
256. Wong S.-L. China Exports Plummet by 17% as Coronavirus Takes Its Toll. // The Financial Times. 07.03.2020.
257. World Economic Forum. The Competitiveness Report 2003-2004. New York. 2004.
258. World Economic Forum. The Competitiveness Report 2019. Geneva. 2019.
259. World Energy Outlook. P., IEA, 2018.

260. World Inequality Database. <https://wid.world/data/>
261. World Investment Report 2017. UNCTAD. N.Y. – Geneva. 2017.
262. World Nuclear Association. United Arab Emirates. <https://www.world-nuclear.org/information-library/country-profiles/countries-t-z/united-arab-emirates.aspx>
263. World Population Prospects 2019. File MORT/7-1: Life expectancy at birth (both sexes combined) by region, subregion and country, 1950-2100 (years). Estimates, 1950 – 2020 POP/DB/WPP/Rev.2019/MORT/F07-1
264. Xu G., Gui B. From Financial Repression to Financial Crisis? // Asian Pacific Economic Literature. 2019, vol. 33, N 1.
265. Zaidi S.A. Issues in Pakistan's Economy. Second Edition. Karachi: Oxford University Press. 2011.
266. Zhao W., Pan D. Inside China's Plan to Power Global Blockchain Adoption. <https://www.coindesk.com/inside-chinas-plan-to-power-global-blockchain-adoption>.

SUMMARY

The most important trend of the beginning of the XXI century was the process of transition of economic structures to the «knowledge-intensive» or innovative stage of development. This transition primarily meant the formation of a new system of productive forces, which involve the informatization of all spheres of the economy. At this time, there is no creation of separate elements of information productive forces – this stage was passed at the end of the XX century, but a global world information system, which like a giant octopus draws in various economic structures, both those that have already passed to new productive forces, and those that remained at earlier stages of development.

The world economy in the process of this transition falls into the trap of uneven economic growth, because the transition captures selectively individual parts of the economy, without transforming the entire system of productive forces. As a result, in one country, in one industry, and even in one farm, different economic structures are preserved, increasing the heterogeneity of the structure. Moreover, the unevenness of economic growth increases in the space-time continuum, due to both the strengthening of development imbalances, and repeated shocks and crises of various origins.

The collective monograph identifies current trends in economic growth in the Eastern countries, assesses the level of its unevenness, examines both the advanced and lagging links of the economic system, and analyzes the degree of social inequality.

The collective monograph begins with an analysis of uneven economic growth in the Eastern countries, which shows modern approaches and methods for studying inequality. Within the framework of this topic, much attention is paid to the study of regional unevenness in various sectors of the world economy, in particular, in the mining, agriculture, and electric power industry. The focus is on the features of economic growth in Asia and Africa.

Spatial comparative analysis and dynamic analysis of Kondratiev's «big cycles» were performed to study the unevenness of economic growth»

Spatial unevenness of economic growth. Modern theoretical concepts take as the basis of spatial unevenness three system blocks that determine the acceleration and choice of the model of economic growth: a) the country's institutional system; b) the country's macroeconomic policy; c) external shocks.

The institutional system permeates almost the entire economic and social life of the country. It includes formal institutions (laws, constitutions) and informal institutions (traditional social norms, conventions, accepted codes of conduct). Economic reform involves institutional changes, which are divided into discrete and incremental ones. Discrete changes occur as a result of radical changes in formal norms and rules and relate to changes in the institutional environment. Transformation along the path of discrete changes means that the original institutions should end their existence, and their functions in the economy will begin to be performed by other institutions. Incremental changes are related to changes in institutional agreements and local informal norms. The trajectory formed by them implies a gradual transformation of these institutions.

Macroeconomic policy aimed at accelerating economic growth involves various mechanisms for modernizing the economy.

The first mechanism is growth based on innovation. Initially, in the Eastern countries, this mechanism was based on technological transfers from abroad (the experience of NIS), but over time, innovative growth became endogenous. Reform based on innovation involves redirecting resources to science and technology industries, they can be focused on breakthrough industries, or on broad innovative development.

The second mechanism – economic growth within the framework of the resource model of development-is based on the implementation of absolute advantages in international trade. The reforms are

aimed at improving the efficiency of resource use. This mechanism works most productively while developing the mining.

The third mechanism involves attracting foreign capital to the industrial sector. This mechanism is based on the realization of the relative advantages of cheap labor and obtaining a higher profit rate for foreign companies. The foundation of this mechanism is the removal of resource-intensive, environmentally dirty industries from more developed countries to less developed ones, and TNCs become the conduits.

External shocks imply historical changes in the economic growth environment. They are determined by political stability/instability, including the personal competencies of people who determine economic policy. The political system influences uneven economic growth in different countries not only through the institutions established in the country, but also through unlimited power or through revolutionary transformations.

For measuring uneven socio-economic development, the following indicators are used:

1. The growth rate of Gross domestic product (GDP)
2. Accumulation of physical capital and potential of human development
3. Productivity of the main production factors – capital, labor, and natural resources
4. Total factor productivity
5. The value of GDP per capita and inequality of income distribution.

Cyclical unevenness of economic growth. When studying the long-term dynamics of economic growth in various countries, we can distinguish periods of accelerated growth rates and periods of recessions in the rates. Of the many economic cycles, the «big cycles» of N.D. Kondratiev have been stirring scientific thought for a century, and since the beginning of the XXI century, interest in them has been kindled with a vengeance.

The dynamics of economic indicators shows that there is the «big cycle» that is 50–55 years long, of which about a quarter of a century is in the recovery phase and a quarter of a century is in the

downturn phase. During the century, the world economy goes through two «big cycles».

The paper studies the movement of crop yields and labor productivity in various countries of the East and West from the end of the XIX century to the beginning of the XXI century. The Kondratiev agricultural cycle was obtained, which includes two complete cycles in the XX century and one incomplete cycle in the XXI century.

One of the painful points of economic growth is the fact that inequality is combined with the problem of inequality in socio-economic development and contributes to the stratification of society.

Economic and social inequality in the world is characterized by inter-country differences in the levels of socio-economic development, access of the population to life support resources (food, social and medical benefits, education), social and property stratification within countries. If you measure countries by per capita income, about 17% of the world's population lives in high-income countries, 45% in middle-income countries, and 39% in low-income countries. More than 10% of the world's population is chronically affected by food insecurity, mainly in South Asia and sub-Saharan Africa. Property inequality is growing in both developing and developed countries. The share of the top 10% of citizens in national income ranges from 37% in Europe to 61% in the Middle East. The monograph also attempts to answer the question to what extent TNCs are responsible for increasing inequality in income distribution in developing countries.

The problem of social stratification in Japan deserves a separate subject of research. For a long time, Japan was characterized by a relatively high degree of equality in terms of income distribution. However, since the beginning of the 1990s, under the influence of a number of factors, the processes of social stratification began in the country. They have gone quite far, as evidenced by a marked increase in the Gini coefficient by primary incomes. But at the same time, the redistribution function of the state, the main tools of which are the social security system and the tax system, has also increased. This keeps the Gini coefficient by income after redistribution at a level considered relatively low.

However, by some other indicators of social stratification (such as the funds coefficient, the relative poverty rate, especially among the elderly and children), the situation is looking less optimistic. Nevertheless, the well-being of Japanese society by a number of other socio-economic indicators helps to smooth out and compensate for the negative effects of income stratification and to prevent aggravation of the socio-political situation in the country. But the question is whether the state's social protection policy measures are sufficient to solve this problem.

Since the end of the twentieth century. The «mysteries» of economic growth, including its unevenness, are the paradoxes of development in such Eastern countries as China and Indonesia, Pakistan and India, Turkey and Egypt, which will be analyzed in this monograph.

Currently, the problems of economic growth in China are of the greatest interest. Therefore, the paper considers various aspects of this topical topic. First, the trends, determinants and consequences of the country's long-term development in the global context are analyzed and clarified. As a result, It is shown, that (a) China succeeded to have accomplished unprecedentedly fast and huge breakthrough in economic and social development due not only to carrying out a wide complex of pro-market reforms (while maintaining the command positions of the state) and considerable increase in the share of investments in physical and human capital in GDP, but to an active use of external factors and the development of innovation potential as well; (b) China's forced economic growth was brought about not only by extensive, but in no small part by intensive factors, whose role turned to be although of less dimension than in the advanced economies, but considerably higher than on average in other developing countries; (c) China's economic progress was accompanied by emergence and exacerbation of serious financial, ecological and social problems, whose urgent solving has become an imperative of successful continuation of China's catch-up (leap-frog) development. Secondly, we have studied the change of economic growth models in China over the past 40 years, described a promising economic model based on innovation and defined the conditions for its implementation. On the other hand, it is determined that the

weakest link in the Chinese economy continues to be agriculture. Despite the huge success achieved in the field of self-sufficiency in food – the country is a world leader in the production of a large range of food products, the indicators of economic efficiency do not match the efficiency of industrial production, which creates an industry unevenness. Finally, the issues of modern understanding of social justice, acceptable level of control of social behavior of the individual from the point of view of the Chinese leadership were raised. It was emphasized that the measures taken by them destroy the old social order, and although the Chinese new model based on innovation is based on scientific and technological progress, its humanistic component and universality are doubtful.

To study the unevenness of economic growth in a country with a dependent economy, we selected Pakistan whose growth is experiencing marked fluctuations in time. Dependence stems from the decisive importance that foreign policy factors have in terms of alternating growth rhythms. The reason for the dependency lies in the low potential of domestic development, the lack of national savings, the chronic trade deficit, the unstable inflow of foreign direct investment. The economic development of the country is analyzed in the article at the stage of its existence in the current borders (since 1971).

The monograph uses the example of the East and South-East of Turkey to study methods for measuring inclusive economic growth and assess its impact on the degree of overcoming regional backwardness. For this purpose, a set of inclusion indicators developed by the Asian development Bank in relation to the realities of Turkey was used.

The Arab Republic of Egypt – the largest state in the Arab world, which plays an important role in economic processes in the Middle East and North Africa, is studied in the monograph from two sides. First, the structure of the Egyptian economy is comprehensively analyzed, social inequality is analyzed, and the classification of Egypt's regions according to the level of infrastructure and human capital development is proposed. Secondly, the direction of socio-economic

development of Egypt after the Arab spring of 2011 was determined and the crises associated with rapid population growth were identified.

From the point of view of studying the patterns of economic development in the Middle East, such an acute topic as the Islamic Caliphate. The Islamic caliphate, which has become a self-proclaimed and illegal entity homed by force in some territories of both Syria and Iraq, appears in the literal sense of the word as an incidental phenomenon and a direct consequence of foreign intervention against Iraq, which provoked consolidation of religious extremist forces and their desire to institutionalize themselves in the form of a state. The phenomenon created by jihadists was expectedly lame and devoid of the necessary signs of a full-fledged state. Its deviant ideology turned out to be only an extra adding to true Islamic values, the economic function was untenable, the social one was perceived as flawed, and democracy in the generally accepted sense of the word was completely absent. The daily practice of the Caliphate bore all the features of a criminal activity that met the interests of only the most irreconcilable group of fanatics. The effect of close neighborhood with them quickly manifested itself in adjacent territories in the form of the emergence of criminal groups competing with official authorities, which laid foundation for numerous cases of misuse of power, violence and economic abuses. The Caliphate, as the embodiment of a destructive idea, is destroyed, but its roots still remain, and, therefore, the danger of a new similar threat remains in the person of forces ready to disavow the Islam, as one of the leading world religion.

Continuing the theme of economic development in the Middle East, the problems of economic diversification in the Countries of the Gulf Cooperation Council are studied. The problems of diversification of the sectoral structure of the economy in the Gulf Cooperation Council countries remain complex, since the oil export-dependent model of economic growth is experiencing increasing difficulties in the context of the global transformation of the energy resources market and the technological structure of the economy. The need to accelerate the restructuring of the sectoral structures of the GCC countries' economies became even more evident in the context of the latest crisis associated

with the fall in oil prices under the influence of the COVID–2019 pandemic. This crisis has undermined the functioning of several areas of the service sector, primarily tourism. Within the framework of diversification strategies for the sectoral structure the GCC countries, today, despite some successes in diversification, are facing the challenge of shifting the center of gravity to diversification in the group of manufacturing sectors and to the introduction of innovative technologies. In addition, the Arabian monarchies intend to radically change the structure of financial support for investments.

The monograph raises issues of the green economy on the example of Morocco. Innovation is at the heart of the green economy challenge. In order to stimulate technological innovation and strengthen research in new sectors of Moroccan economy, such as renewable energy, water economy, sustainable agriculture, waste management, a number of institutional, regulatory and financial measures have been taken. The state plays the main role in promoting innovation, but public-private partnership is important. Increasing green investment is a goal of high priority.

The fight against the COVID–19 pandemic has revealed new fault lines in the economic and socio-political life of Asian countries. In particular, the monograph examines the socio-economic challenges faced by the leadership and population of Pakistan, where, in addition to the energy crisis of 2015–2019, the balance of payments crisis appeared in the spring of 2019, and a year later the country was covered by COVID–19. The series of challenges only highlighted a weak system of governance of the federal government, a weak health care system, social indiscipline of the nation. But political parties, many politicians underline – as this is not the time to play politics but it is the time to save our people; a polarized political system will further endanger the people.

High rates of economic growth in the countries of South-East Asia, accompanied by a reduction in social problems and a real improvement in food security, represent another «mystery» of uneven economic growth. Therefore, the paper offers a study of the dynamics and

real results of socio-economic development of Indonesia in the XXI century, taking into account the contribution of the most important factors to this process – labor costs, capital investment, and total factor productivity. As a result, Indonesia's high economic growth rate is accompanied by a relatively slow restructuring of its industry structure, an increasing contribution of extensive factors (especially capital investment), and an improvement in the quality of life significantly lags behind the dynamics of economic growth.

The process of globalization that has engulfed many countries of the world today is closely linked to the development of international transport infrastructure and, first of all, Maritime transport, which accounts for the largest part of cargo transportation. Maritime navigation is an important tool in this process. At the same time, the rapid pace of integration of international cooperation forces us to look for new ways to improve the efficiency of transport in order to meet the requirements of the time. Hence the emergence of international transport corridors and innovations based on the latest achievements of science and technology. The most visible manifestation of globalization is the free movement of goods, people, information and capital across national borders. During the years of globalization, the volume of foreign trade cargo transportation has increased sharply. As part of the topic of the impact of globalization on transport potential, two issues were considered: Japan's international transport and prospects for Russian-Chinese transport cooperation. Also, within the framework of Russian-Chinese transport cooperation, an assessment of the imbalances in the economic potential of Russia and China was made, and a comparative analysis of the main economic indicators of the two countries was conducted.

Assessing the events of the beginning of the XXI century we can conclude that the world is entering a new era, when the international economic order takes a different shape compared to previous decades. Many developing countries in the East are building up their economic strength, and developed countries in the West are having to rethink their attitude to new economies.

CONTENT

BOOK 1

FOREWORD.....	9
CHAPTER I. UNEVEN ECONOMIC GROWTH AND THE COUNTRIES OF THE EAST: THE END OF THE XX – BEGINNING OF THE XXI CENTURIES.....	17
§1.1. The unevenness of economic growth in modern concepts.....	17
§1.2. Comparative analysis of the main parameters and social consequences of economic growth: China, other developing and developed countries, 1980–2010s	33
§1.3. Uneven development of world agriculture: modernization vs informal institutions.....	58
§1.4. The unevenness of the resource potential in the global mining industry.....	88
§1.5. The role of distributed generation in eliminating regional imbalances in socio-economic development in Asia and Africa.....	109
§1.6. Pakistan: unevenness of economic development of a dependent state.....	121
§1.7. Turkey: analysis of the socio-economic evolution of the East and South-East in terms of the concept of inclusive development (2008-2017).....	139
CHAPTER II. INEQUALITY IN SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT: FROM GENERAL PROBLEMS TO SPECIFIC SOLUTIONS...	158
§2.1. Inequality of socio-economic development: states and strata.....	158
§2.2. Neoliberal collapse and fight for social and economic equality.....	173
§2.3. Unequal income distribution in Asian and African countries and TNCs.....	197
§2.4. The problem of social inequality in contemporary Japan.....	217

§2.5. Indicators of social stratification in Japan.....	240
APPENDIX TO §1.1. Agricultural «big cycles» in Eastern and Western countries (the Kondratieff cycles).....	260
ABOUT THE AUTHORS.....	275

BOOK 2

FOREWORD TO BOOK 2.....	9
CHAPTER III. MODERN TRENDS IN SOCIO–ECONOMIC AND PO- LITICAL DEVELOPMENT OF THE COUNTRIES OF ASIA AND NORTH AFRICA.....	15
§3.1. Islamic State: a fusion of deviant ideas and a crimi- nialized economy.....	15
§3.2. Structural problems of economic diversification in the countries of the Gulf Cooperation Council.....	40
§3.3. Green economy as an innovative way of Moroccan development.....	56
§3.4. China: a model of innovation-based economic growth.....	72
§3.5. New Approaches to build xiaokang society.....	94
§3.6. Financial systems of India and China: dynamics and challenges.....	105
§3.7. China's agriculture is the weak component in the in- novation-based model.....	119
§3.8. Economic growth in modern Indonesia: results, fac- tors, effectiveness.....	132
§3.9. Regional and social inequality in the development of the Arab Republic of Egypt in the XXI century.....	145
§3.10. Modern trends in the development of the Arab Re- public of Egypt.....	173
§3.11. Socio-economic challenges in Pakistan against the background of the COVID–19.....	187
CHAPTER IV. TRANSPORT POTENTIAL AND GLOBALIZATION ..	203
§4.1. International transport of Japan under globalization.	203

§4.2. Russian-Chinese transport cooperation: potential differences as a risk factor.....	214
AFTERWORD.....	234
APPENDIX TO §3.9.....	237
REFERENCES.....	248
SUMMARY.....	271
ABOUT THE AUTHORS.....	283

THE AUTHORS

BOOK 1

FOREWORD – I.V. Deryugina

CHAPTER I

§1.1 – I.V. Deryugina

§1.2 – V.A. Meliantsev

§1.3 – I.V. Deryugina

§1.4 – E.V. Rastyannikova

§1.5 – M.G. Borisov

§1.6 – V.Ya. Belokrenitsky

§1.7 – N.Yu. Ulchenko

CHAPTER II

§2.1 – A.V. Akimov

§2.2 – F.N. Yurlov

§2.3 – N.N. Tsvetkova

§2.4 – D.V. Streltsov

§2.5 – I.P. Lebedeva

APPENDIX – I.V. Deryugina

BOOK 2

CHAPTER III

§3.1 – A.O. Filonik

§3.2 – G.L. Ghukasyan

§3.3 – Z.A. Solovieva

§3.4 – V.G. Kandalintsev

§3.5 – E.I. Maksimova

§3.6 – L.H. Matyunina

§3.7 – I.V. Deryugina

§3.8 – V.V. Boitsov

§3.9 – I.A. Orlov

§3.10 – I.A. Bocharov

§3.11 – N.A. Zamaraeva

CHAPTER IV

§4.1 – I.Yu. Avdakov

§4.2 – N.K. Semenova

APPENDIX – I.A. Orlov

AFTERWORD – I.V. Deryugina

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдаков Игорь Юрьевич – Кандидат экономических наук, Ведущий научный сотрудник Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Igor Yu. Avdakov – PhD (Economics), Leading Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Акимов Александр Владимирович – Доктор экономических наук, Заведующий Отделом экономических исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Alexander V. Akimov – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head of Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – Доктор исторических наук, Кандидат экономических наук, Профессор, Заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, Москва

Vyacheslav Ya. Belokrenitsky – Doctor of Sciences (History), PhD (Economics), Professor, Head of Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Бойцов Валерий Васильевич – Кандидат исторических наук, Доцент Кафедры экономики и экономической географии стран Азии и Африки, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Valery V. Boitsov – PhD (History), Associate Professor, Department of Economics and Economic Geography of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Борисов Михаил Глебович – Кандидат экономических наук, Старший научный сотрудник Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН

Mikhail G. Borisov – PhD (Economics), Senior Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Бочаров Иван Александрович – Референт, Российский совет по международным делам, Москва

Ivan A. Bocharov – Referent, Russian International Affairs Council, Moscow

Гукасян Гурген Левонович – Кандидат экономических наук, Старший научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Gurgen L. Ghukasyan – PhD (Economics), Senior Research Fellow, Centre for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Дерюгина Ирина Владимировна – Кандидат экономических наук, Ведущий научный сотрудник Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Irina V. Deryugina – PhD (Economics), Leading Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Замараева Наталья Алексеевна – Кандидат исторических наук, Старший научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, Москва

Natalia A. Zamaraeva – PhD (History), Senior Research Fellow, Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Кандалинцев Виталий Геннадиевич – Кандидат экономических наук, Старший научный сотрудник Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН

Vitaly G. Kandalintsev – PhD (Economics), Senior Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Лебедева Ирина Павловна – Доктор экономических наук, Главный научный сотрудник Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Irina P. Lebedeva – Doctor of Sciences (Economics), Chief Research Fellow, Centre for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Максимова Елена Ивановна – Кандидат экономических наук, Старший научный сотрудник Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Elena I. Maksimova – PhD (Economics), Senior Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Матюнина Лиана Хафисовна – Кандидат экономических наук, Доцент Кафедры МЭО, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Liana H. Matyunina – PhD (Economics), Associate Professor, Department of International Economic Relations of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Мельянцева Виталий Альбертович – Доктор экономических наук, Профессор, Заведующий кафедрой МЭО, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Vitalii A. Meliantsev – Doctor of Sciences (Economics), Honored Professor, Head of the Department of International Economic Relations of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow

Орлов Илья Александрович – Стажёр-исследователь, НУЛ экономики изменения климата, НИУ Высшая школа экономики, Москва

Iliia A. Orlov – Research Intern, Research and Training Laboratory of Climate Change Economics, National Research University Higher School of Economics, Moscow

Растянникова Елизавета Викторовна – Кандидат экономических наук, Старший научный сотрудник Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Elizaveta V. Rastyannikova – PhD (Economics), Senior Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Семенова Нелли Кимовна – Кандидат политических наук, Старший научный сотрудник Отдела экономических исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Nelli K. Semenova – PhD (Politics), Senior Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Соловьева Зоя Александровна – Кандидат экономических наук, Научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Zoya A. Solovieva – PhD (Economics), Research Fellow, Centre for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Стрельцов Дмитрий Викторович – Доктор исторических наук, Ведущий научный сотрудник Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Dmitry V. Streltsov – Doctor of Sciences (History), Leading Research Fellow, Economic Research Department, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Ульченко Наталия Юрьевна – Доктор экономических наук, Доцент, Ведущий научный сотрудник Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, Институт востоковедения РАН, Институт стран Азии и Африки МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Natalia Yu. Ulchenko – Doctor of Sciences (Economics), Head of the Department of Economy and Economic Geography of Asian and African Countries, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov

Moscow State University; Head of the Department of Turkish Studies,
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Science, Moscow

Филоник Александр Оскарович – Кандидат экономических наук,
Ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований,
Институт востоковедения РАН, Москва

Alexander O. Filonik – PhD (Economics), Leading Research Fellow,
Centre for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Цветкова Нина Николаевна – Кандидат экономических наук, Ведущий научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения РАН, Москва

Nina N. Tsvetkova – PhD (Economics), Leading Research Fellow, Centre of Studies common Problems of Contemporary East, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow

Юрлов Феликс Николаевич – Доктор исторических наук, Главный научный сотрудник Центра индийских исследований, Институт востоковедения РАН, Москва

Felix N. Yurlov – Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow, Centre for Indian Studies, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow

Научное издание

**Экономический рост в странах Востока:
тенденции, неравномерность,
неравенство социального развития**

Книга 2

Верстка И.В. Дерюгиной

Подписано в печать 02.07.2020

Формат 60х90/16. Бумага офсетная. Печать цифровая

Усл.-печ. л. 18,0. Уч.-изд. л. 14,8

Тираж 500 экз. Заказ № 424

Федеральное государственное
бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел.
Зав. отделом И.В. Федулов
e-mail: izd@ivran.ru

Отпечатано в типографии «ПАО Т8»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д.42, корп.5, ком. 6.
Тел. (499) 332-38-30. E-mail: info@T8print.ru